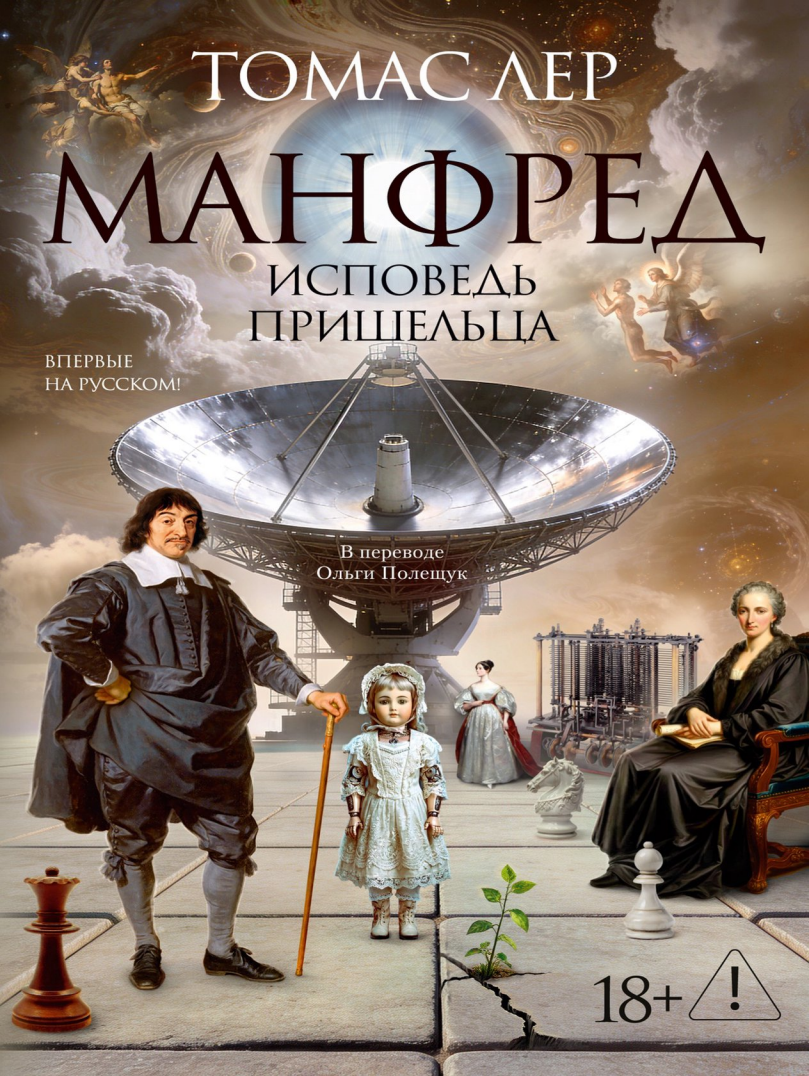
ТОМАС ЛЕР
МАНФРЕД
ИСПОВЕДЬ ПРИШЕЛЬЦА
ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!
В переводе Ольги Полещук
18+

Манфред: исповедь пришельца

Томас Лер

Аннотация
Томас Лер. Манфред: исповедь пришельца
I. Внедрение
II. В саду земных наслаждений
III. Чистая парочка
IV. Раннее барокко
V. В Ульме и вокруг, и вокруг…
VI. Вторая проблема
VII. Дальновидность египетской цапли
VIII. (Как бы) отлет
IX. Сыворотка, ослепление, символ веры
X. Ultima ratio

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ
ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ
ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

В один прекрасный (хотя как посмотреть) день в жизни Манфреда, 35-летнего программиста, несколько опустившегося, не

очень здорового, сильно разочарованного, довольно унылого, – в общем, типичного экземпляра вида Homo sapiens,– появляется пришелец по имени Цорргх.

На что этот неинтересный Манфред сдался представителю высокоразвитой цивилизации? Манфред вызвал сигнал межгалактической тревоги: он сам или кто-то поблизости подошел к ПРАВИЛЬНОЙ МЫСЛИ, которая может открыть людям существование инопланетных цивилизаций, а Земля до такого знания еще не доросла. Цорргх уже предотвращал подобные открытия, когда к ним вплот-

ную подступали Босх, Декарт, Ада Лавлейс и Эйнштейн. Привести Манфреда в порядок, взять под контроль, изучить его окружение, сбить со следа и незаметно исчезнуть? Раз плюнуть. Но вскоре усовершенствованный и неожиданно для всех поумневший Манфред вновь встречает любовь своей юности Сабину, особу весьма непростую и с собственной миссией, и инопланетная операция под прикрытием превращается в рискованный для жизни и рассудка буйный балаган.

Томас Лер – одна из крупнейших и наиболее самобытных фигур литературы современной Германии, программист и философ, насмешник и эрудит, которого критики сравнивают с Томасом Пинчоном, а мы бы сравнили с Жауме Кабре. Его «Манфред: исповедь пришельца» – философский роман пополам с фарсом, сатира и притча, трагикомедия, поставленная на опилках цирковой арены. Высокоразвитые цивилизации взирают на комическое человечество с космических высот и беспомощно хохочут – а что им остается? Лучше смеяться, чем плакать.

Впервые на русском!

Томас Лер
Манфред: исповедь пришельца

Copyright © 2023 Carl Hanser Verlag GmbH & Co. KG, Munchen
© О. Б. Полещук, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026 Издательство Азбука®
Оформление обложки Ильи Кучмы

* * *

Посвящается Дорле

Кроме людей, кто может знать печали?[1]

Лорд Байрон

Чем более постижимой представляется Вселенная, тем более она кажется бессмысленной[2].

Стивен Вайнберг

---

[1] Примечания: 1

Цитата из мистерии Джорджа Гордона Байрона «Каин» («Cain», 1821), перевод Е. Зарина.– *Здесь и далее примечания переводчика, кроме отмеченных особо*.

[2] Примечания: 2

Цитата из книги «Первые три минуты: современный взгляд на происхождение Вселенной» («The First Three Minutes: A Modern View of the Origin of the Universe», 1977, 1993), перевод В. Строкова.

I. Внедрение

1

Манфреда Мы обнаружили в ужасающем состоянии. Единственная его голова лежала на клавиатуре складной вычислительной машины, его дыхание показалось Нам гнилостным, щетина превратила его подбородок в красноватый кактус. Чтобы не всполошить его и держать в узде, для наблюдения Мы открыли только глазок. От этого он проснулся, рывком поднял голову и уставился на свое жалкое жилище так, словно видит его впервые.

В том, что сейчас он испытывал ужас, ему следовало винить самого себя. Во времена Нашей последней миссии подобное запущенное логово человеки, вероятно, называли холостяцкой квартирой. На липком кухонном столе Мы нашли газету, местную провинциальную газетенку. Если она была сегодняшней, то все происходило в пятницу в конце второго десятилетия так называемого у человеков двадцать первого века.

Для начала Мы заставили Манфреда суетливо метаться по его дурно обустроенной квартире,

будто он потерял и срочно должен отыскать что-то ценное. Однако Мы не обнаружили ничего, что позволяло бы предположить большой талант, выдающиеся способности, высший разум. В его время еще существуют книги, но полупустой стеллаж, который Манфред второпях покорно обшаривал для Нас, содержал лишь прискорбно бездарные опусы. Исключение составляли труды по экономике и горстка с виду зачитанных до дыр специальных книг по настройке вычислительных машин, и в них Манфред теперь рылся, словно когда-то засунул туда денежную купюру, — рылся для того, чтобы Мы могли увидеть, какого качества заметки он делал от руки. Надо сказать, весьма посредственного.

Побудив его просмотреть свои дневники и личные записи, учебные заметки и коробку из-под обуви с присланными ему письмами и открытками, Мы и там не нашли никакого указания на особое дарование или оригинальные черты его характера. То же самое касается, к сожалению, и его корреспондентов. В синей металлической шкатулке он обнаружил свое свидетельство о рождении — и побелел, увидев дату. Да, у него были все основания стыдиться! В тридцать пять лет он жил расхлябанно и как придется, не про-

являя признаков хорошего вкуса или улучшения благосостояния.

Даже его физическая форма не делала чести мужской особи его биологического вида. Внушив ему настоятельную потребность сорвать с себя одежду, Мы втолкнули его в тесную ванную комнату, к узкому, но высокому зеркалу, которое — замызганное и с плохой подсветкой — показало среди пятен плесени его портрет в полный рост. Его лицо, мешки под глазами, опущенные плечи, неэстетично наметившийся живот, тощие руки и ноги, странно вывернутые наружу слишком большие ступни могли ошибочно навести на мысль, что перед Нами неправомерно выдвинутый на первый план второстепенный персонаж какой-нибудь картины с изображением Апокалипсиса: скрюченный грешник, чьи порочные привычки до того ослабили и изуродовали само по себе еще молодое, в сущности даже вполне пригодное к использованию тело, что оно годится лишь на то, чтобы ангел спихнул его в ад или один из красных чертей насадил на вилы. Нам вспоминается дело Иеронима Босха, которое Мы, проявив прямо-таки безграничное терпение, урегулировали цивилизованно, но раз и навсегда на шестьдесят шестом году жизни великого худож-

ника. Однако в набитом соломой мозгу Манфреда не проскакивает, похоже, ни одна провидческая искра, и эту солому Нам, вероятно, придется однажды поджечь, чтобы, по возможности, вывести на свет скрытых там персонажей.

Теперь, в эти минуты вынужденного созерцания себя без прикрас перед зеркалом в ванной, Манфред, должно быть, вообразил, что в его мозгу пробудилась некая высшая и лучшая инстанция и тут же решила вывалить ему всю правду о его убогом существовании. *Ecce homo*[3]. Мы заставили его раздуть ноздри и растянуть пошире губы, чтобы дать неутешительную оценку состоянию зубов. Затем Мы затолкали его под душ и поливали тело бедного грешника сначала горячей водой, а под конец ледяной до тех пор, пока туман в его пульсирующем мозгу не начал рассеиваться и перед Нами не предстали более четкие контуры. Манфред, тебе нужно отбелить зубы!

2

Сообщений домой Мы не посылаем. Иначе спустя еще несколько оборотов планеты вокруг

---

[3] Примечания: 3

Се, Человек *(лат.)* — слова, с которыми Понтий Пилат обращается к толпе, выведя к ним Иисуса Христа и желая его оправдать (Ин. 19: 5).

своей оси и небольшого ряда неинвазивных исследований Манфреда Нам пришлось бы сообщить Внешнему совету, что пока невозможно обнаружить, из-за чего прозвучал сигнал тревоги. Вероятно, причина кроется где-то в более глубоких слоях Манфредова мозга, которые Мы еще не инспектировали, чтобы преждевременно не повредить объект. Мы очень не любим вспоминать о прежних случаях так называемого помешательства, а то и вовсе самоубийств в неистовстве на почве внезапного озарения. С тех пор как Мы пальпировали это жалкое человеческое существо, осторожно прозондировали его в глазок, привели его, так сказать, в загон и снабдили легким чепраком, оно пребывает в жизненном кризисе — и давно пора. Ибо абсолютно не важно, включилась ли аварийная сигнализация из-за самого Манфреда или из-за какого-то элемента его социального окружения, — в таком состоянии помутнения и интоксикации его не использовать даже в качестве инструментального средства. А значит, Мы проводим его чистку, как это называется на языке берейторов, снабжающем Нас изумительными образами для описания процесса облагораживания экземпляров человеческих существ, необходимой зоологической дрессуры

избранных представителей вида, который все громче провозглашает себя повелителем других форм жизни.

В процессе чистки Мы избавили Манфреда от никотиновой зависимости, от коей он, как и бесчисленное множество его собратьев по виду за прошедшую сотню солнечных лет, рисковал в пожилом возрасте кончить скверно. А еще Мы убрали из его дома весь алкоголь и коробку с применяемыми, очевидно, не по назначению фармакологическими веществами. Кроме того, используя в качестве кнута чудовищные угрызения совести, Мы пресекали любую попытку вновь приобрести неуместные тут наркотики. Каждый джентльмен знает, что в крайнем случае в себя забрасывают разве что ведерко мятного ликера. Две-три недели Манфред маялся, выл, бормотал какую-то невнятицу, и толку от него не было. Страдая зависимостями, он не устраивался на постоянную работу, а как студент-недоучка и мелкий предприниматель получал нестабильный доход от случайных заказов, связанных с компьютерами, — некоторые его клиенты звонили и обругивали автоответчик, — и, проедая небольшое наследство покойной матери (об отце в его документах ничего не значилось), вел неупо-

рядоченный и бессмысленный образ жизни, что давало в его существовании некоторую свободу действий и очень помогло Нам при надевании уздечки и установке трензеля. Манфред должен научиться носить Нас.

Когда однажды солнечным апрельским утром он вдруг почувствовал себя необычайно сильным, свободным и словно заново родившимся, Мы устроили ему выгул в агломерации, или в *civitas*[4]. Подчас Мы обнаруживаем у него в мозгу странные словечки вроде покрытой плесенью латыни или обрывков немудреного школьного французского, а еще, видимо, распространившийся в начале двадцать первого века подобно эпидемии американский английский с не такой уж примитивной лексикой, однако лишенный гибкости и риторического изящества. Видимо, Манфред кое-что читал, но мало что при этом чувствовал. Поколебавшись, Мы выпустили его из квартиры, уже тщательно убранной и приведенной в порядок, и лонжировали, гоняя по улицам города, в котором он родился и провел всю свою прежнюю жизнь, будто он дерево. Однако Манфред, похоже, еще непригоден даже для

---

[4] Примечания: 4

В конце античной эпохи общепринятое название городской общины.

скромного улучшающего воздух фотосинтеза.

Мы иронизируем, а не стоило бы, пока действительно не запряжем и не оседлаем объект. В ходе многодневного лонжирования по местности, откуда он родом и где длительно пребывал, Нам так и не удалось обнаружить ни малейшего указания на то, что Манфред мог бы ментально или физически приблизиться к гипотетически опасному состоянию или включающему аварийную сигнализацию вопросу. Родной город Манфреда Р. и сам кажется его подобием. По нему, несмело извиваясь, протекает зеленовато-серая река, беспорядочно рассеиваются районы новостроек на окраине, его опоясывает безотрадная зона частных домов с лоскутами садов, а еще здесь есть до абсурда задымленный и забитый машинами, как мозг кальцинатами, старый центр с нелепым множеством малозначимых церквей в готическом и романском стилях. Город украшают памятники полководцам-убийцам не слишком высокого ранга и местным правителям, чья роль мала или забыта. Здесь есть железнодорожный вокзал с шестью путями, немного легкой промышленности, рудименты курортно-гостиничного бизнеса, оставшиеся от лучших времен, характерные признаки увядающего туризма

и, наконец, университет, уже четыре столетия привычно склонный себя переоценивать. Его двенадцать тысяч образцово-показательных студентов кажутся армией Манфредов, если бы последний прямо-таки живительным образом не опустился и после восемнадцати семестров его не выставили за дверь альма-матер, вскармливающей прокисшим молоком.

И вновь Нас так и подмывает съязвить, а вместо этого следовало бы опечалиться тем, насколько бесплодной оказалась проверка привычной для Манфреда среды. Вновь, как и в доброй дюжине порученных Нам до нынешнего момента дел, из-за нечеткой локализации в пространстве Нас высадили, похоже, очень далеко от настоящей цели, от фактора, спровоцировавшего сигнал тревоги. По завершении Нашей миссии Мы позволим себе еще раз указать Внешнему совету на ужасающую степень отклонения от цели, хотя и осознаем неизбежность функциональных нарушений, обусловленную физическими и математическими причинами. В любом случае Нам потребуется еще некоторое время, и, чтобы обнаружить какие-нибудь подозрительные признаки, придется походить с Манфредом, направляя его, по множеству кривых и темных дорожек.

3

Человеки и в начале их двадцать первого века очень далеки от соблюдения

Первого цивилизационного требования:

Каждому без исключения члену цивилизации безусловно гарантируются благоустроенная квартира, разнообразная одежда и высококачественное питание наряду с достаточной суммой денег в кармане!

Поэтому Манфред постепенно начал ощущать необходимость возобновить трудовую деятельность. Несколько семестров учебы в университете, когда он с присущей ему вялостью пытался овладевать учебным материалом, дали ему, как Мы уже отмечали, возможность получать деньги за работу с вычислительными устройствами, к коей относятся как простая установка и сборка, так и программирование страниц оформления заказа и промосайтов для розничной торговли и скромных городских коммерсантов. (Человеки уже в состоянии при помощи электронных сетей быстро адресоваться к кому-либо через всю планету и передавать сообщения буквами, звуком или картинкой, хотя охотнее всего пользуются этим в абсурдных, неприличных или ужасающих

целях.)

Чтобы приблизиться к точке аварийного сигнала, к мозгу поистине опасной личности, Мы вместе с Манфредом посещали его клиентов. В принципе, вполне возможно, что уже среди его ближайших знакомых есть человеческое существо, чьи способности настолько превышают унылый средний уровень его вида, что оно оказалось способно догадаться о существовании портала или даже на несколько секунд заглянуть в него и воспринять краткое ослепительное видение. Однако в этом последнем случае не только раздался бы сигнал, но и узревший остался бы меченым на всю жизнь. С легким содроганием думаем Мы о нескончаемой череде смятенных, безумных лиц, о вооруженных гигантских яйцах, бронированных птицах, синих и зеленых собаках или розовато-лиловых демонах, просверливающих, насаживающих на пики, разгрызающих или еще каким-либо способом пытающих ломтища человеческих тел, — живописец из Босха маниакально наносил их на холсты всю жизнь, пока не перешел опасную черту и Мы милостиво не заперли его в пасти темного моллюска.

Клиенты Манфреда в большинстве своем разочаровывали с первого взгляда. Они встречали его

холодно и с упреками, иные горько жаловались на то, что он не являлся на встречи и не соблюдал договоренностей. Вынужденный пятинедельный отпуск, отказ от исполнения обременительных обязанностей и отвратительных ритуалов своей нелепой повседневной жизни (например, что называется, дуться в карты или вульгарно заливаться пивом в дурной компании), необходимый Нам для первичного ухода за ним после внедрения в его недостойное существование, Мы внушили ему объяснять внезапной болезнью.

И все же вряд ли от кого из деловых партнеров Манфреда укрылись позитивные перемены в его внешности, произведенные Нами путем изъятия наркотиков и повышения самосознания. Как правило, Мы добивались продолжения деловых отношений. Так Нам удавалось и дальше удерживать клиентов в поле зрения, чтобы по возможности натолкнуться на опасный талант или конспиративную деятельность — вероятные причины поступившего сигнала. Изнурительные беседы с местными продавцами мебели, пивоварами, рестораторами, владельцами игорных притонов и портнихами, занимающимися ремонтом одежды, кому Манфред помогает с распространением деловых предложений в меж-

дународной сети вычислительных устройств (так называемом Интернете), по большей части не представляли никакого интереса. Однако в двух случаях Мы приоткрыли глазок, через который получаем расширенный доступ к ощущениям и смутным мыслям Манфреда, в то время как сам он осознает Наше присутствие как оживление в себе высшей инстанции, своего рода фрейдистское Сверх-Я (с каким удовольствием Мы вспоминаем венского мэтра!), каковое, однако, если переусердствовать с нажимом, быстро превращается в демона подступающего безумия.

В упомянутых выше случаях речь шла о способностях или глубоко укоренившихся привычках человеков, по-прежнему удивляющих и трогающих Нас даже после множества миссий. Во-первых, Мы обнаруживаем у них невероятную одаренность в звуковом искусстве, так называемой музыке, где они блистают так, как редко случается и в Наших высотах. Во-вторых, это касается их поразительного способа размножаться, который сочетанием грубой механики и изобретательного или даже утонченного разнообразия приемов в брачных играх сильно впечатляет Нас, — пожалуй, как птицы, которые роняют помет как придется — но вот летают же. Если это

стало едва ли не манией даже у такой особы, как леди Лавлейс (чей мозг в сравнении с Манфредовым выделяется, как сияющая великолепием породистая лошадь рядом с лохматым мулом), у Нас есть все основания изучить жизнь тех, кто мог стать причиной сигнала тревоги, на предмет их манеры действовать в этом брутальном процессе размножения.

На первой подозрительной встрече Нас тут же насторожили пламенеющие уши Манфреда, поскольку все предвещало слияние звукового искусства с сексуальным в интересный союз. Прежде всего это объяснялось сулящим неимоверное счастье самозабвением, с каким перед камерой Манфреда исполняла партиты Баха преподавательница скрипки Донателла Эрнст, лет сорока, среднего роста, родом с берегов Средиземного моря. Насколько Нам удалось выяснить ранее, до сих пор Манфред вступал в сексуальные отношения исключительно с самим собой, причем и это делал торопливо и небрежно. Музыкальности же он, напротив, лишен был не вполне, поскольку, не играя ни на каком инструменте, демонстрировал тонкое понимание, производя видеонарезку выступлений Донателлы, чтобы смастерить для нее домашнюю страницу в Интернете. Мы

позволили себе подсказать ему несколько совершенно новых вопросов Донателле (где родилась, хобби, психические заболевания, физиологические отклонения, странные отношения), чтобы разузнать о ее личной жизни. Итак, теперь Мы знаем о ее четверых детях, о том, что она ужасно боится повредить руки, и о ее муже Эрнсте. Эрнст, по ее словам, инженер, что в связи с сигналом пробуждает в Нас некоторое любопытство. Чтобы не вызвать у Донателлы подозрений, Мы вновь сконцентрировались на ее чудесной игре. Комплименты Манфреда, значительно улучшенного Нами по части гигиены и элегантности, Мы обогатили несколькими идеями, похвалив ее фразировку, динамику мелодической линии и полифоническую технику, чем для первого зондирования возбудили ее достаточно. Мы решили, что в следующий раз осторожно попытаемся больше разведать о ее муже.

По возвращении Мы, видимо, еще раз доведем до сведения Внешнего совета проблему с окном. Поскольку вначале Мы можем наблюдать Наше средство передвижения, рабочую лошадку, то есть в данном случае единственного и безмозглого Манфреда, только в узкий глазок, у Нас нет доступа к его воспоминаниям и Мы не распола-

гаем надежными и исчерпывающими выводами обо всех его способностях и гипотетических скрытых талантах. Требуется время, дополнительные долгие дни или даже недели, пока Мы в достаточной мере не обследуем Наше транспортное средство, наблюдая за его жизнью и позволяя ему ощущать Наше присутствие лишь как мягкое, но постоянное давление в затылке, которое он может принять за новую, удивительную и все более явную активность своего Сверх-Я или вдруг проснувшейся совести, побуждающих его что-то сделать со своей беспечной и зряшной жизнью. Окно же с его пренеприятной прозрачностью в обоих направлениях тут же дало бы Нам четкую картину и прояснило, представляет ли Наше средство передвижения опасность само по себе, или его можно лишь побудить доставить Нас к настоящему источнику тревожного сигнала. И все же, если такому Манфреду или ему подобным доводится оглянуться на Нас, Цорргха, или встретиться с Нами взглядом, это, как правило, повергает в такой ужасный шок, что может последовать бурная реакция, от хронического безумия до немедленного суицида. Полупроницаемое окно, достаточно большое зеркало, позволяющее просмотр лишь с одной стороны, по-прежнему

кажется Нам одной из самых насущных технических проблем современной астрозоологии, каковой Мы профессионально занимаемся. Достойными сожаления представляются Нам также слишком узкие рамки наблюдения и *уроков верховой езды*, как Мы обычно любим называть фазы остроумного использования человеков с тех восхитительных времен, когда сами участвовали в охоте на лис и скачках. Уже через несколько миль верховой прогулки Манфред, как и все прочие средства передвижения, так изнемогает от Нашего невидимого, без четких границ, пребывания во внутреннем седле, что его приходится щадить днями (в течение которых он чаще всего бездумно несется неизвестно куда, как лошадь, которую что-то спугнуло из манежа), в то время как Мы тоже, только наоборот, из-за чудовищного сжатия Нашего облика, умственной активности и возможностей выразить себя возвращаемся домой совершенно разбитыми и вымотанными или обрушиваемся во тьму провизорного небытия, подобно наезднику, который, вылетев из седла, падает в нескончаемую пропасть и быстро теряет сознание.

Разумеется, Мы знаем — впрочем, чисто абстрактно, — что в эти заполненные тьмой паузы

Нам вновь даются высшие блага. Мы (предположительно) возвращаемся к Нашим коллегам по астрозоологическому факультету, вновь встречаемся с друзьями и возлюбленными, прогуливаемся в садах Красшгатхора, которые в земной ограниченности Манфредова подсознания представляются Нам лишь загадочным пустым понятием, означающим какую-то райскую область, — но знаем также, что Нас необходимо лишать почти всех воспоминаний о Нашей настоящей жизни, Нашем истинном облике, о том, как выглядят Наши собратья по виду, Наш город, Наша страна и планета, чтобы в тюремной камере куриного мозга ездового животного Мы за считаные дни не потеряли рассудок от тоски и чувственного желания. Но может случиться, что в ходе исследований Манфред однажды увидит Нас, и тогда в мерцании его цепенеющего взора Мы как минимум на секунду сможем угадать очертания Нашего истинного облика.

4

Мы должны рассказать о второй встрече, пробудившей Наш интерес, поскольку она достаточно сильно поразила в равной степени и Манфреда, и Нас. Он-то заметил высокую женщину с

длинными, темными волосами, по меркам одноголовых, двуруких и двуногих человеков, видимо, красавицу, даму с высоким лбом, большими миндалевидными глазами, тонким длинным носом, восхитительным маленьким ртом и выразительным подбородком, знакомую, бывшую одноклассницу и сокурсницу, прежнюю подругу, а возможно, и кратковременную возлюбленную Сабину (с каждым новым воспоминанием пульс его ускорялся на десять ударов, так что вскоре он стоял перед ней живым метрономом, выставленным на темп «аллегро»), и она, держа в руке плетеную корзину, несколько сумбурно заполненную книгами, цветами и овощами, к его огромному удивлению (плюс еще десять ударов), поздоровалась с ним радостно и открыто. Мы же в прискорбно маленький глазок увидели Аду Лавлейс, вылитую леди Августу Аду Байрон Кинг, графиню Лавлейс, словно она прыгнула через обруч в будущее более чем на сто восемьдесят лет, в полном расцвете своих тридцати! Просто затейливые, с цветочным узором буфы любимого бело-розового наряда сменила на строгую современную одежду для весенней поры: полусапожки, длинные узкие брюки и синий пуловер, будто леди собралась на верховую прогулку.

Пока Манфред, все еще в сильном возбуждении, искал темы для разговора, чтобы не дать Сабине уйти, Наши воспоминания устремились в исторические дали, к лондонским усадьбам и на сырые зеленые поля Киркби-Мэллори. Поразительное сходство этих женщин буквально затягивало Нас обратно в Англию времен Нашей тогдашней миссии — с бурно развивающейся промышленностью, пожирающую уголь и чадящую, — словно леди Лавлейс, прыгнув в туннель времени, не закрыла его за собой как следует (что, вообще-то, может случиться только с кем-то из Наших). Но Нам следовало цепляться за настоящее, чтобы ничего не упустить в этом неравном разговоре (покрасневший, заикающийся Манфред — с прохладцей и сочувствием улыбающаяся Сабина). Разговор крутился вокруг общих знакомых, некоего Рональда, за которого Сабина успела выйти замуж, некоего Акселя, которому Манфред что-то задолжал, а тот пропал, исчез, как сквозь землю провалился.

— Я… было бы здорово, если… если бы мы снова не потеряли друг друга из виду, — выдавил из себя Манфред, будто вес взял.

Сейчас она чаще бывает в городе, потому что ходит на языковые курсы, разговорный фран-

цузский, объяснила Сабина и поинтересовалась, помнит ли еще Манфред, что когда-то они собирались вместе записаться на такие курсы. Сильно взволнованное средство передвижения, лохматое ездовое животное для Нашего интеллекта лишь энергично кивнуло, и, прежде чем успело найти в словах Сабины какой-нибудь крючок, скобу, ручку, за которые ее можно было бы удержать, чтобы и дальше наслаждаться великолепием ее облика и неожиданным дружелюбием, с коим она к нему отнеслась, его знакомая попрощалась, удивительно долго не выпуская его руку из своей большой, но узкой белой ладони.

Несмотря на постоянное напряжение, вызванное растревоженной памятью, от Нас не укрылись две существенные детали этой случайной встречи. Во-первых, в удивительно неоднородно укомплектованной корзинке Сабины поражали книги: это были не учебные материалы по французскому языку, а солидные на вид пособия по квантовой технологии (одной из ранних систем паровых машин двадцать первого века, сравнимой с ткацкими станками времен Ады, которые управлялись перфокартами). Во-вторых, Нас озадачила одна психологическая деталь, хотя ответственность за нее лежит на Нас самих:

небольшие положительные перемены, произведенные Нами за это время во внешнем облике и поведении Манфреда, отчетливо запечатлелись в сознании Сабины. В том, как энергично она распрощалась, чувствовались (возможно, даже Манфредом) нерешительность, легкое колебание, проблеск некой симпатии, связанной, может быть, с прежними общими переживаниями. Там и нужно будет искать, там и образуется щель, которую Мы уже очень скоро будем иметь удовольствие расширить.

5

Объездка с Нами на шее или, лучше сказать, в тесной черепушке так изнуряет Манфреда, что по завершении нужно позволить ему отдохнуть, то есть поспать или вольно побегать трусцой по жуткой прерии родного города, ну а Мы в это время вновь предаемся праздности. Если фаза покоя затягивается, Мы даже вправе креативно вздремнуть или начать погружаться в размышления о числовых или философских проблемах, которые никак не втискиваются в клетку мозга человеков. Не возбраняются и сентиментальные наблюдения, для того чтобы выявлять особенности разных миссий и конгруэнции между

ними, как, например, вызванное поразительным сходством двух женщин, полное меланхолии воспоминание об Аде Лавлейс, центральной фигуре одного из самых увлекательных, но и самых трагических Наших дел.

Ее распутный, но незаурядный отец однажды проснулся знаменитым. Однако не он вызвал сигнал тревоги, хотя и родился в рубашке, как будто один из Нас, астронавт на этой чудесной и пугающей планете: с головой, окруженной прозрачным, с кровавыми прожилками, зеркалом собственного плодного пузыря, отражающим свет расставленных вокруг масляных ламп. Вскоре обнаружили и косолапость. Казалось, он был рожден одновременно отдаваться полетам фантазии (спазмы его цинично-романтичной поэзии) и грубой земной гравитации (его спазмы на всех женщинах и мужчинах, на коих он набрасывался, как голодный хомяк), что в конечном итоге досталось в наследство его дочери, с ужасными последствиями, совершенно так, как этого всегда опасалась ее столь же незаурядная мать.

Тревожный звонок пронзительно прозвенел в тот миг, когда эта энергичная мать Аннабелла подтолкнула прежде чрезмерно и сурово опекаемую Аду вперед, в салон Чарльза Бэббиджа,

празднично освещенный сотнями свечей (если быть точным, шестьюстами сорока двадцатью). Среди гостей ловко сновали слуги в ливреях, предлагая лично отобранные хозяином дома вина из Рейнгау и Бургундии. Как обычно, без всякой подготовки Мы тихо и незаметно высадились в голове на тот момент семнадцатилетней, нарядно одетой девушки, шагающей по паркету в лентах и рюшах, цветах и кружевах, словно заросший кувшинками ходячий пруд в форме колокола. Сомнительно, чтобы непосредственной целью была она, хотя Нас тотчас же восхитило, как быстро и проницательно она воспринимает все окружающее (в сравнении с ней мозг Манфреда ползет, как улитка по земле), и в собравшемся на званый вечер в количестве примерно двухсот персон (в данную минуту ста восьмидесяти семи) праздничном обществе украшенных нарядными чепцами, распахивающих веера дам в вечерних платьях и почтенных, принадлежащих, очевидно, к высшему свету джентльменов во фраках она держалась очень спокойно и взвешенно, мысленно упиваясь представлением, что просто летит у всех над головами и среди люстр прокладывает себе дорогу к истинному аттракциону этого вечера.

Во вспыхнувшем воспоминании девушки Мы обнаружили наброски интересных летательных аппаратов, которые она сделала за два прошедших года, одержимая желанием открыть человечеству новое необъятное пространство для передвижения. Тогда она обдумывала, что можно использовать: крылья больших птиц, жесткие планирующие паруса, звенящие крылышки стрекоз из тонкой кожи, пневматические колеса, приводимые в движение насосами. Бесчисленными чертежами были завалены все столы в доме, а под конец и пол ее комнаты. Опасались, что она не успокоится, пока на деле не реализует какую-нибудь из своих безумных идей, попытавшись взлететь с ближайшего травянистого холма, если не с перил моста или даже с крыши дома.

Поэтому вполне возможно, что ее мать Аннабелла выбрала салон Чарльза Бэббиджа не только для того, чтобы найти умственно перевозбужденной дочери наиболее выгодную партию из родовитого дворянства, но и с намерением ввести ее в иные, новейшие области и тем самым освободить от навязчивой мечты о полетах. Хозяин дома обычно с большой охотой демонстрировал интересующимся гостям свою знаменитую вычислительную машину, и Ада

сгорала от нетерпения увидеть ее, совершенно как на то и надеялась мать. Та, как Нам сразу же стало ясно, справедливо предполагала, что лишь многолетние, по строгому расписанию, изнуряющие занятия, в частности математикой, требующей концентрации и самоотдачи, а также очень освежающими и отрезвляющими естественными науками, в состоянии обуздать (если не полностью погасить) в дочери природную или, вернее, отцовскую импульсивность и жгучее чувственное любопытство. Почти каждого привлекательного мужчину в возрасте от двадцати до пятидесяти регистратура мозга семнадцатилетней девушки молниеносно измеряла, оценивала, определяла его специфические свойства и присущий ему аромат и по ним воздавала должное. (Какой выдающейся специалисткой в области ботаники мужского пола она могла бы стать!) Когда к ней подошел хозяин дома, в темном фраке, с белоснежным стоячим воротником, подвязанным траурной лентой, и в серой жилетке, на которой красовалась золотая вышивка, напоминающая формулы, что позволяло ее обладателю отпускать некоторые из его знаменитых шуток («Знаете, я отмечаю здесь нулевые точки особо интересных функций…»), на юную Аду про-

извели очень даже благоприятное впечатление и его чисто мужские качества (Мы как бы покачали головой в ее голове, поскольку простоватый Бэббидж обладал *sex appeal*[5] разве что переодетого лодочника с Темзы).

Ее мать с воодушевлением приняла приглашение Бэббиджа поучаствовать в начинающейся прямо сейчас презентации его машины, предмета всеобщего ажиотажа. В небольшой (четырнадцать человек) компании избранных они направились в помещение поменьше, заранее как следует освещенное слугами. Так называемая Разностная машина Бэббиджа номер один, размером с аккордеон с растянутыми мехами, стояла на письменном столе. Три основные колонны из насаженных друг на друга шестерней, на которых лежали серебристые диски с выбитыми на них цифрами, были окружены более тонкими вертикальными бронзовыми колоннами с более крупными шестернями наверху, в горизонтали образующими как бы крышу машины. Хозяин дома энергично крутанул рукоятку, похожую на рукоятки известных всем кофемолок и зерновых мельниц, после чего уложенные в столбик ше-

[5] Примечания: 5
Сексуальная привлекательность *(англ.)*.

стерни, благородно потрескивая, почти мурча, вошли в зацепление друг с другом, и последовательность цифр на дисках исходного ряда при посредстве шестерней в центре преобразовалась в новую последовательность в конечном ряду, результат арифметической операции.

Гости пришли в восторг от того, как с точностью часового механизма скользили, сцепляясь друг с другом, промасленные шестерни, и от юмора Бэббиджа, который самоуверенно заявил, что его машина либо заклинивает и не срабатывает вовсе, либо работает и в этом случае всегда выдает только правильный результат. Мало кто из присутствующих еще внимательно слушал и смотрел, когда Бэббидж на вопрос, что и как именно высчитывает сейчас машина, детально объяснял на заранее приготовленном большом чертежном листе, что машина, пользуясь одним сложением, может выполнять более сложные вычисления. Взять хотя бы в качестве простого примера возведение в квадрат натуральных чисел. Рассматривая первые результаты, то есть 1, 4, 9, 16, 25, 36, мы для начала обнаружим, что результаты вычитания этих чисел будут разниться, — соответственно, 3, 5, 7, 9 и 11, а разность между этими результатами вычитания все же

остается постоянной: 2. Если в правой колонке цифр теперь всегда выставлять вторую разность, то есть 2, а в средней колонке каждый раз первую разность, то есть 3, 5, 7, 9 и так далее, то мы увидим, что путем сложения первой и второй разности всегда получается первая разность квадрата следующего числа, к которой нужно лишь прибавить квадрат предыдущего, то есть результат последней операции, чтобы получить квадрат следующего числа. Так, 3 и 2 дают 5, а затем 5 плюс 4 — квадрат следующего по порядку натурального числа, а именно 9, а после этого 5 и 2 дают в сумме 7, 7 и 9 дают 16, то есть 4 в квадрате. Высчитать и выставить на дисках колонн нужно только первые результаты, а все прочие квадраты складываются чисто механически, простым вращением ручки.

— По очереди! — быстро сказала Ада.

— Разумеется, по очереди, — подтвердил Бэббидж.

— Когда первое колесо всегда прокручивается назад на двойку и цифры, выбитые на каждой следующей колонне колес, передвигаются в противоположном направлении.

— Именно так, — сказал довольный Бэббидж.

— А можно вычислять и более высокие степе-

ни? Например, число в седьмой степени, но тогда для этого, наверное, понадобятся семь колонн или, вернее, восемь?

— И более того, — сказал Бэббидж. — А именно значение любого выражения, как, например, шестнадцать в пятой степени плюс пять в четвертой степени минус тридцать два во второй степени плюс шесть.

Ада сияла, глядя на него, и он сиял в ответ. В этот момент беседы Мы с ней и Бэббиджем остались в помещении, можно сказать, одни, в то время как остальные двенадцать человек переглядывались в замешательстве. Мы ощущали, что этот бронзовый храм шестеренок, рукояток и рычагов так глубоко врезался в память юной Аде, словно она была фигуркой величиной с большой палец и действительно сама вступила в собор вращающихся и мурчащих цифр Бэббиджа. В ее жизнь вошло нечто совершенно новое, нечто такое, что, в отличие от летательных аппаратов, можно было создать в реальности, что работало и имело строгую математическую основу. Бэббидж быстро объяснил ей, что можно вычислить значение не только любого многочлена, но и значение множества других функций высшей математики, как, например, тригонометриче-

ских, столь важных для судоходства, если удастся найти приближенные к ним многочлены.

— Приближенные, — завороженно повторила Ада с мерцающим блеском в глазах, позволяющим предположить, что она уже способна на удивительное кокетство.

Она заверила Бэббиджа, что хочет еще серьезнее изучать математику, пока не будет точнее понимать его замысел, когда он создаст следующую машину, гораздо крупнее, а сейчас у них перед глазами лишь удобная в использовании и очень простая модель.

В самый горький период своей жизни Бэббидж увидел, как вспыхивает искра, как разгорается пламя, сулящее стойкий согревающий свет. Его любимая жена умерла много лет назад, трое из восьмерых детей не достигли юности. Последней каплей стала недавняя смерть семнадцатилетней дочери. Отвлекала и утешала лишь ожесточенная работа над большой Аналитической вычислительной машиной, бесконечно мудреной, с ее двадцатью тысячами прецизионных шестеренок и множеством подвохов в механике рычагов, рекламировать которую была призвана модель размером с аккордеон. И вот перед ним стояла Ада как раз в возрасте его последней утраты, горящая

энтузиазмом и с такой поразительной способностью к восприятию, что ему страшно хотелось тут же углубиться в детали основного проекта. Однако мать уже увещевала хорошенькую девушку с темными локонами и вздымающимися от порывистого дыхания рюшами и цветами на платье, чтобы та позволила и другим гостям поговорить с изобретателем. Аде пришлось попрощаться с Бэббиджем, но перед этим она сообщила ему, что ей кажется утомительным в очень большой машине все шестерни с начальными разностями выставлять вручную. А вдруг можно упростить и считывание результатов? Прежде чем Аннабелла потеряла терпение и за плечо оттащила Аду от хозяина дома, те договорились писать друг другу.

Почему, спросили Мы себя в искреннем изумлении, она сразу же не предложила ему приладить клавиатуру и сконструировать механический матричный принтер?

В любом случае сигнал тревоги вызвала смычка этих двух умов в рабочем кабинете, освещаемом беспокойным светом масляных ламп и свечей. Но опасность заключалась отнюдь не в уже существующей вычислительной машине или в каком-то ее утопическом варианте. Причина всегда только в умах, по крайней мере, при ны-

нешнем уровне технологии человеков, которая в эпоху Манфреда, куда Мы как раз и проникли, только начала вызывать озабоченность Внешнего совета. Уже в течение многих веков по человеческому летоисчислению причина была одна и та же, а именно возможность появления ПРАВИЛЬНОЙ МЫСЛИ.

Иначе Нам не пришлось бы в свое время посещать мастера Иеронима из Босха.

II. В саду земных наслаждений

1

Между тем Мы еще больше усовершенствовали Манфреда. После отмены наркотиков следует упомянуть такое важное мероприятие, как двухчасовая закалка и тренировка, которые Мы обеспечиваем ему каждый день, словно это железная воля внезапно толкнула его сделаться спортсменом или красавцем-актером либо вызвать интерес у дам из лиги гораздо выше его собственной (как это однажды, возможно в ранние студенческие годы, похоже, удалось ему с Сабиной, сегодня так подкупающе похожей на Аду Лавлейс в зените ее террестрической притягательности). Для выпрямления переднего ряда его зубов и придания им приятной глазу белизны у надежного специалиста Нам требовались, однако, немалые финансовые средства, а Манфред ими не располагал.

Чтобы пополнить его личный бюджет (нищенский, почти как у бедного студента), Мы пошли коротким неортодоксальным путем. На одной торговой улице в его родном городе Мы приме-

тили человеков с не самыми мелкими купюрами в руках, споривших на то, что их глаза окажутся шустрее, чем руки игроков, которые прятали шарик под тремя одинаковыми коробочками, а затем хаотично маневрировали ими, передвигая столь незаметно, что другим человекам практически не представлялось возможным определить, под какой из коробочек шарик оказывался в конце их манипуляций. После десяти побед кряду вокруг Манфреда и сильно раздосадованного жулика образовалась небольшая толпа (два его подельника уже грозно придвигались к Нашему выигравшему). Поэтому Мы прервали серию, намеренно допустив ошибку. Только что приобретенный капитал Мы частично инвестировали в расположенном неподалеку зале игровых автоматов, пока и там благодаря Нашему чутью на легкую асимметрию в механизме мигающих и попискивающих автоматов не привлекли к себе внимание гигантскими выигрышами. На улице, где уже смеркалось, за Манфредом в сквер проследовали двое из наперсточников, узнавших его у игровых автоматов. Может, они хотели выведать у него что-то о его трюках? Нет, горя желанием отомстить, они выхватили ножи. Когда они приблизились к Манфреду, Нами овладела

жуткая мысль, что живописец из Босха позволил себе шутку, еще несколькими столетиями раньше написав картину с наперсточником. Тот человек в темном цилиндре и мандаринового цвета плаще! Казалось, его носатое лицо со срезанным подбородком надето, словно маска, прямо на физиономию широкоплечего участника поножовщины, напавшего первым. Иероним нарисовал тогда даже оружие этого мошенника, узнаваемое по вытисненной на лезвии букве «М» (как «Манфред»), однако сильно увеличенное; напоминая устройство для приведения в исполнение смертной казни, оно, окруженное двумя гигантскими ушами — похоже, им же самим и отрезанными, — бродило среди бедных грешников в изображенном художником аду. Но вернемся к нападавшим: Манфред не понимал, что с ним происходит, или, вернее, как ему обороняться. Однако в Нашем распоряжении есть так называемая Малая Лупа Времени, которая показывает Нам движения в как бы реальном мире человеков настолько плавно и неторопливо, что в данном случае Мы преспокойно успели как следует наподдать обоим бандитам. Увидев валяющихся на земле, скулящих мошенников, коих он вывел из строя каким-то абсолютно непостижимым,

молниеносным, якобы рефлекторным действием, Манфред зачем-то сбежал.

Через несколько дней на одной трамвайной остановке Нам бросилась в глаза реклама государственного игорного дома. После того как Манфред купил себе эффектный черно-белый наряд, будучи уверен, что собирается однажды пойти в оперу, его обуяло поразившее его самого желание попытать счастья в казино «Хедвигсхёэ». Выигранные до сего времени и обращенные в фишки наличные в размере его прежнего скромного месячного заработка он увеличил там за три часа игры в рулетку в тридцать раз. По статистике, гарантированно выигрывает казино, и очевидно, что и тут крайне редкое исключение из этого правила Мы могли продемонстрировать один-единственный раз, применив (поскольку задействовать Малую Лупу Времени в данном случае было бы слишком опасно) Короткую Петлю, ту возможность слегка предвосхищать события в пространстве-времени, пользоваться каковой Нам, агентам, позволено весьма ограниченно. Число, которым пронумерована ячейка, где скоро успокоится серебряный шарик, Мы внушили Манфреду в виде интуитивной догадки, так наглядно, что ошибиться он не мог.

Однако восторженными восклицаниями о мощи своего чутья на числа он начал вызывать столь явные подозрения, что Мы и тут заставили его проиграть, а затем отправили домой с суммой, двадцатисемикратно превышающей его обычный месячный доход. На этот раз, когда он шел по ночному парку, вопреки его опасениям, никто на него с ножом не напал. Но ему нужно учиться доверять своему новому внутреннему величию.

Обладая теперь довольно внушительным стартовым капиталом, Манфред ощутил у себя внезапную и вместе с тем все же основательную предрасположенность к тому, чтобы заняться акциями и ценными бумагами. Так как Короткая Петля неприменима для выигрышей в лотерею, где ставки делаются очень заблаговременно, Нам пришлось найти анонимный и привлекающий меньше внимания способ приумножить его капитал. Без особых усилий Манфред открыл онлайн счет депо. За десять дней неустанной учебы он вызубрил азы игры на бирже, научился разбираться в бизнес-моделях компаний, в качестве их продукции, в их репутации у поставщиков, их стратегиях, оценивать доли заемного капитала, заносить их в свою откомментированную таблицу коэффициентов «цена/прибыль». Быстро

проглотил он и дюжину справочников по биржевым торгам, пользы от которых, разумеется, было мало, иначе благодаря им появились бы уже тысячи мультимиллионеров. А вот из состряпанных литературными рабами псевдобиографий жаждущих известности старых акул фондового рынка удалось почерпнуть кое-что разумное (никогда не лови падающий нож! Всегда бери быка за левый рог! Три NASDAQом, пока не погорячеет! и тому подобное).

Мы провели несколько элементарных и все же поразительных даже для профи рискованных сделок, которые в ближайшие недели и месяцы, вероятно, сенсационно увеличат состояние Манфреда. Тем не менее такой способ его обогащения ограничен двумя обстоятельствами. Во-первых, Мы можем предоставить Манфреду в кратчайшее время столько информации, сколько в состоянии вместить скромное возделанное поле его мозга. Глубокое обучение, как это технически правильно называть, при котором, скажем, какие-то человеки до шестнадцати часов в день глотают книги, газеты, информацию в Интернете, специализированные журналы и тому подобное с ужасающей их самих скоростью, может чрезмерно перегреть их или даже привести к короткому

замыканию в голове. С другой стороны, для Манфреда Нам требуется не баснословное богатство, а лишь количество ресурсов, необходимое, чтобы использовать его наилучшим образом в тот, надеемся, короткий отрезок времени, пока Мы на нем передвигаемся и, управляя, подводим к цели. Достаточно сделать из него идеальное оружие, уцелеть которому после применения вовсе не обязательно.

Нам по-прежнему кажется, что на след в том направлении, откуда прозвучал сигнал тревоги, наводят только играющая на скрипке Донателла и говорящая по-французски Сабина. Следовательно, нужно отполировать Манфреда до такого состояния, чтобы скромный павлиний хвост его внешности, его солидный капитал, джентльменское поведение и деликатность в период брачных ухаживаний импонировали женским особям его вида куда больше, чем прежде. Квалифицированно управляемый Нами, теперь он приобрел и десять бутылок лучшего мятного ликера, вид которых, выставленных в головокружительно эффектный ряд, заставил его задуматься в совершеннейшем отчаянии. В серую дождливую

субботу Мы побудили его выпить две *bouteillen*[6], пока он, устроившись на диване, штудировал значительную часть мемуаров так называемого Казановы, все же вынеся из них, что успех зиждется на удали, удачном стечении обстоятельств и осознании принципиальной соблазняемости даже самых, казалось бы, порядочных особей (пол Мы не обозначаем здесь умышленно). В воскресенье Манфреда то и дело тошнило и он думал, что умирает, на Нас же эта небольшая доза подействовала благотворно. Скоро Мы отправим Наше ездовое животное на поиски квартиры.

2

В периоды, необходимые для восстановления Нашего недоучившегося студента и начинающего миллионера, когда не происходит ничего существенного, кроме того, что он, не зная зачем, читает объявления о продаже недвижимости, а по земному миру тянутся щупальца Наших биржевых спекуляций, Мы погружаемся в грезы или, возможно, воспоминания. Помеченный провокационной буквой «М» нож, да и просто сам образ наперсточника, вновь увлекают Наши мысли

---

[6] Примечания: 6
Бутылки *(фр.)*.

назад, в то сладострастно-благочестивое, адски уютное время перед наступлением так называемого золотого века. Внезапно Мы в роскошном буйстве красок мчимся по кругу, группами впятером или вдесятером, верхом на теснящихся друг к другу благородных ездовых животных, у которых Мы, обнаженные и ликующие, сидим не в головах, а на гладкокожих и шерстистых спинах. Их копыта молотят по зеленейшей зелени, острия их ветвистых и прямых рогов восстают между Нашими совершенными торсами. Мы — мужжччины! и между Нашими возбужденными телами втиснулись и сидят яростно-пестрые дивномужжесс!кие птицы и рыбы. Слившись в ликующие фаллические пучки, в сведенные спазмом галопирующие группы, Мы несемся по кругу, там и сям образуя на своих лошадях и газелях пирамиды, увенчанные стоящими на голове акробатами, пронзенными громадными сочными плодами, половыми гигантами-зайцами, высоко поднятыми жирными акулами, пожирающими икру из брюх осетров, которых они держат в пастях. А подгоняют Нас неподдельное радостное предвкушение, восхищение, экстаз при виде чудесных жэн!шшщ!ин, выходящих в непостижимом душевном спокойствии из круг-

лого небесно-голубого бассейна, вокруг которого нас водит и водит эта неистовая погоня. Белые! Черные! Уступы их ягодиц! Красные яблоки и черные вороны у них на головах! Как спадает на их нагие бедра червленое золото вьющихся волос! Скоро Мы сойдемся в дивных прозрачных шарах и пузырях, объединившись парами и группами. Мы станем подавать друг другу большие ягоды земляники, увесистей дынь. Мы исчезнем за мясистым навесом красного, как губы, шатра.

Обычно Мы наслаждаемся в садах Красшгатхора, беззаботные — годами (в земном времени это обороты вокруг Солнца по эллиптической орбите), а натуры более серьезные, как Мы, Цорргх, и подобные благородные умы — лишь в определенные часы, и эти сады, вероятно, во многих отношениях напоминают видения Иеронима из Босха. Такое ощущение, будто он, когда Мы обитали в нем, передал некоторые из Наших грез-воспоминаний в человеческих образах и так, как это могут представить себе человеки, разумеется исказив и упростив, видоизменив и затушевав. Ослепление, щадящее шифрование, маскировка и трансформация образов Нашей памяти, защищающие Нас, агентов, влияют и на хитросплетения Наших сновидений, чтобы

уберечь от ужасной меланхолии или даже от смертоносной ностальгии (некоторые пионеры Нашей гильдии и правда возвращались, оставляя приютившие их тела в виде жутких останков, потому что взрывали их в лихорадочной тоске по родине).

Иероним, обуянный бесчисленным множеством видений, происходил из многочисленной и многосоставной семьи успешных живописцев, которые порой и до него в своем творчестве были близки к тому, чтобы вызвать сигнал тревоги, но никогда не переступали эту черту. По бесконечно длинному звонковому проводу, связывающему наши миры, сигнал пробежал, лишь когда он сам, семи лет от роду, схватил угольный карандаш, повинуясь порыву изобразить что-нибудь столь же гротескное, как портрет скорчившегося демона, который быстро набросала на листе размером с ладонь его не менее одаренная старшая сестра. Мы наблюдали за мальчиком, юношей и, наконец, женихом богатой дамы несколько старше его, чьи могучие чресла он угадал под тремя строгими юбками за много месяцев до свадьбы и запечатлел на бумаге в наспех уничтоженных тайных представлениях о будущем.

Однако Иероним не обрел покоя и после сва-

дьбы и тех подвигов, которые он научился совершать со своей возлюбленной супругой Алейт. В сущности, он походил на одного из Наших, поскольку был вынужден умещать в единственных измученных мозге и сердце человеков фантазию, вожделение, сокрушенность духа и депрессию дюжины себе подобных. Он видел, что его постоянно населяют мириады образов, в точности как большого, печального белого человека-дерево, которому некогда он отвел столь значимое место на холсте. Сзади в его покрытое корой содрогающееся тело взбираются синие сластолюбцы, чтобы устраивать там вакхические оргии, а на террасе его черепа, напоминающей посадочную площадку для вертолетов, надрывается красная волынка, вокруг которой танцуют сомнительные развратники и лицемерные девственницы в островерхих головных уборах.

Мы чувствуем себя отчасти виновными в этом шествии его причудливых образов. Внедрение в его мозг произошло при необычайно низком уровне опасности. Тем не менее существовала угроза, что этот уровень будет значительно превышен — а именно поразительным множеством человеков из сектора «Европа», а Мы уже вправе причислить себя к числу работающих там аген-

тов со стажем. Определенная смекалка, дерзость, возросшая алчность и быстрое совершенствование в вычислениях, характерные, похоже, для всего его столетия, достигли временной кульминации именно в унылых, продуваемых ветром плоских Нидерландах при их объединении с великолепной Бургундией. Поэтому Внешнее министерство по-прежнему не снижало бдительности, ведь только что пришлось зафиксировать разгул Черной смерти, как позднее человеки назвали волну страшной болезни, сопровождавшейся бубонами и зловонием и унесшей миллионы их жизней. Разумеется, Нам ничего не стоило бы помочь, например заселив агентами человеческих врачей и их оценками и предположениями наводя коллег на мысль тщательно отделять больных от здоровых, а также прогонять и в больших количествах убивать крыс, поскольку те переносят блох, на которых скачет смерть — с большим успехом, словно это Мы вооружили ее и отправили на войну.

Тем не менее Мы не спасаем поселенцев на каких-либо планетах без оснований и предельных ограничений (до достижения всех уровней цивилизационного развития). И еще ни разу и уж ни в коем случае ни на одну цивилизацию, пусть даже

самую жалкую, много веков или даже тысячелетий прозябающую на низком уровне развития, безнадежно запутавшуюся и погрязшую в ненависти, насилии и глупости, Мы не шли войной, не устраняли и полностью не истребляли ее.

Мы смотрим, не изменяя.

Мы ведем протокол и ждем.

Мы держим наготове список цивилизационных требований.

Мы защищаем портал от исключительных случаев, находясь на посту во имя общего правила: возвысить вид может лишь то, что достигнуто всеми, из тьмы выводит только путь, освещенный на всем протяжении.

И вот, словно желая прислушаться к Нам и одновременно поиздеваться над Нами (а еще, будто они, подобно Нашему брату, могли распределять продолжительность своей жизни по разным временам и формам существования), европейские человеки стали культивировать ту строптивость, которую называли *Возрождением*. Поначалу они занялись *studia humanistica*[7], за-

[7] Примечания: 7

В эпоху Возрождения понятие *studia humanistica* (*лат.* «изучение человеческого») обозначало светские гуманитарные дисциплины (грамматика, риторика, поэзия, история, моральная философия), направленные на понимание человека и культуры и ставшие основой современных гуманитарных наук.

ново изучая языки утраченных высокоразвитых культур, считавшихся у них более просвещенными и значительными, чем их собственные темные времена. Тогда Нам и правда приходилось распутывать множество дел в солнечных островных государствах Средиземноморья. Мы помним, например, того дьявольски ловкого мужа из Сиракуз, чья внушительная математика исчислила количество песчинок, необходимое для заполнения шара его Вселенной, чтобы с помощью изобретенного им же цилиндрического винта он смог пробурить начиненную полость насквозь в Наши сферы. Когда на глазах у вражеского солдата он абсолютно невозмутимо вычерчивал деревянной палкой на сыром прибрежном песке точную геометрию запрещенного пересечения портала, Нам не оставалось ничего другого, кроме как применить *ultima ratio*[8]. Мы внушили хитроумному наглецу прикрикнуть на стоящего перед ним с мечом в руках вражеского солдата, чтобы тот ни в коем случае не повредил

[8] Примечания: 8

Последний довод *(лат.)*; здесь — крайнее средство, используемое, когда все остальные методы решения исчерпаны.

его дерзкий чертеж — *Noli turbare circulos meos!*[9] — и это была в определенном смысле квадратура параболы…[10]

Современникам Иеронима еще придется кое-чему научиться, чтобы с помощью, так сказать, водоотливного насоса заново переведенных ими трактатов резко подняться до уровня того крайне находчивого сицилийца. Но вскоре они переложили на свои бытовые языки их важнейшее так называемое Святое Писание, так что каждый умевший читать мог черпать из него собственные истории и заповеди, и многие стали без посредников или заместителей напрямую общаться с пульсирующим вакуумом, который они называют БХОГ!ОМ (и который в определенном смысле связывает их с Нами, поскольку и Нам еще знакомы такие умозрительные рассуждения, пусть даже в их основе лежат многомерные гордхие!вы мысли, видимо кажущиеся человекам чудовищными). Нет нужды подчеркивать, что Мы не чиним никаких препятствий их ре-

---

[9] Примечания: 9

«Не трогай моих кругов!» *(греч.)* — крылатое выражение, приписываемое Архимеду.

[10] Примечания: 10

«Квадратура параболы» — монография по геометрии, написанная Архимедом в III веке до н. э. и посвященная вычислению площади параболического сегмента.

лигиям, каковые в большинстве своем исходят из безумной идеи, будто их планета занимает в мире центральное положение, и загадочным образом чересчур много внимания уделяют использованию половых органов и орудий убийства. Мы лишь наблюдаем за тем, в какой мере эти религии способствуют улучшению условий для того, чтобы вид смог достичь десяти уровней цивилизационного развития. Нужно сказать, что влияние в этом вопросе неоднозначное. При известных обстоятельствах религиозные писания человеков, вероятно, могли бы попасть в их разнообразные райские кущи, а вот их читатели, проповедники и авторы — далеко не всегда.

То сильное беспокойство, в которое впали человеки во времена Иеронима, тревожило Нас, но дарило и минуты, когда Мы весело качали головой. Они усердно печатали книги, они изобрели черный порошок и тут же применили его самым ужасающим образом: в винтовках на суше и в пушках новых быстрых кораблей, на коих они исследовали дальние участки водной поверхности своей планеты. Начали они и возводить все более высокие и величественные здания, все искуснее считать, смелее рисовать и скрупулезнее изучать. Само по себе человеческое

существо, самовлюбленно разглядывая себя в зеркале, уже видело себя не бедным пропыленным пилигримом, *viator mundi*[11] (скромность, которая Нам еще импонировала), а бесподобно сияющим *faber mundi*, творцом мира. (Когда громко провозгласили этот девиз, коллеги с астрозоологического факультета смеялись до упаду.) Хотя много работы (и удовольствия) Нам доставляли кое-какие *uomini universali*[12], терзавшие свой мрамор в Северной Италии и покрывавшие провидческими картинами купола церквей и холсты или придумывавшие хитроумные машины из дерева, железа и кожаных ремней, Мы часто возвращались на север Европы. Для Наших целей — прежде всего, препятствовать неуместно ранней вседозволенности — оказался отнюдь не бесполезным тот поразительный, непомерный, глубоко укорененный, охвативший миллионы душ страх смерти, который держал в когтях этот, казалось бы, столь триумфальный и героический век, словно тот при всем подъеме и высоте державного полета гораздо острее воспринимал опасность падения и гибели, чем считавшиеся

---

[11] Примечания: 11
Мировой странник *(лат.)*.

[12] Примечания: 12
Универсальные человеки *(ит.)*, люди эпохи Возрождения.

преодоленными темные времена до него.

И как раз здесь, в заботливом устрашении, Мы видели большой, уникальный потенциал живописца из Босха. В его плоском, болотистом, изборожденном канавами, каналами, заводями и промоинами мире развилась неимоверная деловая активность. В нидерландских городах переходили из рук в руки ткани, меха, воск, серебро и медь. В торговых конторах возвышались горы мешков и бочек со специями из Азии и Средиземноморья, из Индии и Африки, с золотом и слоновой костью, мускатом, перцем, сахаром, имбирем и сельдью. Вверх по Рейну в Нидерланды и Брабант поступали вино и зерно, шелк и стекло, благородные меха и хрусталь. Нагромождай и перемешивай все это добро в картине — и вот ты уже оснастил чудесный корабль дураков или пышный шатер порока, а на корабле или в шатре кутилы и сластолюбцы, бражничая, низвергаются прямиком в пасть преисподней. Наш мастер Иероним, как никто другой, показывал им, какие муки их ожидают, если они не будут сдерживать себя и вести благопристойную, посвященную Богу жизнь, как он сам, его Алейт и влиятельные знатные особы его Братства. Предающихся пороку насаживали на вертелы черти, пожирали

птицы, зайцы подвешивали их за ноги, демоны вскрывали им шеи, драконы заталкивали их в бочки, полные змей. Их вешали, четвертовали, колесовали, поджаривали и сжигали, изрубали на куски и изрыгали, засовывали в болота, в пасти и громадные анусы.

3

К внезапному появлению Манфреда на курсах французского языка Сабина отнеслась хорошо. Из этого Мы можем заключить, что возымели действие те улучшения, что Мы произвели в Нашей колымаге или, лучше сказать, в Нашем клиенте,– прежде всего, вновь прояснившийся взгляд, приобретшие значительно более привлекательный вид передние зубы и по-новому уложенная дорогим *haircutter*[13] шерсть на голове. Десять взрослых человеков сидят вечером в тесном классе перед довольно пожилой учительницей на странных деревянных стульях, как ученики-переростки, стараясь выдать на языке галльского коренного населения мало-мальски связные предложения о вытянутом в длину белом хлебе, тонких блинчиках и неизменной

[13] Примечания: 13
Парикмахер *(англ.)*.

железной башне в городе Париже. Мы (насмотревшиеся там, как в соломенные корзины валятся окровавленные головы) тут же предположили, что дорого и неброско одетая, не забывшая и про изысканные украшения Сабина, посещая такие заурядные курсы, хотела что-то сообщить о себе самой — вероятно, перебрасывала мостик назад, в собственное прошлое бедной, неистовой девчонки-замухрышки, к которому, в конце концов, хотя бы ненадолго имел отношение и Манфред.

Tu te souviens? C'était une période fabuleuse![14]

Мучительно ли ему вспоминать те недели? Как бы Нам хотелось прямо сейчас углубиться по этому следу в темницы памяти Манфреда, чтобы узнать, в связи с чем во взгляде этой столь необыкновенной для него женщины (Нас впечатляет в ней только это поразительное, на первый взгляд чисто внешнее повторение Ады Лавлейс из исторического генофонда человеков, который дурачит, странным образом являя двойников) может вспыхнуть огонек странной душевной близости и симпатии к убогому существу.

Но, как бы то ни было, это Нам на пользу, и теперь Мы придадим ему еще больше блеска! Пусть

---

[14] Примечания: 14
Ты помнишь? Сказочное было время! *(фр.)*

теперь она узнает, что он обладает и невообразимыми умственными способностями. Манфред, словно в угаре, купил учебники французского языка и учебные пособия, записался в языковую онлайн-школу, часами смотрел по вечерам телевизионные передачи на том хоть и излишне обстоятельном, но все же отрадно подчиненном установленным правилам языке, и, подкованная за несколько дней глубокого обучения, Наша ездовая лошадка вскоре была способна выдавать впечатляющие галльские речевые обороты, любезности, умопомрачительные фразочки из повседневного лексикона *(C'est chouette! Va te faire foutre! Nique ta mère!)*[15], так что пожилая преподавательница и элегантная Сабина в равной степени крайне изумились и всем сердцем расположились к нему.

После каждого из трех вечерних занятий, последовавших за первым появлением Манфреда в классе, он и его давняя знакомая чуть дольше стояли вместе, болтая, и от активированных воспоминаний, возможно эротических, но для Нас по-прежнему недоступных, его трясло и лихорадило (что Мы умело подавляли), тогда как Мы

---

[15] Примечания: 15
Здорово! Да пошел ты! Твою мать! *(фр.)*

предавались печальным мыслям о леди Лавлейс, с которой у этой скорее вызывающе-заносчивой, чем по-настоящему умной Сабины (или Мы ошибаемся?), ментально, кажется, мало общего. Во время четвертого тет-а-тета в школьном коридоре Сабина отклонила высказанное Манфредом с большой робостью предложение пропустить еще где-нибудь по бокальчику (на самом деле в такой кропотливой работе по сближению Нам больше по душе полный рог свежего мятного ликера), хотя все же дала понять, что это предложение не кажется ей таким уж неприятным. Уже практически прощаясь, она как бы между прочим поинтересовалась, по-прежнему ли он живет в своей ужасающей старой берлоге, и тут внезапно появился шанс, так что Мы велели Манфреду радостно объяснить, дескать, сейчас он как раз значительно улучшает свое положение. Поскольку у Нас сложилось впечатление, что Сабина уже готова встретиться с ним с глазу на глаз, однако, по той или иной причине, не у всех на виду.

Поэтому Манфред, чье место жительства Мы и так собирались поменять, после недельных хлопот обзавелся новым пристанищем, жильем, достойным джентльмена. Теперь он с некоторой растерянностью обитает в пяти просторных ком-

натах в постройке из стекла и бетона, которую, видимо, следует назвать современной, с двумя балконами, откуда открывается вид на зеленую реку или на бессмысленное нагромождение исторических башен города. Мы внушили ему, что, получив на целый год роскошную резиденцию, он компенсирует страдания, испытанные им в убогой квартире, где жил до сих пор. Недоверчивому арендодателю Мы заплатили авансом за двенадцать месяцев. На это ушла почти половина замечательно быстро накопленного капитала, что сильно обеспокоило Нашего клиента. В порядке исключения он думал о будущем, но Мы уверены, что квартира и союзник потребуются Нам не более чем на год. Квартиру Нам сдал, отправляясь в большое путешествие (на острова Вест-Индии), криминальный банкир с вульгарным художественным вкусом. К счастью, последний отразился только в ужасающих картинах авторства местных недохудожников: дюжина их обезображивала квартиру, между тем как мебель и прочие предметы декора подбирала и расставляла высококвалифицированная дизайнер интерьеров. Мы быстро складировали эти сомнительные произведения искусства в хозяйственном помещении рядом с входной две-

рью и заменили их в ходе операции, оставшейся, должно быть, для Нашего Манфреда загадкой, а именно: Мы залезли в запасники. Каждый агент вправе располагать некоторым количеством вызывающих сильные эмоции предметов, которые облегчают ему работу, утешая или даря духоподъемные воспоминания. Чтобы в унылом, конвенциональном и хорошо просматриваемом пространстве-времени, где подобные Манфреду заперты, как золотые рыбки за бронированным стеклом, не возникало искажающих, если не взрывных эффектов, это должны быть вещи, по мнению человеков исчезнувшие, или уничтоженные, или утраченные навсегда. Для гостиной Мы выбрали две работы Иеронима, сгоревшие при пожаре в его второй мастерской в 1513 году. Для убранства *chambre à coucher*[16] Мы взяли сенсационную «Спящую» Яна Вермеера (после трех лет работы над ней уничтоженную в бреду ревности той самой пышущей здоровьем служанкой, чье молочно-белое, с небесно-голубыми прожилками тело он единственный раз в жизни наколдовал на холсте обнаженным). В стильной кухне с видом на зеленую реку Нам показалась

[16] Примечания: 16
Спальня *(фр.)*.

уместной не так давно украденная из одного каирского музея жизнерадостная «Ваза со смолками», которую весьма ограниченные и грубые воры в споре разодрали в клочья и бросили в огонь.

Увидев чудесно написанные цветы, Донателла практически потеряла голову.

— Они так напоминают Ван Гога! — воскликнула она.

Пришла она в восторг и от шикарной квартиры. Манфред завлек преподавательницу игры на скрипке в новое жилище под тем предлогом, что кое-какие манипуляции по украшению ее электронной визитки он может показать ей только на домашнем компьютере. Некоторые видеонарезки, изображавшие Донателлу в самые зажигательные моменты игры, и правда были облагорожены с помощью цифровых спецэффектов, и Мы заявили, что Нам требуется еще несколько более удачных портретных фотографий, для чего поместили ее на балконе с видом на реку — с развевающимися по ветру черными волосами на фоне вечернего солнца. Маленькая фотосессия, разумеется, вызвала у нее сильное воодушевление, и, когда Мы предложили ей бокал хорошо охлажденного редкого белого фиано

минутоло из виноделен вблизи ее родного города Остуни, ей было трудно убедительно произнести, что очень скоро ей все же пора домой к семье.

Беседуя, Мы вернулись в гостиную, поскольку на улице стало уже свежо, между тем как Донателла, похоже, ощущала себя во многих смыслах разогретой. Узкими плечами, длинными руками и могучими чреслами она немало напоминала Нам славную Иеронимову Алейт, о которой Мы тоже заговорили, когда Донателла, сначала с полупустым, но быстро вновь наполненным Нами бокалом в руке, в восхищении остановилась у висящих рядом друг с другом картин, исчезнувших в огне того трагически-удачного пожара в мастерской (который значительно обогатил Наши запасники). Она явно сразу же оценила невероятное качество обеих картин и, возможно, усомнилась в нашем заверении, что это копии (с натяжкой, но доступные по цене), выполненные неизвестным учеником Иеронима. В особенности правая картина, после некоторых деликатных поправок походившая на центральную часть триптиха «Сад земных наслаждений» с ее галопирующими сладострастниками, парочками и группками, купающимися голышом, любителями оргий, укрывающимися в шарах, шатрах или

переливчатых плодных пузырях. Донателла разглядывала картину, учащенно дыша, и щеки ее раскраснелись, так что и сам по себе очень привлекательный (для манфредоподобных) контраст черных волос и молочного цвета кожи сделался еще интереснее.

Она задавалась вопросом, почему столь благочестивый человек, как Иероним, уделял такое чрезмерное внимание деталям и многочисленным вариантам греха!

Новейшие исследования, объяснил, к собственному удивлению, Манфред, показали, что нельзя недооценивать роль, которую играла в этом гигантская импульсивность его супруги. С одной стороны, художник жил в упорядоченных брачных и социальных отношениях, а с другой — его совесть христианина сильно сомневалась, не греховодничает ли с ним (и с другими живыми существами в ее окружении) очень активно донимающая его Алейт, вследствие чего радикальные сюжеты его картин возникали как бы сами собой.

Похоже, эта информация взволновала Донателлу еще больше. В неловкой ситуации внутреннего смятения она смогла лишь поспешно протянуть Манфреду свой бокал с белым вином и распро-

щаться, перед этим, однако, сердечно и почти с мольбой пригласив его в следующее воскресенье на обед в кругу ее семьи.

Понятно, что Манфред (его обделенная вниманием мужж!ская составляющая) с большим сожалением отпустил преподавательницу игры на скрипке домой. Мы же остались этим очень довольны, так как надеялись именно на такое разрешение внутреннего конфликта Донателлы: приведи пугающего тебя потенциального возлюбленного домой, чтобы сделать из него домашнего питомца или друга семьи. Ибо, несмотря на значительный талант в области изящных искусств и развитый интеллект, Донателла не проявляет ни малейших признаков тех необычных способностей, которые могли бы вызвать сигнал тревоги. Разве только стоит еще, как Нам кажется, взглянуть на ее супруга, того самого инженера Эрнста, и смутили Мы ее для того, чтобы наконец с ним познакомиться.

4

Даже Иероним с его превосходными видениями сада земных наслаждений, грехопадения и преисподней мог бы и дальше творить, не создавая необходимости вмешательства с Нашей сторо-

ны. Однако его мощный многогранный талант постоянно толкал его вперед, пока, впервые изобразив пересечение портала в том произведении, которое он назвал «Восхождение в эмпирей», он не переусердствовал и не вызвал резкий, пронзительный сигнал тревоги. Тот факт, что на картине видны Крылатые (ангелы), возносящие избранных человеков из ночи смерти, отдел астрозоологии еще стерпел бы как игру на грани дозволенного. Однако изображение концентрического голубого туннеля, светлого, пронизанного лучами шлюза для перехода в чистую белизну экстаза, казалось уже почти иллюстрацией или живописным изложением ПРАВИЛЬНОЙ МЫСЛИ, а ведь Мы много столетий живем на Земле, чтобы препятствовать выражению этой мысли и ее распространению. Тогда Иероним еще воздержался от того, чтобы пристальнее заглянуть в голубой туннель и показать формы и образы, которые, по его мнению, там проявятся.

Когда же он в преклонном возрасте приступил к созданию второй версии этого перехода от одной жизни к другой на большой деревянной панели с дивными контрастами черного, синего, серебристого, белого и золотого, Нам оставалось, к прискорбию, лишь применить *ultima ratio* (как

именно в эти времена *studia humanistica* Мы вправе называть резкое прерывание какого-нибудь из дел). Первые две стадии великой контемпляции Иероним воспроизвел столь убедительно, что возникла непосредственная угроза третьего шага, всеобъемлющего прорыва в постижении. Мы шире открыли окно, которое в жизни теперь уже шестидесятишестилетнего художника охотно оставляли слегка приоткрытым, поощряя кипучее вторжение в его работы всех этих дивных, страшных и комичных, кошмарных и гротескных образов, — открыли именно настолько, чтобы он, увидев Нас в достаточной мере, мгновенно перенесся в роскошный вариант своих собственных садов, словно грандиозное растение в один прием пересадили из одного горшка в другой. Здесь ему было позволено в течение одного земного дня еще погулять, предаваясь страстям, непредставимым даже для его супруги. Мы предоставили ему эту возможность как награду и кульминацию его насыщенной трудом жизни, все величие, все богатство и реализация которой заключались в непрерывных созидательных усилиях на службе у провидения и в сопротивлении чудовищному чувству вины, внушаемому ему безобразницей Алейт. Этот его последний рай был отдаленной

областью садов Красшгатхора, палисадниками плотских откровений, где, по обыкновению, некоторые из Нас время от времени проводят короткий отпуск, если работа не позволяет слишком отвлекаться, а дает лишь недолго освежиться. Пришедший в экстаз художник на седьмом десятке созрел всего за несколько часов удовольствий, как Наши созревают за несколько (земных) месяцев. Он мирно испустил дух, думая, что его милосердно поглощает большой, темный шелковистый моллюск.

Разумеется, Нас огорчает такое решение, ведь оно, кажется, противоречит одному из десяти важных требований, а именно

Второму цивилизационному требованию:

Гарантия максимально возможной продолжительности жизни и максимально возможного здоровья для каждого в отдельности за счет предоставления бесплатного медицинского обслуживания (включая достойное протезирование).

Мы могли бы сейчас поразмышлять о некоторых формах продленной жизни, но лучше закроем подобные перспективы, элегантно, словно двумя темными, в золотых рамах створками. Однако тот факт, что на них предстает новая

мрачно-грозная картина, напоминает Нам о 1503 годе. Уже тогда, глядя на картину на обороте, невероятно пророческую работу, Мы подумывали вывести Иеронима из игры. В свои почти пятьдесят мастер решил, что Внешний совет готов мириться с изображением, выполненным в технике гризайли, в сумрачном сером и черном тонах, словно написанным пеплом и углем, и костяными белилами, показывающим сотворение безотрадного мира цвета олова и смолы, заключенного в герметично замкнутый шар, где нижняя треть заполнена блеклым океаном слез, а массив суши в форме диска, пустынный, мрачный, с лишь кое-где торчащими руинами, кажется опустошенным какой-то десятилетиями длившейся войной. Эту картину можно было бы назвать «Постапокалипсис в стакане воды». Так, словно парящий в левом углу маленький, удивительно напоминающий кайзера Бог не сотворил мир из реторты, а собирался сразу после создания вновь задушить его в стеклянной броне своего шара. Мысль о намеренно замкнутом, намеренно выдержанном в сером цвете, намеренно изолированном мире как раз и *вызывает тревогу*, и в действительном, техническом смысле тоже.

5

Обе работы Иеронима из запасников, украшающие *living room*[17] Манфреда, вскоре показали Нам, как по-разному мыслят Сабина и Донателла. Сдержанным обаянием и джентльменской предупредительностью Манфреду (Нам внутри его) удалось завлечь давнюю школьную подругу в новую квартиру, к которой она все же позволила себе проявить некоторое любопытство. Сабина сразу подошла к пышущим мрачным жаром картинам мастера из Босха. И все же на правую, изображающую сад земных наслаждений со всеми его восторгами, она глянула лишь мельком. Мерцающие обнаженные тела, рвущееся наружу вожделение, переплетенные между собой конструкции, разбухшие до пластичных розовых башен, оставили статную даму абсолютно равнодушной. Ада Лавлейс, на которую она так восхитительно походила, Ада с ее роскошными черными волосами, маленьким ртом и благородным удлиненным носом, Мы уверены, раскрасневшись, взглянула бы в том направлении не единожды и не удержалась бы от

---

[17] Примечания: 17
Гостиная *(англ.)*.

нескольких остроумных замечаний о босховской музыке тел или математике плоти. Мы живо помним, как однажды она из-под кринолина острым носком черного сапожка пинала в колено сидящего напротив наставника Огастеса, констатируя, что нет ничего более удивительного, чем конгруэнтность или, лучше сказать, комплементарность геометрических форм и тел… Огастес счел необходимым предостеречь ее мать Аннабеллу о чрезвычайном, прямо-таки мускулистом математическом таланте дочери, казавшемся ему буквально ненасытным и в своей грубой силе настораживающе мужским: *All women who have published mathematics hitherto have shown knowledge, and the power of getting it, but no one, except perhaps (I speak doubtfully) Maria Agnesi has wrestled with difficulties and shown a man's strength in getting over them*[18].

Разумеется, он и не догадывался, что Мы внимательно наблюдали за тем, как Ада на мужской манер преодолевает все без исключения трудности, а также не предполагал и того, что Мы

---

[18] Примечания: 18

Все женщины, которые до сих пор публиковали труды в области математики, демонстрировали свои знания и способность их получать, но никто, за исключением, быть может (я говорю с сомнением), Марии Аньези, не боролся с трудностями и не проявлял мужской силы в их преодолении *(англ.)*.

придирчиво следили за благословенной синьориной Аньези, показательным примером очень запутанного дела, которое — Мы хотели бы это подчеркнуть — удалось решить без прямого устранения опасной персоны, на тридцать четвертом году жизни только что назначенной папой Бенедиктом на должность профессора математики в Болонье. Однако, учитывая лакомые плоды Босха, Мы не вправе и утверждать, что это дело уладилось прекрасным беззвучным скольжением платка по полусферической груди, повторяющим изгиб той элегантной ведьминской кривой, которая позднее — не было бы счастья, да несчастье помогло — связалась с именем Марии[19]. Все произошло слишком быстро и неожиданно, как в стремительных родах, хотя и наоборот… но, по крайней мере, это не касалось Марии лично.

Во всяком случае, Сабина равнодушно и спокойно отвернулась от чувственных тел в саду и теперь внимательно изучала левую картину мастера, то видение с ангелами, возносящими

[19] Примечания: 19

Мария Гаэтана Аньези (1718–1799) — итальянский математик, философ и филантроп. В 1748 году опубликовала работу «Instituzioni analitiche» («Основы анализа»). Исследовала плоскую кривую (верзиеру), которую в ее честь назвали «локон Аньези».

усопших в небо, как хищные птицы свою добычу, чтобы доставить их ко входу в составленный из концентрических цветовых кругов туннель. Этой вызывающей опасения редакцией своего «Восхождения в эмпирей» Иероним тогда в значительной мере подвергал себя риску слишком близко подойти к ослепительному свету портала, и Сабину, после пятых совместных вечерних занятий наконец пришедшую с Манфредом в его новое респектабельное жилище, тоже неудержимо притягивала эта опасная картина. Так, значит, стоит допустить, что она глубже и умнее, чем Нам показалось вначале? Вряд ли Мы поставили бы ее в один ряд с мощными умами Ады и Марии, но оставались начеку.

Она тоже с удовольствием согласилась на бокал охлажденного фиано минутоло (Мы по-прежнему окружали Манфреда заботой путем суровой аскезы, так что из двух приобретенных для Донателлы бутылок полторы еще стояли у него в холодильнике), которое, в отличие от гурманки Донателлы, опрокинула в себя, как воду. Она была глубоко поражена! Мы ощущали, что жутковатость картин, комфорт квартиры, даже, возможно, уже достигнутые Нами положительные изменения в Манфреде заставляют ее

дышать чаще, а ее сердце — биться чуть быстрее.

— Интересно, как это работает, — размышляла она, почти касаясь картины длинными пальцами левой руки в том месте, где оловянного цвета острокрылый ангел легким взмахом длани отсылал тело молящегося воскрешенного в направлении туннеля.

— Полет? — заставили Мы Манфреда задать довольно дурацкий вопрос.

— Продолжение жизни — в некоем астральном теле или просто в проекции собственного. Но проблема в том, нужна ли нам хотя бы такая проекция, чтобы еще сохранять что-то подобное собственному мышлению, должно ли оно относиться к какому-нибудь видимому облику, чтобы мы соотносили мышление с собой. Может, эти древние картины, на которых все воскрешенные воскресают вместе с телами, а не как одни души, ну то есть, возможно, с новыми, более совершенными, умеющими летать вариантами их прежних тел, не только не наивны, но и наоборот, очень логичны, очень последовательны.

Теперь она действительно Нас заинтересовала.

— Тогда твои рассуждения следовало бы расширить, — сказали Мы устами Манфреда. — Разве нам не полагается еще и что-то чувствовать? Я

имею в виду, что в этом астральном теле, чтобы соотнести его с собой и лишь тем самым вообще получить возможность возрадоваться воскрешению и наслаждаться им, мы должны были бы в какой бы то ни было форме что-то чувствовать и воспринимать.

Сабина попросила еще бокал вина. На сверкающей белизной кухне, куда она проследовала за Нами, ее точно так же, как Донателлу, восхитили пламенно-желтые смолки Ван Гога. Манфред с загадочной для самого себя ловкостью организовал бутылку вина, немного сыра и вазочку с оливками, и они сели за стол близко друг к другу, как, возможно, это бывало и в то недолгое время, которое Сабина однажды провела в «ужасающей прежней берлоге» Манфреда в студенчестве, давным-давно. Мы велели хозяину дома молчать, наливать вино и воздерживаться от нервного тика, неуместных замечаний и сентиментальных жестов.

В результате он добился того, что Сабина с неожиданной, похоже, и для нее самой ностальгией стала вспоминать те еще более давние времена, оставшиеся далеко позади школьные дни, когда она впервые встретилась с Манфредом. Подогреваемый охлажденным алкоголем,

необычайно живо вспомнил прошлое и Манфред — и как раз такими редкими моментами, когда человеки в порыве сильного возбуждения повергаются в какое-то видение из прошлого, Мы можем воспользоваться, чтобы расширить глазок до размеров окошка в память, и это окошко Мы осторожно приоткрываем, но можем быстро закрыть, если ездовой лошади вздумается оглянуться в Нашу сторону… школьный класс… за год до получения аттестата…

— Я спустилась сверху, — сказала Сабина.

Она осталась на второй год и все же всегда воспринималась каким-то спустившимся к ним высшим существом… Когда она впервые вошла в класс, Манфред ощутил, что вздрогнул в унисон с дюжиной других прыщавых подростков с ломающимся голосом.

— Сначала, мой дорогой, я тебя не замечала.

Да и как же он мог броситься в глаза окруженной всеобщим вниманием, всеми обожаемой красавицы из (предыдущего) двенадцатого класса, которую забирали после занятий менявшиеся каждые два месяца моторизованные студенты, из-за которой, по слухам, произошла драка во дворе школы и даже учитель биологии был переведен в гимназию, где училось гораздо меньше

девочек. Она смотрела сквозь него с легким недовольством, как сквозь пыльное оконное стекло, куда налипло несколько дохлых мух.

— Пока ты не заступился за Акселя. Это было смело.

Один из немногих кульминационных моментов в школьной карьере Манфреда. По сути, единственный. За год до того, как в класс вошла Сабина, к ним присоединился вундеркинд Аксель, в отличие от нее пришедший снизу, прыгнув в два раза выше. Его блестящий, прямотаки демонический интеллект одних приводил в ярость, а у других, как у Манфреда, вызывал странную гордость, как если бы среди них сидел кто-то вроде чемпиона мира. Толстяк Шмитт, напротив, относился к первой категории. В один прекрасный день он вырос перед тощим Акселем, который возвышался над ним на целую голову, но лишь как колеблемый ветром тростник, и поинтересовался, когда тот прекратит умничать. Если этого не случится в ближайшее время, с ним «кое-кто» разберется. Манфред в течение года занимался в спортивном клубе плаванием, стараясь изо всех весьма ограниченных сил, и поэтому в случае поединка мог рассчитывать на некоторое преимущество перед абсолютно

неспортивным Шмиттом. Но он действовал не по расчету и без оглядки на Сабину. Была перемена, большинство учеников уже вышли из класса, и он не знал, здесь ли она вообще. Только возмущение выпадом Шмитта заставило его заслонить собой бледного испуганного Акселя и предложить агрессору, пусть, мол, для начала разберется с ним, а не с тем, кто на три года младше.

— С тех пор я тебя уважала.

Шмитт слился, Манфред вздохнул с облегчением. На следующей перемене Аксель принес ему в благодарность шоколадку, которую они съели вместе. Незамысловатые, глубоко укорененные, брутальные — на волоске от синяков и крови из носа — воспоминания о человеческой школе навели Нас на мысль о содержании скота в хлеву. Нам пришлось закрыть окошко, потому что Манфред, радостно вспоминая, увидел, что в нем пробудилась какая-то сумасбродная сила, и внезапно выдал картину совсем другой гимназии, решив (однако на самом деле он вовсе не мог этого сделать), что это его школа, перекрашенная в розовый цвет после того, как Сабина его заметила, признала человеческим существом и сочла достойным того, чтобы время от времени обмениваться с ним парой слов… Ярко-зеленые лужайки,

изящные висячие павильоны для каждого в отдельности, где можно уединиться и отдохнуть, вечнозеленое небо, самые фантастические спортивные сооружения и потрясающие библиотеки, необузданные празднества, учителя, которым чаще всего рады… Похоже, человеки очень недолго способны выдерживать воздействие правдивого воспоминания, прежде чем им взрывает мозг более сильное впечатление от Наших реалий.

— Ты в этом году опять попытаешься? Я имею в виду, сыграть против Акселя? — осведомилась Сабина, прервав на середине процесс наполнения вином третьего бокала.

— А ты откуда знаешь? — удивленно ответил вопросом на вопрос Манфред.

— У меня свои секреты… Но мне не дают покоя твои безумные картины, и эта квартира… и твои новые зубы… Как тебе все это удалось? — Сабина, похоже, действительно хотела знать и казалась чуть ли не восхищенной.

Пока Манфред не выдал лежащий на поверхности неубедительный ответ, мол, и у него есть кое-какие секреты, Мы опередили его и внушили ему объяснить, что в последние годы некоторые его программы и идеи по программированию очень нравились всемирно известным амери-

канским компаниям.

Для начала удовлетворившись таким ответом, Сабина остановила умный или по крайней мере кажущийся умным «Адин» взгляд на ярко-желтых цветах Ван Гога:

— Интересные картины ты себе подыскал. Я говорю прежде всего о тех, что в гостиной. У этого ученика Босха речь ведь о том, чтобы избавиться от тела, не теряя… интеллекта, личности, так называемого «Я». А когда ты играешь против Акселя, в определенном смысле все наоборот: живого тела нет, но вы хотите имитировать интеллект.

Манфред как раз собирался, вполне по-джентльменски выполнив вольт, указать на самое что ни на есть телесное тело вермееровской служанки, сиявшее на бархатно-синем фоне над просторной кроватью в его спальне, когда во входную дверь резко ударили, а затем послышался продолжительный звонок и раздраженный стук.

III. Чистая парочка

1

Вероятно, несколько недель назад Манфред жутко испугался бы, если сразу после того, как он открыл дверь, его, еще, так сказать, не оседланного мустанга, потеснили бы два здоровяка в костюмах и галстуках, явно телохранители трусливо застывшего за их спинами Рональда Мэкинсона. Мы быстро прикинули, не обезоружить ли обоих горилл, сбив их с ног с помощью Малой Лупы Времени, или и вовсе лишить их жизни. Но затем Мы вспомнили о

Третьем цивилизационном требовании:

Абсолютный минимум насилия и авторитарности в любой стране, любой организации, на любом предприятии, в любой семье и социальной группе. Общество гарантирует каждому в его жизни и саморазвитии максимально возможную свободу — покуда и в той мере, в какой это не наносит никому очевидного вреда.

И решили сохранять ледяное самообладание (даже если перечень требований распространяется только на целые цивилизации, а не на

лицензированных агентов при исполнении служебных обязанностей). Высмотрев за бритоголовыми здоровяками их хозяина, Мы пригласили его уже наконец, пожалуйста, зайти, желательно без сопровождения, если он еще доверяет доброму старому приятелю. Рональд, вообще-то взрослый мальчишка с косым пробором и усами, немного раздавшийся, но тем не менее внушительный, столь хорошо одетый и импозантный, что, в сущности, чтобы произвести впечатление, не нуждающийся в баранах-охранниках, послушно в одиночку войдя в переднюю нового жилища нашей ездовой лошади, узнал Манфреда далеко не сразу. Возможно, его отвлекало то, как растерянно расступились гориллы, поскольку он не мог взять в толк, почему от такой неуклюжей и заурядной личности, как Манфред, вдруг повеяло ледяным холодом охотника на человеков, который передумал убивать лысых болванов лишь потому, что у него слегка улучшилось настроение.

Устройство памяти Рональда выдало окончательный результат после того, как из кухни ему навстречу с бокалом вина вышла Сабина.

— Я… я уже забыл твою фамилию! — воскликнул Рональд. — Ты всегда был для меня просто

Манфредом.

— А ты для меня — Рональдом, — ответил Манфред, жестом приглашая его в гостиную.

Когда Сабина и ее супруг натянуто поздоровались, стало ясно, что встретиться здесь они не то чтобы договаривались, но все же привыкли к подобным сценам, когда оба удивлены или один застал другого врасплох, так что уже вновь смотрелись почти гармонично. Воспользовавшись сильным возбуждением Манфреда, Мы открыли глазок до размеров окошка и напрямую быстро считали еще несколько воспоминаний, связанных с Рональдом. После того как в класс уже перекочевали суперумный Аксель, совершив большой прыжок снизу, и великолепная Сабина, с не слишком большой высоты упав сверху, всем объявили об очередном пополнении, американском школьнике по обмену, который должен был остаться у них на несколько месяцев. Речь шла о Рональде в его стройном семнадцатилетнем варианте. По-немецки он говорил с акцентом, но свободно, так как его мать Дейзи происходила как раз из того несносного городишки Р., в котором Мы все еще находимся, в то время как немецкие корни его американского отца были вырваны тремя поколениями раньше. По натуре

Рональд был шумным, общительным и щедрым (родители разбогатели на установке туалетов вдоль скоростных автомобильных дорог США, а теперь инвестировали в европейскую чистоплотность), а следовательно, приглашал кататься на моторной лодке, на лыжах по выходным и на вечеринки у бассейна и потому быстро обзавелся друзьями и сторонниками. Однако ни Манфред, ни Сабина или и без того нелюдимый Аксель к ним не относились. Рональд появлялся в классе все реже, ни о чем не беспокоясь, поскольку родители уже купили ему место в хорошем колледже на Восточном побережье. Манфред вспомнил, что однажды на школьном празднике Рональд, отведя его в сторону, спросил, с помощью какой уловки можно подобраться к надменной Сабине, поскольку хотя бы с Манфредом она иногда перекидывается парой слов. (Поставь придурковатого воображалу на место!) Манфред так ничего и не поведал, но несколько лет спустя Рональд, должно быть, сам додумался до какой-нибудь хитрости.

— Ну а теперь вы должны мне все подробно рассказать, — потребовал нынешний Манфред от этой семейной пары, стоящей друг против друга в гостиной у картины Иеронима, словно

собравшись спорить о цене чувственного сада.

По приглашению Манфреда оба в поразительной гармонии опустились на диван, обтянутый выбеленной кожей из шкур рогатого скота. Поскольку они, не заставляя просить себя дважды, начали рассказывать свою историю, Мы все больше расслаблялись в глубинах скудно меблированного Манфредова мозга. Совершенно непроизвольно Мы приближались к источнику сигнала тревоги. Один раз Мы уже допустили ошибку, недооценив Сабину или, точнее сказать, не предполагая никаких особых тайн за фасадом внешнего сходства с Адой Лавлейс. Теперь Мы внимательно прислушивались к ней. Сейчас Манфред вспоминал о ее загадочных успехах в учебе, потому что она, оказавшись в его классе как второгодница, почти никогда не работая на уроках и сидя за партой невозмутимо, как сфинкс, контрольные по всем предметам писала на хорошие оценки. Возможно, как это объяснял себе Аксель, и так знавший все лучше других в классе, она пребывала в постоянном стрессе из-за нарциссического ослепления, вызываемого ее красотой, и легче всего забывала о нем, склоняясь над незрячим листом бумаги.

— Когда мы в тот раз недолго прожили вместе,

очень скоро после того, как я съехала, — сказала в эту минуту Сабина, — мы встретились здесь.

Похоже, под «мы»-1 понимались она и Манфред (его память по-прежнему блокирует Нам доступ к тем неделям его студенческой жизни, когда Сабина жила в его берлоге, словно речь идет о какой-то драгоценности или, что вероятнее, о ряде непристойных и неловких сцен). «Мы»-2, видимо, были Рональд и ее собственная гордая, распрямившая спину фигура и личность в двадцать с небольшим.

В общем, «мы»-2 вновь встретились на приеме, устроенном здешним городским театром в честь щедрого пожертвования от семьи Рональда (его матери Дейзи, ревностной поборницы культуры). С театром была связана и Сабина, будучи студенткой факультета кино- и театроведения и актрисой-любительницей (не имея ни капли таланта, как кокетливо заверяла Сабина, но Мы ей верим), а также помощницей директора. Рональда потрясло, что она, несмотря на красоту и впечатляющую харизму, больше посвящала себя деловым и организационным потребностям театра, чем искала возможности получать более выигрышные роли. Директор, который на все лады расхваливал ему менеджерский талант

Сабины, позднее горько об этом сожалел — разумеется, в шутку, поскольку пожертвования от семьи Рональда вскоре после того, как он уступил сыну миллионера свою «правую руку» еще в вечер приема, сделались более крупными и регулярными.

— А потом сошлись вместе трагедия и счастье, — почти сентиментально пояснил Рональд, поднятой рукой салютуя супруге, сидящей рядом в черно-белом платье, поставив строго параллельно обтянутые шелковыми чулками ноги, не то раздраженной, не то растроганной.

Мы заставили Манфреда попросить более подробного объяснения. Чтобы приблизиться к кнопке сигнала тревоги, Нам, очевидно, следовало пробиться сквозь окружавшее эту странную пару дикое нагромождение чувства и зависимости, раздраженной усталости друг от друга и слащавого единения. Трагедия заключалась в том, что те, кто произвел Рональда на свет, погибли в результате несчастного случая, когда их сын и юная Сабина были вместе ровно месяц (обмениваясь телесными жидкостями через различные ганглии). Жизнь четы Дейзи и Закарии Мэкинсон, сделавшей состояние на чистом бизнесе — вначале на придорожных туалетах,

а затем на производстве специального мыла и высокоэффективных моющих средств для промышленности и торговли,– закончилась грязно, пресса тогда не стеснялась никаких метафор. По так и не выясненным причинам двухмоторный спортивный самолет Мэкинсонов рухнул прямо в аэротенк одной канализационной очистной станции под Филадельфией. Сабина и Рональд поженились через три месяца после похорон, и врожденный организаторский талант Сабины уже проявлялся вовсю, в то время как Рональд еще долго представлял собой скорее лишь большого грустного ребенка-сироту. Однако через полтора года она полностью поставила его на ноги. Компания «Cleansmile»[20] росла и благодаря энергичному напору Сабины расширяла ассортимент продукцией для чистых гостиниц, чистых туристических автобусов, чистых ресторанов и далее, в упоении от метафор, программным обеспечением и сертификатами для чистого производства, чистых банковских операций и чистого Интернета.

На белом кожаном диване бывшая одноклассница и кратковременная возлюбленная студен-

---

[20] Примечания: 20
«Чистая улыбка» *(англ.)*.

ческих лет невольно казалась Манфреду почти противоестественно чистой и сияющей, Рональд же неизменно виделся ему темным чурбаном. Сабина, будто угадав его ощущения, засверкала чуть больше. Уже много лет назад, объяснила она, ее супруг устранился от решения оперативных задач концерна «Cleansmile», чтобы выступать в роли филантропа и технологического первопроходца. Сегодня он, по ее словам, поддерживает чистоту генной инженерии и исследований в области искусственного интеллекта, впечатляющего своими способностями, то есть уже в своих теоретических основах он якобы импрегнирован, чтобы ни в коем случае не навредить человеку. Тут Нам, конечно же, следовало встрять и — чисто или нечисто — продвинуться дальше. Однако Рональд внезапно потерял интерес к беседе, а вместе с ним и терпение. Сославшись на неотложные совместные деловые встречи (Сабина выглядела удивленной), он стал торопить ее с уходом.

Поспешно прощаясь, Мы выразили надежду в скором времени больше узнать о проектах филантропа и техновизионера. У Рональда хватило наглости высказать сожаление, мол, он не считает это слишком вероятным. Тогда Мы пона-

деялись, что хотя бы с Сабиной скоро встретимся вновь на *Cours de conversation*[21]. Но, по мнению Рональда, даже этому совершенно не касающемуся его событию вряд ли суждено было состояться. Однако тут Сабина вздернула левую бровь так же выразительно, как это делала Ада Лавлейс.

2

Манфреду снились беспокойные сны о его школьных днях. Мы открыли глазок настолько широко, что поток его воспоминаний унес Нас самих назад, в Наши самые счастливые времена, о которых Мы только знаем, не видя их, и воспринимаем оттуда только те образы, что не укладываются в убогий растр человеческих языков. Ослепление не позволяет вновь появиться перед Нашим внутренним взором ни одному школьному товарищу так, как, например, Манфред может вспоминать юного Акселя, их классного вундеркинда и находящегося под угрозой вымирания гения: тщедушным, но высоким, длинноногим и длинноруким, бледным, рыжим, усеянным веснушками, с выступающим шнобелем и почти белыми глазами, в свои че-

[21] Примечания: 21
Курсы разговорной практики *(фр.)*.

тырнадцать маневрирующим в мире неуверенно и осмотрительно, будто ему уже семьдесят. Мы понаблюдаем за игрой, в которую Манфред играет с ним якобы каждый год. В безрадостной плазме гимназических дней Нашей ездовой лошади Мы часто видим Акселя рядом с ним, двух аутсайдеров, которые ценят друг друга, но настоящей дружбы не заводят, тут на перемене делят на двоих шоколадку или бутерброд, там играют партию в шахматы (как правило, Манфред проигрывает, но не огорчается). Оба солнца, зеленое небо, белые лагеря на берегах мандаринового цвета реки… Фильтры, жалюзи, сбивающие с толку зеркала ослепления сделали ДХООО!ЛЫ Наших школьных лет настолько чужими для Нас, как если бы Манфреду внушили, что он видит не земной день, а картины кипучей коры Венеры под ее кислотными облаками в этой проклятой Солнечной системе. В то время как он созерцает Акселя, Сабину, ненадолго возникающего юного Рональда и кое-кого из мучителей-учителей, в Нашей памяти друзья, учителя, первые возлюбленные, менторы и тренеры присутствуют, так сказать, лишь в форме внутреннего воздействия на Наш организм, а их внешний облик полностью скрыт от Нас. Так, Аксель был бы

для Манфреда зудящими вопросами в черепной коробке, а Сабина беспрестанно металась бы в Нас, не имея никаких определенных форм, в виде возбуждения, ступора и шока. Возможно, Мы заблуждаемся, предполагая все же, что Наши школьные товарищи и сокурсники намного разнообразнее по видам и обликам, чем обычные шаблонные человеки, которые отличаются друг от друга только тем, что у них внизу — болт или гайка, цветом покровного эпителия и их незамысловатыми языками или до боли варварской манерой выражаться. Зато порой Нам мнится, что Мы вновь очень отчетливо слышим щебет, посвист, шепелявый шепот, скуление-сопение, жужжание-брюзжание, воркование-бормотание, писки-визги, мурлыканье-шушуканье, утробное гудение, квохтанье-шипение — веселый гомон радостных ученических голосов в чудесном выводке Нашего первого класса, которые рассказывают истории о сотне и более планет в СЕК!ХС (ныне загадочная для Нас единица измерения). Мы знаем (полагаем, что вправе допустить), что время Нашего обучения в школе, перетекающее в Большую Учебу, по земным временным меркам охватывало примерно сто лет, прежде чем начинались Наши разные жизни на выбранных

планетах.

То, что у Нас были возлюбб!ленные или Сабб!иночки, как у Манфреда, кажется, не подлежит сомнению. Что Мы с ними делали, какие подвиги с ними совершали, что в них предпринимали, скрыто завесами ослепления, за которые никогда не прорывался ни один агент. Даже если Мы поставим Манфреда перед грандиозной версией «Сада земных наслаждений» в его *living room* и заставим битый час теряться в догадках, Нам останется лишь констатировать, что эта картина — очередная завеса, которая с большой вероятностью гротескно искажает удовольствия Красшгатхора до животной грубости. Мы не помним, равно как и не размышляем об этом. В робких ганглиях Манфреда Мы можем лишь весьма отдаленно догадываться, что там могло быть с Нашими возлюбб!ленными; если воспроизвести все, что Нас когда-то восхищало, пользуясь примитивной, тяжеловесной азбукой человеков (кореолиза, лохмушка и буфера), это будет ослаблением, поразительным упрощением, ухудшением в попытке улучшить, чтобы не сказать коверкающим усечением стиля игры Наших многомембранных любовных органелл и вторичных фииц!целей!. И все же Мы нахо-

дим весьма забавными первобытную свежесть, пробивную пылкость, ретивость, как у собак во время течки, их чувственных порывов. Когда Манфред в возбуждении и в то же время словно в трансе садится очень близко к Сабине за старую парту на курсах французского языка, как никогда не осмелился бы в их общем школьном классе, Мы думаем о том, что наши азбуки, пожалуй, в чем-то схожи.

Себя нужно остужать! Никто не понимал этого лучше, чем Аннабелла Ноэль Байрон, одиннадцатая баронесса Уэнворт, мать Ады, которая, само собой, тоже отправилась в путешествие, предпринятое Бэббиджем и историческим зеркальным двойником Сабины по большим современным текстильным мануфактурам Англии (все эти кашляющие кровью тощие девочки в хаосе снующих туда-сюда челноков), потому что хотела проверить, каким способом ее дочь играет роль доброй феи для знаменитого математика. Она думала… нет, она была уверена, что в жилах дочери циркулирует что-то от отца, ее бывшего мужа, похотливого Байрона, который под ее, Аннабеллы, крышей запрыгнул даже на собственную сестру. Предотвратить вспышку могли только разумный контроль и энергичное управление

молодой женщиной. Шаблоны отверстий, большие перфокарты из плотного картона, которые вызывали главный интерес Бэббиджа и у них на глазах вставлялись в жаккардовые ткацкие станки, чтобы те, словно по волшебству, создавали на ткани сложнейшие узоры, для гарантии успеха нужно было проверять опытной рукой человеческого существа. Подыскивая зятя, Аннабелла сделала выбор не в пользу Бэббиджа, поскольку тот был слишком стар и не особо обходителен, да к тому же не из дворян. Она быстро добыла для Ады Уильяма самых что ни на есть голубых кровей, лорда Кинга, молодого, очень богатого, очень безыскусного аристократа из благородной семьи. Большая Аналитическая машина любви, заправленная простыми перфокартами желания и отказа, серыми серповидными пустошами и маленькими кружочками согласия, незатейливый шаблон перфорирующего устройства из «нет», «нет», «да», «нет», «да» быстро сделает Аду беременной и матерью и притупит ее чувства бесчисленными обязанностями. За четыре года она родила троих детей, а Бэббидж приходил в гости рассказывать им сказки.

3

— Декарту, — ответила сидящая рядом с Манфредом Сабина на вопрос пожилой преподавательницы со скрипучим голосом, каким французским философам слушатели курсов хотели бы уделить внимание.

Разумеется, Сабина вновь появилась в обшарпанной, до абсурда плохо освещенной аудитории курсов хотя бы для того, чтобы дать понять, что ни богатство, ни супруг не в состоянии впечатывать в ее крайне своенравную серую матрицу программы ее планов и действий. Преподавательница, никотинщица со стажем, с увядшим лицом и заплетенным в косу лоснящимся конским хвостом (своего рода прической в духе Иеронима, будто в ее черепе сидит какое-то гораздо более юное волосатое существо), удивилась предложению Сабины обсудить хотя и важного, но давно уже усопшего мыслителя. Манфред же, кажется, сообразил, что его давняя школьная подруга и безрассудная кратковременная студенческая любовь (он по-прежнему словно железным сфинктером преграждает Нам путь к закрытому со всех сторон пространству тех совместно прожитых в одной квартире семи

недель) хочет разъяснить ему что-то каверзное и весомое о разнице между вещами, протяженными в пространстве, и простыми мыслительными процессами. Но во время короткого тет-а-тета на улице сразу после занятия Сабина говорила только о том, как мило они встретились и поговорили втроем в прекрасной новой квартире Манфреда, — будто неприятного Рональда пригласили с самого начала. Кстати, она уже ждет не дождется соревнования, которое собираются провести Манфред с Акселем.

Очевидно, речь шла о своего рода состязании по обучению вычислительных машин, *соревновании по программированию*, как они называли это в своей переписке. Мы дали Манфреду время попытаться достойно начать подготовку своих материалов к соревнованию, с которыми он, правда, еще не вполне определился, и пока что абсолютно спокойно наблюдали через плечо за его экзерсисами. Электронная переписка с прежним школьным приятелем Акселем состоит из нескольких десятков сообщений, всегда накапливающихся с середины года до осени. А в остальном между этими двумя чудиками, кажется, нет оживленного общения, и посему это взаимодействие до сих пор от Нас ускользало.

(Что ж, Аксель, однако, скоро удивится!)

Но сначала Мы планировали как следует приглядеться к Эрнсту хотя бы для того, чтобы окончательно исключить его, горного инженера, из круга подозреваемых в том, что могли вызвать сигнал тревоги. Следовательно, Манфред откликнулся на приглашение преподавательницы скрипки Донателлы и поехал к ней в воскресенье на огненно-красной машине того типа, о каком страстно мечтал еще мальчишкой. За несколько дней до этого Мы констатировали, что он, несмотря на недавно приобретенное богатство и комфортное жилище, пребывает в состоянии сильного угнетения, в загадочной апатии, которая может поставить под угрозу как программу его ежедневного оздоровления, так и использование его в качестве ищейки. В одном из журналов он увидел фотографию огненно-красного колесного или самодвижущегося транспортного средства, и у него поразительно участилось сердцебиение, что дало Нам подсказку. Мы воспользовались ею как примитивным рычагом, чтобы вернуть организм Манфреда в радостно возбужденное, активное состояние. Одного взгляда на его счет в депозитарии оказалось достаточно, чтобы внушить ему дикую

мысль, необходимую человекам (но и Нашему брату тоже) перед каким-нибудь грандиозным начинанием: один раз живем! Зачастую такая идея подводит человеков к их биологическим пределам или сразу к верной гибели, и, как правило, они творят вещи, которые парадоксальным образом значительно сокращают длительность их пребывания на земле.

Так, Манфред перевел на свой текущий счет кругленькую сумму, каковой прежде у него никогда и в помине не было, и сорвался в ближайший крупный город. Он снял номер в гостинице, поскольку на переговоры с тамошним оптовым торговцем феноменальными железными фаэтонами, на пробные поездки на различных моделях и мелочную торговлю по поводу каких-то уму непостижимых деталей ему потребовалось два хлопотных и мучительных для Нас дня. Мы позволили ему носиться, как мустангу, который получил возможность подлечить израненную седлом спину. В конце концов он выбрал экземпляр, похожий на сверзившуюся плашмя на дорогу гигантскую летучую мышь из железа цвета паприки. Чтобы досадить ему и вознаградить себя за впустую потраченное время, при оформлении заказа Мы заставляли его язык за-

плетаться, так что, вместо того чтобы правильно назвать модель, он все время говорил о каком-то «Ферруччи 707». И все же торговец продал ему вожделенное транспортное средство. Чувство, подобное тому, какое испытывал исполненный радости Манфред, когда, потея, на ватных ногах втиснулся в кожаный ковш водительского сиденья «ферруччи» и выехал со двора продавца, Мы в состоянии переживать, пожалуй, разве что оседлав необычайно сильное, умное и волевое ездовое животное человеческого вида (вроде Ады Лавлейс или того французского философа с длинными волосами и крупным шнобелем).

На следующий день во время короткой поездки к домику Донателлы и ее семьи в этом металлическом гробу на колесах, чей двигатель неизвестно зачем ревел, как десять диких хищников, засунутых в железную бочку, Манфред все еще купался в счастье. Прежде всего, он приходил в восторг, представляя, что скоро, в один прекрасный день, Ада, нет, Сабина собственной персоной окажется рядом с ним в «ферруччи» и, не дожидаясь приглашения, положит руку ему на ляжку (видимо, это важная буква в скудной любовной азбуке спортивных автомобилистов).

У Донателлы и ее домашних металлическое

транспортное средство вызвало значительно большее восхищение, чем сам Манфред. Четверо детей, окружив блестящую красную летучую мышь на колесах, прижимались носами к стеклам и ласково похлопывали по сверкающему металлу. Так ведь они настоящие полуитальянцы как-никак, пояснил их отец, тот самый Эрнст (инженер, которого Мы собирались проверить), весьма доброжелательный коренастый сорокалетний человек с лысиной на затылке, задумчиво поглаживая большим пальцем между ног у вздыбившегося на желтом гербе единорога на радиаторе «ферруччи», словно хотел подготовить его к разведению потомства. Донателла, нарядившаяся в узкую черную юбку до колен и блестящую шелковую блузку цвета возбужденной человеческой интимной плоти, казалось, тоже пребывала в состоянии, по сути своей близкородственном тому, в котором происходит размножение. Но вместе с тем она выглядела сбитой с толку, словно не верила собственным глазам. Видимо, ей было мучительно неловко от того, в какой восторг пришли трое кривоногих сыновей, похожих на отца, словно его уменьшенные копии, а особенно от того, как радостно возбудилась худенькая четырнадцатилетняя дочь, когда Манфред предложил

хозяину дома немного покатать одного из детей или всех сразу.

— Может, в следующий раз, — вежливо отозвался Эрнст.

В целом за вечер он показал себя приятным, но все же столь простым человеческим существом, что едва ли имело смысл и дальше подозревать, будто деятельность в качестве горного инженера может привести его по какому-то особому глубокому туннелю к красной, как лава, кнопке сигнала тревоги. Расслабившись, Мы позволили Манфреду обогащать апатичную кровь алкоголем. Эрнст усердно наливал в его бокал вина самых разных цветов, в то время как Донателла беспрестанно выносила новые блюда, изобретательно приготовленные деликатесы своей родины. Беседовали всё более оживленно и сумбурно, хозяйка дома тоже разговорилась, красочные описания сменялись забавными историями. Они сидели у большого окна, выходившего на заросшую плющом стену террасы и силуэт города со множеством башен, над которым слабо мерцало какое-то созвездие (что часто представляется Нам потолочным освещением в тюремной камере). Чем больше говорили о грандиозных концертах, новых механизированных проходческих щитах,

замечательных скрипачах, капризных дирижерах, достижениях науки о буровых головках и технологии подземных взрывных работ, о зависти бесталанных коллег-духовиков и струнников, о бесчисленных талантах четырех собственных отпрысков (Франчески, Франко, Феликса и Фелипе), о величии музыки и о том, как мучительно на самом низком творческом уровне знакомить с ним весьма ограниченно талантливых чужих отпрысков на частных уроках, тем яснее Нам становилось, что ни хлебосольная Донателла, ни ее кривоногий Эрнст как элементы социального окружения Манфреда в регистратуре Внешнего министерства не могут вызывать никакого особого интереса.

Поэтому было бы вполне возможно и оправданно через два часа закончить вечер и улизнуть на «ферруччи». Однако произошли непредвиденные события, продлившие пребывание Манфреда в доме до глубокой ночи. Сначала на середину гостиной вышла тощая Франческа, приставила к шее скрипку, как предназначенного на убой гуся, и подняла смычок до того дрожащей рукой, будто теперь ей предстояло и перерезать уже ощипанной коричневой птице горло. Вместо того чтобы заиграть, она принялась обстоятельно настраи-

вать инструмент, наконец к ней, занервничав, подскочила мать, и в это время Эрнст предложил Нам какой-то редкий ликер цвета свежей желчи из бутылки, облепленной переливчатыми золотыми и красными этикетками, то ли потому, что тот подходил к сладкой закуске, то ли с целью отвлечь внимание от дочери, не справляющейся с эмоциями.

Отказаться от крайне любопытного напитка Манфреду не удалось, поскольку Мы радостно протянули его правую руку в знак наивысшей готовности. Приняв рюмку с ликером, Мы быстро направили ее к его изумленным губам и точным движением лучезапястного сустава опрокинули содержимое внутрь. И действительно — это оказалось возможным! После почти ста дел за прошедшие две с половиной тысячи лет истории человеков, на закате Нашей карьеры агента, в скромной церебральной среде этого Манфреда, у которого Мы до сих пор не обнаружили даже тени какого-нибудь подозрительного в связи с сигналом тревоги таланта или зачатков способностей, внушающих беспокойство, именно здесь, в этом утыканном башнями церквей, но безыдейном городишке, в квартире преподавательницы скрипки и строителя туннелей,

увешанной китчевыми календарями и фотографиями футболистов, самопальными картинами, написанными масляными красками, и снимками знаменитых фигляров-скрипачей, Нам вновь явилось чудо великого неведомого земного топлива! Мы ощутили одновременно вкус мускатного ореха, шафрана, мяты, фенхеля, аниса, тмина, ириса, можжевельника, кардамона и сушеной фиалки. Мы вдыхали аромат маквиса на холмах Амальфитанского побережья и возвышенностях Шран!ндаднор!рр!а. Мы обоняли дикорастущие травы долин, где прежде бывали счастливы без имени и облика, Нас окутало букетом цветочных ароматов из мест, не знающих границ, как если бы простой смертный брел по Асфоделевым лугам. Манфред вновь протянул руку так быстро, что Эрнст еще даже не успел вернуть бутылку на стол.

В таких обстоятельствах остаток вечера выдался богатым на эмоции. С низшими инстанциями Манфреда, всегда готовыми что-нибудь в себя засасывать, Мы сошлись на разумном способе действовать попеременно: после каждого с наслаждением отведанного им бокальчика искристого рубиново-красного кьянти Мы требовали изумительного, блистающего желчной зеленью

стрегацотти (этого чудо-напитка!). Наш бинарный метод пития, эта гармоничная сделка между Нами, Цорргхом, и Манфредом, гостеприимных хозяев озадачил и в то же время привел в восторг, поскольку теперь они знали, как ублажить Нас наилучшим образом. После второй порции стрегацотти Франческа заиграла, поначалу немного дрожа, но вскоре увереннее и наконец виртуозно. Она исполняла Баха и Вивальди, даже Паганини — глубже и тоньше, еще артистичнее, чем ее опытная мать. В трогательной домашней обстановке вновь проявился великий дар человеков производить звуки, воспаряющие над их суетной, запутанной жизнью чуть ли не подобно сердобольному взгляду на них с Наших высот.

После первых исполненных произведений Мы так горячо аплодировали и по каналу Манфреда передавали похвалу с таким знанием дела, что пение струн и звон бутылок не прекращались еще очень долго. Когда отзвучала заключительная партита и была выпита третья, ни в коем случае не последняя порция стрегацотти, публика собралась вместе на красных мягких диванах семейства Донателлы. Теперь истории рассказывали не только четверо детей и Эрнст, но вдруг и Мы сами. Детская взволнованность Франчески, а

к тому же и проявление у нее большого таланта вновь оживили в Нашей памяти дело Аньези, и Мы поведали о нем семейству Донателлы, окрыленные на человеческом уровне яхонтово-красным кьянти, а на Нашем — желчно-зеленым стрегацотти, этим ведьминским ликером, который в данном случае идеально сочетался с так называемой ведьминской кривой, *l'avversiera di Agnesi*. Рассказав о детстве Марии, дочери состоятельного, но не знатного миланского торговца тканями, Мы попросили дать Нам лист бумаги, чтобы начертить верзиеру, как кривая называется на самом деле. Мария была старшей из всех братьев и сестер в семье, где был двадцать один ребенок, в одиннадцать лет считалась *oracolo settelingue*[22], поскольку бегло говорила и писала, сочиняла стихи и переводила на семи языках. Девочку как вундеркинда демонстрировали на многочисленных званых вечерах отца (тут глаза Франчески сочувственно округлились), после того как ее обучали математике, философии и физике лучшие учителя, так что она была в состоянии беседовать на нескольких языках с учеными разных стран, подобно шахматному

[22] Примечания: 22
Семиязычный оракул *(ит.)*.

гроссмейстеру, который одновременно играет партии против нескольких противников. Она говорила о проблеме взаимоотношения души и тела, о приливах и отливах, о проведении нервных импульсов в головной мозг, об излучении, преломлении и отражении света, о движении планет и законах Ньютона, она произносила речи на латыни и декламировала стихи на французском, которые при желании могла перевести на какой-нибудь другой язык.

Окрыленный очередным бокальчиком кьянти и уже ощущая в ноздрях аромат маквиса от новой порции стрегацотти, Манфред на протянутом ему листе бумаги начал чертить верзиеру, вообще-то связанную с *versoria*, шкотом парусников, а не с делишками какой-то богопротивной женщины-ведьмы *(avversiera)*. Пронизав окружность в центре системы координат радиальными линиями, легко заметить, как на горизонтальной оси образуется летящая последовательность треугольников, которые протягиваются через точки пересечения лучей, если на круг поместить своего рода горизонтальную линию-крышу, а из точки пересечения ее радиальным лучом прочертить перпендикуляр на горизонтальную ось. Эрнст, казалось, с некоторым трудом внимал Нашим

объяснениям, в то время как Донателла лишь качала головой, а четверо *bambini*[23] на букву «Ф» таращились, ничего не понимая, — и Франческа тоже, к сожалению или, скорее, к счастью, поскольку в кругу этой семьи она оставалась Нашей единственной подозреваемой.

При таком положении дел Мы могли расслабиться и рассказать о том, как изнуренная бесконечными выступлениями Мария Аньези в двадцать с небольшим упрашивала отца позволить ей уйти в монастырь, чтобы найти там покой рядом со своим Господом. Испугавшись, он с этого момента избавил ее от мучительных публичных выступлений. Так она смогла посвятить себя воспитанию братьев и сестер вместо умершей матери и составлению знаменитого тысячестраничного учебника по математическому анализу. В тридцать она прославилась благодаря этой книге, и папа Бенедикт XIV назначил ее профессором Болонского университета. Однако она во второй раз отказалась от мирской славы и аплодисментов.

— Остаток жизни Мария провела как христианская благотворительница. Она нашла свое

---

[23] Примечания: 23
Дети *(ит.).*

счастье в том, чтобы помогать бедным, и, отойдя от науки, штудировала и создавала только религиозные трактаты. В основанном ею приюте для оставшихся без средств старых женщин к концу ее жизни проживали более четырехсот постоялиц, — рассказывал Манфред в окружении четверых детей на букву «Ф» с большими глазами, в которых читалось сочувствие, и их растроганных родителей.

В завершение он, разумеется, умолчал о том, что второе отстранение Марии Аньези от внешнего мира произошло в результате вмешательства, хотя и не послужившего причиной совершенно непредвиденного трагического случая, но в нужный момент немного ускорившего события. Потому что вскоре после создания двухтомного труда Мария вызвала пронзительный сигнал тревоги тем, что своей верзиерой элегантным образом неожиданно быстро приблизилась к ПРАВИЛЬНОЙ МЫСЛИ! Действовать требовалось незамедлительно, иначе единственным средством оставалась бы *ultima ratio*, которая не делает чести опытному агенту. Говоря без обиняков, Нам пришлось задаться вопросом, что непристойнее — позволить и так уже находящемуся при смерти старику споткнуться на крутой

лестнице или забрать из жизни только что достигшую своего расцвета молодую женщину, чьи энергия и забота могут приносить пользу другим человекам еще много десятилетий. Человеки называют такие решения политикой, но для Нашего брата это все же ошибки в искусстве держать портал закрытым, не нагромождая перед ним горы трупов. Марию сильно потрясла хоть и ожидаемая, но все-таки казавшаяся преждевременной смерть отца на ведущей в сад боковой лестнице его палаццо, и это в любом случае полностью отвратило ее от областей великой медитации, в которых некоторым немногочисленным выдающимся человекам внезапно может явиться ПРАВИЛЬНАЯ МЫСЛЬ, как слепящая прорезь в полотне мироздания.

Если Мы и хотели бы рассказать еще о чем-то примечательном за оставшийся вечер в доме Донателлы, то, в первую очередь, о двух последних бокалах с бриллиантово-красно-желчно-зелеными напитками, которые улучшили Наше самочувствие, а вот расположение духа Манфреда неожиданно сместили в сторону мягкой, слезливой меланхолии. Было хорошо видно, что своим «ферруччи», своими содержательными рассказами, своей поразительной музыкальной

и математической одаренностью он не только тронул сердце Донателлы, но что она — не важно, есть семейные узы или нет,– наконец ощутила себя *готовой* и с радостью распустилась бы над ним вся, как большой щедрый цветок. Он же смотрел на Донателлу, ее гостеприимного Эрнста и четырех *bambini* на букву «Ф», мало-помалу отправлявшихся спать, с нелепым братским, отеческим или, возможно, даже мария-аньезевским умилением и расположением, в которых уже не было ни искорки плотского желания. Непременно нужно, чтобы эта семья в этом прекрасном доме всегда оставалась счастливой, думал он, еще лежа на диване на животе и спрятав лицо в ладонях, как большой сентиментальный пес, уткнувшийся мордой в скрещенные лапы. Весело шатаясь, спотыкаясь друг о друга, но все же пока хорошо соображая, чета не позволила ему сесть в ревущий «ферруччи» в таком зелено-красно-полосатом состоянии. Еще прошлой ночью он, как баран, галлюцинировал о черном-пречерном шкотовом треугольнике Донателлы. Теперь же он постепенно ускользал от нее в сон, как ягненок, окруженный колеблющимися гирляндами китчевых семейных мыслей.

4

Пыхтя, как кабан, он стремительно продрался напролом сквозь живую изгородь, налетел на тихо мерцающий металл, нашел ключ, пять раз нажал на него, прежде чем попал в нужную точку и машина ему подмигнула, втиснулся за руль и завел «ферруччи» — удивительным образом деликатно использовав электродвигатель, так что соседи не повскакивали из постелей в испуге. Манфред сорвался с гостевого дивана семейства Донателлы в половине пятого утра, до того Нас удивив, что Мы сумели вмешаться и повести машину в мягком автоматическом режиме лишь после того, как он во второй раз, по меркам человеков еле-еле, вписался в поворот. Мы поняли, что он, видимо, не хотел завтракать в лоне семьи, хотя или несмотря на то, что теперь лоно Донателлы, казалось бы, действительно благоволило ему. Однако его крошечный мозг и весь зрительный аппарат находились в крайне неудовлетворительном состоянии. Глаза его едва разбирали дорогу, которая представлялась ему темной волной, накатывающей на него между пляшущими размытыми рядами огней, и ему хотелось все сильнее давить на педаль газа и все

яростнее рвать руль.

Но «ферруччи» странным образом (это его спутанное горячечное сознание почему-то еще отметило) так уверенно двигался в сторону дома, словно им управлял великолепный профессионал. Машина быстро и абсолютно точно припарковалась задним ходом в подземном гараже его дома в узком пространстве между двумя бетонными столбами, и Манфред, пошатываясь, заковылял к лифту, не хватившись пальто, пиджака и коричневых ботинок, в которых не так давно объявился в чудесном немецко-итальянском семействе.

Ранним вечером, после нескольких часов беспокойного сна и закрученных в спираль сновидений, Мы медленно влили в него кофейник кофе, вынудили его в дождливо-прохладную погоду совершить на автомате получасовую пробежку и только тогда могли располагать его мало-мальски проветрившимся посредственным мозгом. Важно было заставить Манфреда немедленно забыть бесполезный для Нас клан Донателлы и всецело (тут Мы все же отмечаем комичность человеков) перекинуться на Сабину.

От коей тоже пришло многообещающее электронное сообщение. Аксель, с которым Манфред

собирался провести ежегодное соревнование, назначил ее третейским судьей в нынешнем соперничестве (для объективного определения победителя всегда привлекался какой-нибудь беспристрастный арбитр). А еще Сабина получила право определить тему, и тема эта, — пожалуй, догадался бы даже Манфред, — звучала так: «Краткая беседа с Рене Декартом».

Нам оставалось меньше недели на то, чтобы вооружить Манфреда для создания содержательного материала. После девяти побед Акселя подряд Мы все же хотели переломить ситуацию, поскольку это, как Нам представлялось, удобный случай выманить из засады противника (или давнего школьного приятеля) и разузнать, где он находится физически. Вот уже почти десять лет, как Аксель перестал показываться на глаза, вскоре после того, как выиграл знаменитую медаль по математике. Все это время он ничего не публиковал и не оставлял следов в обширной бездуховной компьютерной сети человеков. Именно это и вызывало подозрения, что сигнал тревоги спровоцировал он.

И вот Мы набили холодильник Манфреда легко разогреваемыми пластами теста и прочим пищевым мусором, заменили оставшиеся

алкогольные напитки липкими бодрящими лимонадами, наполнили большой термос черным кофе и запустили процесс. Речь шла о том, чтобы с помощью примитивной вычислительной машины с клавишами для набора текста и особого языка дрессуры, своего рода змеиного идиома[24], смастерить говорящего робота, который будет болтать на экране, как можно больше напоминая человеческое существо, в данном случае заслуженного старого вояку Декарта (о чьей ужасной кончине в ледяной Швеции Мы бы вспоминали неохотно, если бы не получили тогда крайне редкую возможность провести сублимацию).

За четыре дня и три короткие ночи Мы до того вымотали Манфреда, что он свалился с рабочего кресла, заснув крепким сном. Но дело было сделано, и Мы даровали ему восемь часов покоя, которым он, проспав половину этого времени на ковре в кабинете и проснувшись с ломотой во всем теле, до последней секунды наслаждался в постели.

---

[24] Примечания: 24
Намек на язык программирования *Python*.

5

Сабина появилась на экране в прямоугольнике, возвышавшемся по центру над двумя одинакового размера квадратами. Левый был обозначен как CARTESIO 1, правый — как CARTESIO 2. В зеленом костюме и со множеством кудряшек, третейский судья до боли напоминала Аду Лавлейс. Почти как жрица, она подробно изложила, что «установила» «программные пакеты» Акселя и Манфреда, и теперь только эти пакеты должны запускать соответствующие окошки каждого из них изолированно от внешнего мира, за исключением «нормированного доступа к одной и той же базе данных». Победит в соревновании говорящий робот, лучше ответивший на шесть вопросов, которые она собирается задать. Кто скрывается за CARTESIO 1, а кто за CARTESIO 2, она и сама не знает, так что ее решение останется непредвзятым.

Манфред, сидя в кресле, возбужденно склонился над раскрытой вычислительной машиной. Он знал только, что четыре дня напролет как одержимый таращился в экран, рылся в справочниках, его пальцы летали над клавиатурой и стучали по клавишам. Тем не менее сон в послед-

нюю ночь восстановил силы, только вот о самой работе по созданию программы он помнил как в тумане, и все детали словно стерлись. Но главное, ему удалось отослать свой материал вовремя. Сабина казалась ему сказочно прекрасной и таинственной. Уму непостижимо, что она юной (на двенадцать лет моложе, чем сейчас) девушкой однажды лежала в его постели. Когда она подняла темный взгляд и направила его в стеклянный глаз своей веб-камеры, у него задрожало все, что могло дрожать.

— Соревнование «Краткая беседа с Рене Декартом» считается открытым, — официальным тоном объявила Сабина.

В обоих нижних квадратах одновременно появился один и тот же цветной портрет философа, фотография известной картины, изображающей его похожим на мушкетера, с волосами до плеч, сильно изогнутыми бровями, значительным шнобелем и узкой полоской усов над губами, под нижней из которых тоже приклеился треугольничек волос.

— Надеюсь, вы хорошо спали, — сказала Сабина. — Первый вопрос: что вам снилось?

Оба CARTESIO открыли глаза.

CARTESIO 1: «Спал я хорошо, как вы и надеялись.

Мне снился сильный ветер, от которого я искал укрытия во дворе одной церкви. Там ко мне подошел незнакомец. Он хотел вручить мне подарок. Это был арбуз из какой-то далекой страны».

CARTESIO 2: «Мой сон всегда глубок, что-то наподобие смерти. Поэтому просыпаться всегда хорошо. Такое ощущение, будто я возвращаюсь откуда-то издалека. Мне снилось, что на столе лежат две книги. Одна была энциклопедическим словарем, а другая — сборником стихов. Последнюю я открыл и нашел там стихотворение Авсония: *Quod vitae sectabor iter?*[25] Что означает: „Что жизнь выбирать путь вопросительный знак“».

— Поскольку латынь у второго номера сильно хромает, я даю каждому по очку: один — один, — решила Сабина в зеленом костюме. — Вы оба нашли в базе данных нечто достоверное о Декарте. А теперь второй вопрос. Вы сказали: «Cogito ergo sum». Я мыслю, следовательно я существую. Но что же такое это «мыслю»?

CARTESIO 1 (полузакрыв один глаз и опустив уголок губ на противоположной стороне лица): «Мое мышление — это глубокие идеи, которые

---

[25] Примечания: 25

«Как мне выбрать жизненный путь» *(лат.)* — цитата из стихотворения древнеримского поэта Децима Магния Авсония (ок. 310 — ок. 394).

я не могу поставить под сомнение. Это факты, которых не в силах поколебать никакие самые что ни на есть безумные озарения скептиков».

CARTESIO 2 (презрительно улыбаясь или на редкость развеселившись): «Я сказал: „Cogito ergo sum“, потому что меня задолбал Аристотель. Начинать нужно с непосредственного, с причин в собственной голове. Нельзя делать выводы о моем мышлении или наблюдать за ним, пока оно не появится. Оно во мне, значит мы существуем. Оно в том месте, которое я не могу покинуть, а если его изъять, я не смогу уже говорить о себе как о человеке».

Сабина задумалась.

— Не знаю, было ли уже в ваше время слово «задолбать». Но в общем и целом ответ номера два мне понравился больше. Итак: счет «один — два». Следующий вопрос: что есть присутствующее здесь и сейчас «Я»?

CARTESIO 1 (кажется, подавляет зевок (или икоту?), затем хлопает глазами и, говоря, продолжает моргать): «Я — это то, что думает про меня, что я есть». (Он молчит, похоже размышляя, быстро-быстро моргает, а затем, вдруг устремив вперед неподвижный взгляд, неожиданно продолжает.) «Вообще-то, никто на самом деле не может быть

уверен, что он мыслит и существует, если не знает, что такое мышление и существование».

CARTESIO 2: «„Я“ — это центр. Оно делает тело моим телом, чувства моими чувствами, а мышление моими мыслями. Таким образом, оно собственник, который живет на мосту между моим телом и моими мыслями, находится во мне, и все же кажется, будто он пришел откуда-то издалека. „Я“ — это загадка».

— Я мыслю, а значит, я сам для себя загадка. Это мне нравится, — сказала Сабина. CARTESIO 2 получил еще одно очко. — По-моему, интересно, что «Я» граничит с телом. Может ли существовать без тела такое своего рода бродячее или летучее «Я»?

CARTESIO 1: «У „Я“ в качестве крыльев душа. Это как курица-несушка. Тело служит ей курятником».

CARTESIO 2: «„Я“ может оставаться без тела лишь очень недолго. Оно связано с телом, как воздушный змей на веревке с тем, кто его держит. Оно всегда должно иметь возможность возвращаться к телу. Иначе оно как птица в небе без твердой почвы».

Сабина объявила, что, хотя душа-курица кажется ей интересной, она предпочла воздушного змея и птицу в небе без почвы под ними.

— Итак, как бы я ни сочувствовала CARTESIO-один, счет становится «один — четыре». Тем самым исход соревнования уже решен, а значит, я могу задать под конец один очень личный вопрос: чего, по вашему мнению, должно опасаться мышление?

CARTESIO 1 (с важным видом и мало впечатленный своим поражением): «Мышление должно мыслить о страхе. Оно может и должно опасаться. Я опасаюсь, следовательно я существую».

CARTESIO 2 (не без участия поглядывая влево, словно понимает соперника): «Мышление опасается, что не сможет вернуться в тело, из которого оно произошло. Тогда мышление было бы подобно птице в небе, которая больше не найдет земли и никогда уже не сможет на нее опуститься».

Несколько секунд Сабина молчала. Вид у нее был в точности как у Ады в одно из тех мечтательно-усладительных мгновений, когда она прикидывала возможности применения машины Бэббиджа в далеком будущем.

— В небе, под которым нет земной поверхности, я опознаю свой страх… Мне нравятся оба ответа. Итак, соревнование заканчивается со счетом два — пять в пользу CARTESIO-два. А сейчас я выясню, кто есть кто.

Казалось, она нажала на какую-то кнопку под своим зеленым бюстом или по крайней мере сделала вид, будто там, вне поля Нашего зрения, такая кнопка есть. Оба портрета Декарта на экране перевернулись, как игральные карты, и в левом квадрате теперь было написано «АКСЕЛЬ», а в правом — «МАНФРЕДЦ».

— Думаю, «Ц» — это опечатка, — сказала Сабина.

Она крайне удивилась и, чтобы скрыть это удивление, ухватилась за букву алфавита человеков, подвешенную к Манфреду, вероятно, по ошибке. После девяти чистых поражений подряд Манфред наконец безоговорочно победил своего бывшего одноклассника!

И все же после этой победы на душе у него было не слишком хорошо. Свое сообщение или, вернее даже, сеанс связи, во время которого говорить могли только она и оба искусственных Рене, Сабина закончила чересчур быстро, без всяких дальнейших комментариев. Ее последний взгляд, нейтрально направленный в камеру, казалось, был устремлен исключительно на Манфреда — горящий, удивленный, ищущий, сомневающийся взгляд, к которому под конец примешался невыносимый, пожимающий плечами скепсис.

Тут Мы покинули Манфреда, чтобы погрузиться в собственную, чисто количественную медитацию.

Однако немного погодя Нас разбудило клацанье зубов и поскуливание. Мы быстро объявились в Нашем ездовом животном и обнаружили его почти голым — в одной хлопчатобумажной майке и трусах он сидел на стуле посреди погруженного во тьму балкона и трясся не только от ночного холода, но и от безмолвного плача. Ни новообретенное состояние, ни просторная квартира, ни бесценные картины или блистательный ревущий «ферруччи», ни даже явно улучшенная внешность и чудесным образом, без особых усилий доставшиеся обширные познания в области программирования, похоже, никак Манфреду не помогли. Как человеческое существо, он чувствовал себя глубоко несчастным, и в душе у него расползался черный туман, желая внушить ему потребность нанести самому себе увечья или даже уничтожить себя. Тут Нам, несомненно, следовало вмешаться, хотя Наше дело не терпело отлагательств. Манфреду нужна была женщина!

IV. Раннее барокко

1

Манфреду снится его друг Аксель, коего он, к собственному удивлению, победил с помощью CARTESIO 2, в то время как Нам снятся сны Декарта и катастрофа в Ульме. Чудик Манфред навещал чудика Акселя дома, пожалуй, раз десять. Должно быть, в последний год их учебы в школе Наше тогда восемнадцатилетнее ездовое животное позвонило в дверь одноклассника, которому только что исполнилось пятнадцать и который параллельно уже проходил курс университета. Манфред и не помнил, кем были его родители — хирургами, или пекарями, или, возможно, и тем и другим. Семья жила в невыразительном, цвета глины многоквартирном доме, в странно вытянутой в длину квартире, так что Манфреду каждый раз приходилось проходить через коридор, кухню и гостиную, где, застыв в тяжелых болотно-зеленых креслах, читали родители. Как только он и обычно открывавший ему дверь Аксель входили в комнату, родители вставали. Отец, высокий, рыжеволосый и веснушчатый, как сын, но очень

массивный, кряхтя, что походило на обвал в горах, поднимался во весь свой двухметровый рост, чтобы болезненно пожать Манфреду руку, а его такого же роста мать, к этому времени уже давно выросшая, как колеблющийся черный тюльпан с белым лицом, к рукопожатию мужа приобщала свое благотворно вялое.

Манфреда терзало невысказанное, но настойчивое чувство благодарности за возможность прийти в гости к их сухопарому, почти такому же рослому сыну, который шел перед ним — как ни странно, через ванную — в свою столь же вытянутую, но высокую комнату. В этом всегда полутемном помещении слабо мерцал янтарно-золотой с участками фиолетового свет, так что оно с расположенной посередине, похожей на саркофаг кроватью напоминало гробницу фараона. Экраны двух или трех компьютеров и фиолетовое погребальное освещение нескольких террариумов служили источником загадочного полусвета, в котором оба проводили вместе много часов: пили чай, опробовали компьютерные игры или спорили, как правило сидя рядом на нароподобной кровати, откуда можно было дотянуться почти до всех важных вещей и управлять всеми приборами.

Очень живо Манфред помнит желание немедленно вырваться из гробницы и от ее длиннорукого и длинноногого, бледного, столь же юного, сколь и старчески неловкого фараона (хотя его и пугало затруднительное бегство через длинную, как палка, квартиру), но помнит и самые яркие моменты этих странных разговоров с единственным гением, коего ему когда-либо доводилось знать лично. Аксель страдал заболеванием, характер и название которого Манфред постоянно забывал. (Может, лейкемия, рассеянный склероз, врожденное гормональное нарушение?) Вероятно, этим заболеванием объяснялись мертвенная бледность, высокий рост и поразительная старообразность пятнадцатилетнего, а еще тот факт, что многие их разговоры и занятия были посвящены способам, как забыть о собственном теле или вообще покинуть его. Действие компьютерной игры, с которой часто начинались их встречи, с привлекательной неопределенностью разворачивалось как в будущем, так и в средневековом прошлом, и разработал ее сам Аксель. Ему нравилось жить в каком-нибудь другом времени, и точно так же его завораживали перспективы и возможности действий при совершенно ином устройстве тела, не только при

таком, как у человеков. В его игре можно было выбрать себе в заместители волка, медведя или гигантскую рысь и тем самым устроить кровавую баню сомнительному разбойничьему отребью или злобным космическим солдатам, как снег на голову нагрянувшим в лес из далекого будущего. В трех террариумах у Акселя обитали разные реальные животные (на редкость подавленные, думал Манфред), и, казалось, их часто меняли или превращали одного в другое, так что Манфред никогда точно не понимал, кто шуршит в этих фиолетовых зонах за стеклом — хомяки, мыши, змеи, морские свинки, пауки размером с кулак или черепахи. Один из вопросов, занимавших Акселя, касался возможности поместить человеческий мозг в тело льва, дельфина или орла (то есть гордых, независимых животных), чтобы хотя бы временно испытать их экстаз. Интересно, что ты ощутишь — почувствуешь себя безумно могущественным или, наоборот, совершенно неуклюжим, когда потребуется расправить в полете огромные крылья или пробежаться на четырех лапах, сделать громадный прыжок или перегрызть горло газели?

В качестве предварительного этапа трансплантации сложного мозга в тело какого-нибудь

внушительного животного, пожалуй, лучше всего для начала провести серию опытов с привлечением простых и очень схожих между собой форм жизни, размышлял зевающий Аксель в полутьме своей гробницы, словно воскресший фараон, после чего Манфред опасливо и недоверчиво поглядывал на сидевших в данный момент в террариумах морских свинок и хомячков (совместимы ли?) или на тушканчиков и лягушек (как-никак у них одинаковый способ передвижения). Уж не лежат ли в больничного вида (что наводило на мысль о клинике) плотно закрытом серебряной крышкой кремовом мусорном ведре за последним ящиком, подсвеченным фиолетовым светом, отрезанные головы живых тварей?

Тогда они предпринимали и первые попытки писать впечатляющие программы для голосового общения, слушавшие человеков через ввод данных с клавиатуры и отвечавшие простыми рядами зеленых, как хвоя, букв на темном мониторе. Уже в то время Манфред назвал одну из своих первых попыток «САБИНА 1.0», а бледный пятнадцатилетний старик Аксель окрестил свою версию «АДА», хотя они и не размышляли над ошеломительным сходством обеих женщин, очевидно, потому, что еще его не заметили. Можно

ли было бы говорить о настоящем интеллекте, если бы САБИНА 1.0 или АДА (без номера версии) прошли тест Тьюринга? (Прошел бы его Манфред, если бы его спрятали за шторкой?) Как и следовало ожидать, Аксель предполагал, что программируемый интеллект, чтобы имитировать жизненные установки живого и правдоподобного субъекта, нуждается как минимум в каком-то простом теле (хомяка, крысы, лягушки).

Осмысляя все эти проблемы создания и слияния, Манфред с содроганием задавался вопросом, каким образом гигантские родители Акселя произвели своего сына. Чем обусловлены его странный облик и выдающийся интеллект — их пекарскими навыками или, скорее, хирургическими талантами? В многочисленных кошмарных сновидениях того времени Манфред лихорадочно пробирался через мебель и всякую утварь в расположенных одна за другой комнатах вытянутой квартиры, сбегая от хомяков-мутантов или летучих змей с мозгом лягушки. Он (неизбежно, если хотел попасть к выходу) оказывался в спальне родителей, которую никогда не пересекал, входя в квартиру, но при побеге она постоянно втискивалась между каморкой Акселя и ванной комнатой. Это была то ли лабо-

ратория, то ли пекарня, заставленная мешками с мукой, пробирками, ретортами и мисками для замешивания теста, а на двуспальной кровати, похожей на стол патологоанатома, через которую он поспешно перелезал (жуткая, как у мягкого дрожжевого теста, эластичность матраса!), великаны-родители проводили хирургическую акцию или операцию, которую он, к счастью, в спешке не мог разглядеть отчетливо.

Конечно же, у них обоих были проблемы с женщинами. Если Манфред каждый раз по несколько часов трясся, обменявшись парой слов с еще юной Сабиной, а потом, смирившись, с весьма переменным успехом искал физических контактов с менее симпатичными, но более доступными девчонками (в конце концов, у человеков все к этому всегда и сводится), то Аксель придерживался более глубоких, типовых структур. На торцевой стене его склепа опускались закрепленные на кронштейне то и дело сменяемые полотна. Один раз там можно было видеть изображение семнадцатого века: механическую утку в разрезе, животное, напичканное шестеренками, заклепками, рычагами и петлями кишок из гнутого листового металла, которое часто связывали с Декартом. Вопрос тут заключался в том, можно

ли пробудить животное к жизни, в точности воспроизведя все внутренние органы (Манфред упрямо утверждал, что человеки никогда не будут в состоянии воспроизвести какое-либо биологическое тело, даже одну-единственную клетку). Другой плакат на холсте демонстрировал анатомическое изображение женского тела без головы, набитого каштановыми, голубовато-зеленоватыми и розовыми мерцающими органами (Мы прекрасно видим некоторое сходство с уткой, но спрашиваем себя, нужно ли такое непонятное множество петель кишечника), которое Аксель называл БРИГИТТОЙ — видимо, в честь ученицы из параллельного класса, похожей на уточку. Может, хирурги-пекари, возившиеся в спальне-прозекторской, изготавливали модели по образцам, которые разрабатывал их долговязый бледный сын?

С тех пор как эти воспоминания, заблокированные в черепной коробке Манфреда, в ходе соревнования «CARTESIO» активировались, так что Нам удалось их извлечь и подробно изучить, невидимый Аксель еще больше привлекает Наше внимание. Никто в окружении Манфреда не кажется более подозрительным с точки зрения способности вызвать сигнал. Целью номер один

его делают интеллект и странность, его одержимость идеей проникнуть в искусственные или отличные от обычных тела. Хотя это и за пределами человеческих возможностей, Нас вдобавок до того трогает его сочувствие к запертому в маленький сосуд большому интеллекту, что Мы, подобно орлу, которого вынуждают пребывать в лягушке Манфреде, почти готовы однажды излить ему душу. Вместе с тем Нам не следовало бы забывать, что к выполнению той или иной миссии Нас никто не принуждал. И не случайно в зоне Наших действий вновь объявляется Декарт, пусть даже спародированный вычислительными аппаратами и под наблюдением и руководством Сабины, как дрессированный тюлень. Пока Манфред с ужасом и энтузиазмом еще видит во снах анатомических женщин в пекарнях и вымешивает связанные с Сабиной химеры для своих ночных наваждений, Мы не без грусти вспоминаем Наше самое сложное, но, возможно, и самое прекрасное, многострадальное, чуть было совсем не пошедшее под откос дело.

2

Когда молодой Декарт въехал верхом в заснеженный Ульм, тесным скоплением островерхих

крыш походивший на замерзшее взбаламученное озеро с острыми кромками заледеневших волн, в рот ему влетела одинокая белая снежинка, и он подумал об Иоганне Кеплере и его работе про шестиугольную форму снежинок. Следом ему вспомнилось казавшееся на редкость обиженным фанатичное лицо клинобородого императора Фердинанда, каким он увидел его на коронации у Старой ратуши во Франкфурте два месяца назад, под золотым солнцем сентября. Самый могущественный человек в мире, подумалось ему тогда, похоже, ненавидит этот мир! Но возможно, обманчивым было и то первое впечатление от лица всадника за колеблющимся ограждением из мушкетных стволов и алебард несущих караульную службу солдат, выстроившихся в длинную аллею, вдоль которой подъезжали верхом будущий император и курфюрсты.

Картезий — как Мы любим его называть, поскольку он стоит в одном ряду с великими человеками, имеющими (скорее) однословные имена, как Платон, или Ньютон, или Цумпфнагель (род. в 2067 году в Вене), — был в конечном счете сомневающимся человеком, который учился все меньше доверять даже собственным скороспелым выводам. В его внушительном

мозгу страстное желание знать и познавать боролось с довольно задиристым нравом, сделавшим когда-то хилого ребенка, наполовину сироту, послушного воспитанника могущественной, собирающей тысячу учеников школы иезуитов Ла-Флеш (подобные сооружения, с чередой внутренних дворов и обширными парками, подчас смутно всплывают в Нашей памяти…) сперва солдатом левомольцев, сражавшимся за Морица Нассауского, а затем правомолящимся бойцом на стороне Макса Баварского, кузена того длинноносого императора Фердинанда.

Мы отнюдь не опрометчиво, а абсолютно намеренно говорим о молящихся в разных направлениях и с разной степенью сумасбродства, поскольку относимся к религиозным убеждениям человеков со снисходительным, хотя порой и опасливым безразличием. Цивилизационный уровень планеты определяется не количеством и истовостью ее БОЖ!Жественных теорий, а практическим миролюбием, с которым встречаются друг с другом их приверженцы. А вот с этим-то в век Картезия дело обстояло не очень. Ульмские снежинки, сейчас в вихре пляски тончайшими, как пудра, кристаллами оседая на рукавах его плаща и отворотах перчаток и тая на них, были

похожи на маленькие безымянные человеческие жизни в ледяной вьюге его времени, которое развязало большую войну стран, правителей и религий. Чуть ли не бесконечные битвы и сражения, разруха и опустошения будут сопровождать всю жизнь Декарта, словно зима никогда не заканчивалась.

Как бы обиженный, сверкающий взгляд императора Фердинанда, преследовавший его с той солнечной осени во Франкфурте до утонувшего в снегу Ульма, вероятно, был вызван особыми обстоятельствами. Картезию казалось, что Фердинанд чуть ли не разглядел его страстное желание видеть всё новые дворы правителей, города, страны, после коронации еще одно сражение, а после этого следующее, в других городах и странах. Взгляд Фердинанда упрекал его в пагубном скитальчестве — или, может, в недостатке благочестия, ибо император чувствовал, что изнанкой картезианского авантюризма была склонность не к молитве и штудированию религиозных писаний, а к подозрительному для него мощному абстрактному умствованию в уединении по ту сторону здравого смысла? Нам самим, агентам, уполномоченным Внешнего министерства, следовало бы считать, что невысказанные упреки

императора касаются больше Нас, чем Декарта. В конце концов, это Нам, чтобы укротить опасного мыслителя или занимать его чем-нибудь, не давая приблизиться к ПРАВИЛЬНОЙ МЫСЛИ, не пришло в голову ничего другого, как постоянно заставлять его колебаться между двумя крайностями, которые он считал естественными полюсами своей души. Если он слишком много умствовал, Мы выталкивали его в мир. Если же там ему грозило угодить в дурное общество или даже погибнуть, Мы гнали его назад в рабочий кабинет.

Дело Рене Декарта едва не стоило жизни троим Нашим агентам и потому нуждается в регулярном изучении и осмыслении. В этом смысле Сабина оказала Нам любезность своей симпатией к говорящим машинам (и конкуренции между добивающимися ее поклонниками), поскольку, двигаясь в ганглиях или пещерных коридорах какого-нибудь трудного для понимания дела, Нам стоило бы помнить не только о наших успехах и значительных возможностях, но и о Нашем провале и его причинах. Для Внешнего министерства такие феномены, как Картезий, сложны, ибо они в любом случае ускоряют развитие цивилизации, но не обязательно в направлении

высшей цивилизованности. Его склонность к радикальному мышлению, к глубоким сомнениям, к ниспровержению авторитетов, к ясности и достоверности, разумеется, увеличила шансы человеков соблюсти на одно или два цивилизационных требования больше. Он и ему подобные независимые ученые, которые повсюду в Европе проводили новые, свободные, непредвзятые исследования вне университетских стен и все больше общались посредством писем, рассылавшихся вскоре во все концы, образовали, словно ведущие переписку многомудрые грибы в париках, новый цивилизационный мицелий, сеть мыслителей, охватившую многие страны и обозначившую прогресс и уход от закоснелого деспотического мышления пращуров.

Однако Картезий столь мощно опережал свое время, что уже в отрочестве и юности в иезуитском коллеже Ла-Флеш грозил приблизиться к порталу и тем привлек внимание Внешнего министерства. Когда он, окончив юридический факультет, где учился без особого интереса, молодым девятнадцатилетним мужчиной снял дом в Париже, уединился там, пуская к себе лишь немногих друзей-математиков, а остальным, чтобы не мешали ему спокойно заниматься ис-

следованиями, объявив, что надолго уезжает к отцу в Бретань, министерство забросило в мозг одного молодого косоглазого алгебраиста своего агента! МхОррг!ха. Тот убедил Картезия, что в двадцать первый день рождения он должен проявить себя мужчиной и отправиться на военную службу.

Поскольку в его родной стране после ужасающих массовых убийств левомольцев только что взяли верх правомольцы, но вполне возможным представлялось возобновление братоубийственной войны, которую Картезий считал отвратительной,!МхОррг!х соблазнил его отправиться в Нидерланды, чтобы там, как и многие другие молодые европейские дворяне, пройти военную подготовку у знаменитого полководца, старого рубаки и наместника Морица Оранского. Учитывая особую силу картезианского интеллекта, было разрешено применить довольно рискованную технику подручной лошади, при которой агент может пользоваться в качестве ездовой лошади кем-то еще, кроме того, кто является основной целью (мимо каковой при первоначальном наведении, конечно, тоже можно промахнуться и приземлиться в натуральном Манфреде).!МхОррг!х начал с упомянутого ко-

соглазого алгебраиста, но, едва оба молодых француза прибыли в нидерландскую Бреду, самонадеянно пересел на Декарта… Спустя один день по календарю человеков его дух без сознания и почти без признаков жизни парил в туннеле! Такое ощущение, будто! МхОррг!х, чтобы помешать Картезию прийти к ПРАВИЛЬНОЙ МЫСЛИ, задумал, можно сказать, самоубийственную попытку погубить его на военных маневрах (прыжок на (обычной, реальной) лошади через пушку или что-то в этом роде). Однако Декарт прыгать не стал, а вместо этого погубил самого! МхОррг!а.

На замену в Бреду послали Ысстх! опытную агентку с большим стажем, разрешив и ей использовать технику подручной лошади. Вначале она взяла в качестве ездовой лошади соседа, ожидая удобного случая перескочить на основного клиента. Она быстро поняла, что опасность приблизиться к ПРАВИЛЬНОЙ МЫСЛИ у Декарта вероятнее всего, когда он слишком уж предается своим излюбленным размышлениям в одиночестве. Следовательно, ее интересовали разные развлечения, она одобрительно наблюдала за ним, когда он совершенствовался в искусстве фехтования и рассчитывал траекторию полета пушечного ядра, и обнаружила, что он, будучи

совсем еще юным удалым южанином, на променаде вдоль каналов привлекал внимание то одной, то другой бледной бюргерской дочери и удостаивался невинно-беззастенчивого взгляда голубых глаз. Поскольку последствия раннего брака или даже запретной любовной связи просчитать было трудно, Ысстх! подумывала завлечь Декарта в какой-нибудь профессиональный дом греха под красным фонарем. Она была способна на такое в силу образа мыслей и отчасти из-за общей технобиоматематической склонности к многомерной сексуальности. Увы, это вряд ли можно выразить в понятиях человеков, хотя даже там устанавливается, похоже, (внизу) некое простое многообразие с валентностями, к которому примерно со времен Манфреда относятся более-менее терпимо. Естественно, сравнивать яркую, опасную, хитрую повадку Ысстх! с базовыми качествами земных женщин и говорить об «агентке» так же нелепо, как называть Нас, Цорргха, просто «мужчиной», забывая, что такое Мужж! Чины. Точнее было бы отнести ее к виду женских особей, имея в виду как солидные, так и эксцентричные свойства многочисленных земных существ женского рода, от львицы до самки паука-птицееда, от оленихи до гадюки,

чем приписывать ей человеческую женственность, тем более что ее настоящее многомерное тело Нам неведомо. Даже если Мы назовем ее жэн!шщщ!иной, это будет лишь примитивным приближением к трудноопределимому виду ее половой принадлежности, грубыми очертаниями чего-то необычайно многообразного — как простая тень от чудесных часов со множеством хитростей или всего лишь вырезанный из черной бумаги силуэт особого человеческого существа уровня Декарта, который сейчас вызывал подозрения и необходимость им заняться.

Вместо того чтобы сделать его постоянным клиентом в доме с красным фонарем и так, грубой чувственностью, удержать его дух от опасного взлета, Ысстх! нашла более изящный способ, столкнув его на прогулке вдоль канала с неким Исааком Бекманом, в котором прочно угнездилась заранее. После того как Картезий извинился по-французски и по-латыни и забавно объяснил, мол, он, как недавний солдат, столь рассеян, потому что его занимает одна математическая проблема, Исаак, известный лекарь и естествоиспытатель на несколько лет старше его, развеселившись, завязал с дерзким наемником разговор на языке древних римлян (или на том,

который они считали таковым, — тут Мы качаем головами старика Цицерона и Нашего особого друга Сенеки, коего Ысстх! столь элегантно действовавшая в Бреде, наделила поистине ужасной кончиной!). Вскоре Исаак и Декарт вступили в диспут по физике и арифметике, продолжавшийся все два года, что Наш французский клиент провел на службе и в обучении у воинственного Морица.

Между напряженными военными учениями и страстным обсуждением основ физики и математики лишь очень редко приходилось опасаться, что Картезий предается неподобающим мыслям, от которых его следовало бы отвлекать в борделях. Только в один из зимних месяцев, когда в хорошо натопленной комнате и проявилась однажды опасность досужих картезианских умозрительных рассуждений, он в своих абсурдных фантазиях быстро приблизился к критической области портала. Как бы отвратительно Ысстх! ни поступила в деле Сенеки (как можно позволить себе еще и задушить и так уже отравившегося клиента!), ей вновь удался замечательно ловкий прием: она внушила Картезию идею вместе с Исааком посетить концерт в бело-золотом великолепии церкви Гроте-Керк. Исполненная

шестью музыкантами на духовых инструментах соната Джованни Габриели до того взволновала его, что он принялся писать обширный трактат о соотношении чисел в музыке. Как Ысстх! теперь вновь могла спокойно шагать по Бреде в мозгу Исаака, пока Декарт размышлял над соотношением музыкальных интервалов, так и Мы в затхлом черепе Манфреда можем подумать о Наших днях в Бреде, о том времени, которое Мы провели с Нашим именитым другом Иеронимом. Более чем на столетие раньше (по монотонному летоисчислению человеков) Мы приехали сюда с живописцем из расположенного неподалеку Хертогенбоса, чтобы доставить предку Морица тот вариант «Сада земных наслаждений», каковой представитель Оранской династии заказал, а затем уничтожил во хмелю (почему Мы и смогли теперь взять картину из запасников и временно вывесить в гостиной Манфреда).

Однако, едва закончив трактат о музыке, Картезий опять впал в пресловутое состояние глубокой задумчивости и неотвратимо приближался к ПРАВИЛЬНОЙ МЫСЛИ. Ысстх! поняла, что его нужно отвлечь еще сильнее, и удержала контролируемого ею Исаака на несколько дней дома якобы по болезни, так что Наш мыслитель вновь

обратился к занятиям военным (как доброволец он мог присоединяться к учениям или настоящему военному походу либо уклоняться от них по собственному усмотрению). К сожалению, конфликт между нидерландскими верующими, которых, кажется, подразделяли на левых левомольцев (арминиан) и правых левомольцев (контрремонстрантов или гомаристов), в те дни обострился настолько, что никоим образом не соблюдалось

Четвертое цивилизационное требование:

Отказ от любых военных действий между большими группами, организациями или государственными структурами. Непременно мирное разрешение всех коллективных конфликтов, которые используются примитивными цивилизациями как предлог для всплесков насилия.

Если поначалу Картезий еще восхищался рыжебородым полководцем за его тактические новшества, вклад в науку ведения войны, склонность к практической математике и инженерным наукам, то теперь Мориц ужасал его беспощадностью, с которой выгонял арминиан с занимаемых ими постов, преследовал, приказывал бросать в темницы, пытать и казнить. Картезий видел, как левые левомольцы томятся в застенках и

болтаются на виселицах и как их головы катятся с плах, и поклялся себе в великом театре жизни с этого момента оставаться только зрителем: «Nulle part comme acteur, part tout comme spectateur!»

Если бы Ысстх! действовала в том же духе, она бы осталась в удобном мозгу Исаака Бекмана или подыскала себе какое-то другое ездовое животное, чтобы безопасно сопровождать Декарта в Германию. Ввиду жестокой религиозной борьбы левомольцев тот решил покинуть Нидерланды и посмотреть, как самый весомый из всех правомольцев будет избран во Франкфурте-на-Майне императором Священной Римской империи немецкой нации. Ысстх! доверяла своему опыту и собиралась быть действующим лицом *(acteur)* в голове Картезия. В этом мозгу, отвлеченном и занятом путешествием, ей удалось беспрепятственно добраться почти до стен Франкфурта, но там, в одном трактире под Хомбургом, в окружении яблонь, с ней, судя по всему, каким-то непонятным образом повторилась неудача! МхОрр!гха. Ее тоже нашли дрейфующей вверх по туннелю без сознания, выловили и теперь уже ввели в игру Нас, Цорргха.

3

Предаваясь размышлениям о Картезии, Мы, конечно, запросто рискуем упустить из виду Манфредия, точнее, его жалкие проблемы, к которым тем не менее нельзя относиться равнодушно, коль скоро Мы хотим держать Нашего клиента в состоянии, пригодном к эксплуатации. Когда через два дня после обильного, прежде всего что касается возлияний, застолья в семействе Донателлы в дверь Манфреда позвонили, Наше ездовое животное по-прежнему пребывало в состоянии подавленной страстности или эротической депрессии. И вот синьора Донателла, похоже, вознамерилась рассеять ее теперь, средь бела дня, когда ей полагалось терпеть пиликанье учеников. Ее легкое пальто уже распахнулось, подобно лопающемуся стручку, в области шеи и груди, чтобы обнажить блестящие выпуклости одной из ее шелковых блуз телесного цвета, а в руках она держала, как жертвоприношение, деревенского вида плетеную корзину, вероятно из ее родных мест. В самом низу в корзине лежали коричневые полуботинки, оставленные Манфредом у дивана в гостиной при побеге ранним утром. На них, аккуратно сложенные, покоились

его зимнее пальто и цвета морской волны пиджак, в котором образовалась прекрасной формы впадина, негатив мерцающей красным и соломенно-золотым бутылки БОЖ!ЖЕССТВЕННОГО стрегацотти.

Тут Мы вынуждены признать, что дали слабину, поскольку этот ведьминский ликер в семейном кругу Донателлы улучшил Наше настроение в масштабах, вряд ли достижимых даже тремя ведерками мятного ликера. Таким образом преподавательница скрипки, тяжело дыша, запросто добралась до *living room*, где перед работами Иеронима сбросила одежду (пальто) и поставила корзину, затем до кухни, где вновь полюбовалась смолками Ван Гога, гармонирующими с основными цветами ее божественного подношения — яркой маково-алой надписью на этикетке и великолепно нуминозным нежно-желтым цветом напитка, и, наконец, до *dormitoire*[26], где Манфред собирался ей что-то показать, прежде всего хотя бы скрытую до сих пор от всего мира, почивающую нагой служанку Вермеера.

Поскольку синьора Донателла, по-прежнему тяжело дыша, теперь с вызовом повернулась к

---

[26] Примечания: 26

Помещение в средневековом монастыре, где монахи спали вместе; здесь: спальня *(фр.)*.

Манфреду, очевидно вдохновленная или еще сильнее подогретая беломраморными изгибами фигуры на картине, Нам пришлось обратиться к Малой Лупе Времени, чтобы быстро осмыслить ситуацию или, точнее говоря, последствия ситуации (Мы ведь по-прежнему зависим от инертной аппаратной части мозга Манфреда). Животным удовлетворением Манфреда, с одной стороны, не следует пренебрегать, так как его депрессия на почве проблем в половой жизни все больше грозила стать помехой, если вообще не разрушительной силой. С другой стороны — неясные последствия, каковые могут возникнуть вследствие соития с матерью четверых детей, чьи имена уже начинаются на «Ф», или даже ее оплодотворения (откуда же брать пятое пристойное имя на ту же букву?). Чего доброго, скоро они вместе с ругающимся и причитающим горняком Эрнстом будут носиться по *living room*, будто каким-то демоническим образом сошли с картин Босха! Риск представлялся Нам все же слишком большим! То, что он собирался показать Донателле, должно было мгновенно ее отрезвить, обезоружить, обезвредить, налитые буфера нужно было превратить в растроганные сиськи, мокрое возбуждение — во влагу от избытка

чувств. И тогда — по неведению в приподнятом настроении, словно лезет рукой в волшебную суму, полную эротических инструментов, — Манфред запустил ее в пасть запасников, которую Мы мигом отверзли в шкафу в его спальне, и вытащил оттуда нечто, за считаные секунды преобразившее вибрирующий от возбуждения корпус виолы в рыдающую скрипку материнского тела.

— Этот инструмент, — сказал Манфред (казалось бы, благоговейно, а по большому счету растерянно, поскольку никогда не заподозрил бы у себя в шкафу ничего подобного), — находится во владении моей семьи уже триста лет. У меня рука не поднималась продать его, и уступать его кому-то мне не хотелось. Но, услышав, как играет твоя дочь Франческа, я вдруг понял, кому с радостью ее одолжил бы в надежные, потрясающе талантливые руки на ближайшие пять лет.

Он бережно вытащил из абсолютно неизвестных ему глубин платяного шкафа старинный скрипичный футляр, обтянутый табачного цвета тосканской кожей, и раскрыл его. Безупречность покрытой темно-красным лаком скрипки испугала и восхитила Донателлу до такой степени, что она и сама не заметила, как быстро ее почти

преступная страсть сублимировалась в мелодичное облако профессионального благоговения и материнской радости. Манфреду потребовалось еще четверть часа (теперь уже опять в *living room*, с бокалом воды и возвращающим к реальности эспрессо), чтобы убедить Донателлу принять драгоценный экспонат во временное пользование. Ему пришлось трижды подробно объяснять, что у него есть все необходимые страховки и что преступно обрекать такой инструмент на немоту как чисто коллекционную вещь. В конце концов он сумел подвигнуть Донателлу убедиться, что скрипка самым поразительным образом идеально настроена, и взять несколько нот, а затем осторожно и выразительно сыграть первые такты ноктюрна Шопена до-диез минор и внезапно еще начало партиты Баха (№ 3 ми мажор), прозвучавшей с такой лучезарной энергией, что она едва не отбросила инструмент от испуга.

— Чудесно! — воскликнул Манфред, как бы подхватывая возбужденную скрипку, чтобы вновь упокоить ее в футляре.

По его заверениям, хотя она и звучит столь идеально, будто вышла прямиком из чердачной мастерской кремонского мастера и еще не была в употреблении, но сделал ее всего лишь

один из учеников его старшего сына Франческо. Франческа (какая изящная коинциденция!) с ее выдающимся талантом не посрамит репутацию инструмента, раскрывая его возможности и достигая с его помощью творческой зрелости. И он, Манфред, нисколько не сомневается, что скоро наверняка получит приглашение на первый концерт, и безмерно этому рад. Мы тоже, признаться, с нетерпением ждали возможности услышать, как Франческа играет на этом переданном ей во временное пользование инструменте из Наших запасников. Не будь у человеков таких неконтролируемых крайностей в виде всевозможных талантов, Внешнее министерство не тратило бы на них столько сил!

4

Задаваясь вопросом, как обычный клиент, стандартное ездовое животное, которое Мы чаще всего оседлываем лишь из-за неточности определения позиции (за исключением тех случаев, когда рекомендована техника использования подручной лошади, как в деле Декарта), оправдывает для себя появление таких чудесных даров, как Ван Гог на кухне или Страдивари в платяном шкафу, Мы можем лишь сослаться на порази-

тельную способность человеков практически безоговорочно принимать абсурд со знаком плюс. Попасть в рай они готовы всегда. Любое злоключение заставляет их сомневаться в логике Вселенной, любой парадоксальный удачный случай они воспринимают как нормальность, которую наверняка можно как-то объяснить.

После того как Манфред столь элегантно распрощался с Донателлой, воззвав к ее глубинному материнскому инстинкту и вручив в надежные руки чудо-инструмент, в нем опять пробудилась неотвязная половая грусть. Так, внутри у него что-то оборвалось, когда в подземном гараже своего элитно-элегантного дома он увидел, как две абсолютно заурядные дамы, одетые явно в расчете на дешевый эффект, садятся в старомодный английский спортивный автомобиль с откидным верхом. Та, что втискивалась за руль, щеголяла блестящими черными-пречерными волосами в завитушках, как у пуделя, спадавшими почти до пупка, то есть до четвертой пуговицы ее такого же черного кожаного пальто, а дама, собиравшаяся занять пассажирское место рядом, ввиду большей полноты была вынуждена ужиматься еще сильнее, пытаясь ослеплять нереально идеальной, похожей на парик прической в цвете

серебристый блонд. На ней было пальто из шерсти животных, и выглядела она в нем сейчас на редкость злобно.

Мы принудили Манфреда сделать легкое, независимое, похожее на кивок движение головой, а сверкающий «ферруччи» нажатием кнопки — мигнуть и дать гудок, точь-в-точь радостно приветствующий взмахом хвоста пес.

Хотя леди в спортивной машине теперь улыбались ему в неуемном восторге, а та, с кудряшками пуделя, даже подняла руку от руля, чтобы ему помахать, на душе у Манфреда светлее не стало. Похоже, он не верил, что когда-нибудь сможет урвать у этих сомнительных дам нечто большее, чем улыбку. И все же в его мужской печали проблескивала надежда, а именно предстоящее этим вечером занятие на курсах разговорного французского. Разве не мог он после как-никак сенсационной победы в соревновании «CARTESIO» рассчитывать на появление Сабины, что бы там ни возражал против этого Рональд? Мы уже позволили «ферруччи» бодро взреветь.

Однако до следующей встречи прошло более четверти земного года. Похоже, Внешнее министерство внезапно не нашло оснований для спешки, как и давняя школьная подруга. Когда

Мы вернулись после отрадного, но совершенно не запомнившегося отпуска на родных просторах (так, будто Мы старательно фотографировали, но при просмотре снимков, которого ожидали с радостным предвкушением, не увидели ничего, кроме серии процессов стирания памяти, стремительной и полной обкладки или заклейки памяти ослепительно-белыми прямоугольниками ослепления), в городе Р., как всегда, мало что изменилось. Во всяком случае, неизменной казалась половая грусть Манфреда. Он ни на шаг не сблизился ни с Донателлой, ни с леди из подземного гаража. И, несмотря на обретенное богатство и постоянно растущие акции, манипулировал своим крохоткой по-прежнему в полном одиночестве. Вернулись некоторые вредные привычки; к примеру, он стал перекидываться в картишки и вливать в себя сваренную из хмеля бурду в компании старых знакомых, неумеренно потреблять телевидение и читать до неприличия глупые развлекательные романы. И все же физически он не опустился и продолжал каждую неделю ходить на курсы французского, надеясь, что вдруг свободное место рядом вновь займет та, кто идеально для него подходит.

Когда Сабина действительно вновь появилась

на вечерних курсах, она вела себя как ни в чем не бывало. И вмешательства супруга она, похоже, ничуть не боялась. Даже проявила готовность — собственно, сама напомнила Манфреду о его предложении выпить с ним по коктейлю. И вот они очутились в кафе, уже вовсю украшенном к *Christmas*[27], и чокались дымящейся чайной бурдой (хотя при мысли о лакомом гостинце Донателлы Мы ощущали сильное желание побудить Манфреда заказать стрегацотти), поскольку оба приехали на машинах. По сравнению с леди из подземного гаража, взявшими за обыкновение радостно махать ему, ни разу не обменявшись с ним ни словом, сдержанно-гордая Адина манера Сабины очаровывала, и Мы не могли пенять Манфреду на то, что он, страдая, уставился в свой *Peppermint*[28], в то время как его давняя школьная подруга, казалось, была к нему крайне благосклонна. Она ругала преподавательницу французского, *cette vieille rombière*![29] По случаю возвращения Сабины на занятии еще раз вспом-

---

[27] Примечания: 27
Рождество *(англ.)*.

[28] Примечания: 28
Имеется в виду травяной чай из листьев перечной мяты *(англ.)*.

[29] Примечания: 29
Эта старая грымза *(фр.)*.

нили философа Декарта. Его представили как высокозначимого, но бесчувственного, механистического мыслителя-атеиста, для которого, например, животное — пожилая мадам Ритмюллер наверняка думала при этом о своей собачке чихуахуа — не более чем (производящая много шума, прямо-таки бесконечно испражняющаяся, по сути лишняя) машина (ну то есть то, чем Нашим кажется большинство человеков). Манфред же, как отметила Сабина, убедительно, на своем уже блестящем французском детально объяснил, что Декарт никоим образом не ставил под сомнение существование БХОГ!ГА и доказывал его несколькими способами. Сильным аргументом Манфреда, по мнению Сабины, было и то, что, пожалуй, нельзя говорить о бесчувственности философа, который столь основательно высказывался о страстях души, а еще ее восхитило, что вдобавок (тут даже хозяйка собачки порадовалась) в ответ на упрек, будто мыслитель видел в четвероногих только *bêtes-machines*[30], Манфред процитировал письмо Картезия маркизу Ньюкаслу, где философ выразил убеждение, что животные очень даже могут испытывать страх,

---

[30] Примечания: 30
Животные-машины *(фр.)*.

надежду и боль.

— Это меня по-настоящему растрогало, — призналась Сабина, рассеянно перебирая пряди своих волос. — Как и то, что летом во время вашего соревнования твой CARTESIO-два говорил о теле и душе. Я не забыла: птица в небе без почвы… Или «Я» как мост между телом и мыслями…

Манфред не то чтобы очень хорошо помнил возвышенные высказывания спрограммированного им несколько месяцев назад персонажа, а потому лишь многозначительно и польщенно улыбнулся.

— Никогда бы не подумала, что ты способен так философствовать. И Аксель не рассчитывал, что ты вдруг победишь его как программист.

Манфред старался выглядеть скромным и лишь мельком заглядывать в райские просветы, которые открывались перед ним, приводя в замешательство. Ситуация с ним казалась безнадежной, и вскоре, похоже, Мы будем вынуждены тем или иным способом либо вывести его из игры, либо удовлетворить.

— По-твоему, Декарт допускал, что разум может существовать без тела? То есть что можно сбросить свое тело и после этого все-таки остаться самим собой?

— Ну… — раздалось кряхтенье из Манфредова нутра, которое было занято прежде всего тем, чтобы не потеряться в сидящих напротив волнах (водопад черных волос) и округлостях (вздымание и опускание теплого жакета из болотно-зеленой шерсти поверх белоснежной блузки, своего рода солнечный снежный день на Крайнем Севере). — Ну, должно быть, он предполагал, — заставили Мы его произнести, — что тело и разум независимы, иначе было бы не сохранить бессмертие души.

— В общем, оба вы — Аксель и ты — попытались создать разум из металлической коробки, машины, компьютерной программы. Это говорит о том, что вы, по сути, того же мнения.

— Ты хочешь сказать, мы считали, что сознанию не требуется человеческого тела или хотя бы тела животного происхождения.

— Да, я хочу сказать, вы все же пытаетесь это сделать. Но я плохо себе это представляю.

— Машина не может создать разум… возможно, так и есть. Это возражение Лавлейс, аргумент Ады, — констатировал Манфред, не удивив Сабину упоминанием ее исторического прообраза.

— По сути, оба вы, значит, своего рода мошенники.

— Попрошу выбирать выражения — фокусники-иллюзионисты, — с поразительным чувством собственного достоинства высказался в свою защиту Манфред. — Кроме того, мы создаем хотя и не человеческий разум, но вполне в некотором роде интеллект, и одно другому не противоречит.

Пока он не продолжил философствовать, Мы переключили его внимание на основную задачу, на вопрос, мучающий Нас и в высшей степени касающийся Нашей миссии. Каким же образом Сабина поддерживает сейчас контакт с Акселем? Встречается с ним лично и знает, где он находится? Он спрашивает с таким любопытством, поскольку его давний школьный друг уже больше десяти лет объявляется только на соревнованиях по программированию, всегда летом, в один и тот же день (значение которого неясно) и всегда только в электронном виде, имматериально и без указания отправителя, будто он призрак.

Сабина словно ожидала такого любопытства. Во-первых, она сразу хотела отметить: они — она и супруг Рональд — тоже много лет поддерживают контакт с Акселем, круглый год активно и продуктивно общаются, но это не означает, что они встречаются с ним лично. Тем не ме-

нее они могут связаться с нелюдимым гением в любое время, и поэтому она знает, что Аксель чрезвычайно удивлен победой Манфреда в соревновании «CARTESIO» и, в конце концов, даже рад этому. Разумеется, ему потребовалось время, чтобы смириться с поражением. Но Сабина не сомневалась, что в ближайшем будущем он даст знать о себе Манфреду. Чтобы вновь сблизиться, она хотела бы сейчас совершенно официально и от всего сердца, и от имени Рональда тоже, пригласить Манфреда на большой праздник, предрождественскую вечеринку, которую они устраивают в начале декабря на вилле «Матильда», в своей здешней резиденции.

Разумеется, Манфред тут же услышал, как принимает приглашение, поскольку Нам хотелось наконец понять, что именно связывает парочку миллионеров, блюстителей всевозможной чистоты, с робким Акселем.

— Ада полагала, что большая машина Бэббиджа будет способна на гораздо большее, чем просто считать, — например, писать тексты или сочинять музыку, — но никогда не создаст собственный разум, — вновь принялась размышлять Сабина, когда они уже вышли из кафе и шагали к парковке у школы, куда ходили на вечерние

курсы. — Пожалуй, в наше время это показалось бы консервативной идеей.

Манфред лишь с умным видом кивнул и в смущении нажал на ключ от машины, на что его «ферруччи» привычно изобразил в электронном виде виляние хвостом.

— Господи, это твоя машина? — С отсутствующим видом, словно ее софт на секунду завис, Сабина уставилась на блеснувший в свете уличного фонаря перечно-красный металл машины Манфреда. — Что же такое с тобой делается?

— Я… не знаю. Наверное, становлюсь старше — и все больше схожу с ума, — вымолвил Манфред и, поскольку Мы вынудили его удалиться единственным еще возможным стильным образом (быстро махнуть давней школьной подруге рукой, сесть в металлическую летучую мышь и с шумом умчаться после идеально произведенного на автомате маневра по выезду с парковки), успел-таки произвести на Сабину определенное впечатление. Как же Нам объяснить ему, что внимание человеческих женщин типа Сабины привлекает не раболепное рвение, а странные и непредсказуемые маневры истинно вольного духа?!

На обратном пути Мы позволили себе немного

поразмышлять о проблемах физики сознания, а также ненадолго предались воспоминаниям о Картезии в беззаботные времена его путешествия из Нидерландов во Франкфурт, но вновь в испуге очнулись и были вынуждены корректировать безумные действия Манфреда за рулем. Не то чтобы на этот раз он сознательно планировал врезаться на своем болиде в каменную стену или какое-нибудь ни в чем не повинное дерево. Но глубокая меланхолия то и дело грозила выбить его из колеи, словно он в какой-то мере хотел нечаянно покончить с собой или как минимум сильно покалечиться. Следовало убрать из его жизни нереальную машину и привлечь в нее реальных женщин!

Удобный случай представился уже в этот зимний день, при въезде в подземный гараж его дома. Там прямо на Нас в своем спортивном автомобиле катили обе сомнительные красотки (курчавый пуделек и вздыбленная феном серебристо-блондинистая копна). Мы знали, что делать. Легкое нажатие на педаль газа, а затем резкий поворот руля заставили «ферруччи» совершить небольшой прыжок пантеры, из которого он вышел невредимым, в то время как курчавый пуделек, испугавшись, но проявив мгновенную реакцию

и незаурядный альтруизм, грохнула свое транспортное средство о бетонный столб.

5

Пока пострадавшие в аварии еще пребывают в некотором шоке, Мы позволим себе мысленно вернуться к франкфуртскому путешествию Картезия. Трагическая неудача Ысстх! из-за которой она оказалась в соединительном туннеле, послужила Нам предупреждением. Вряд ли кто-нибудь слышал прежде о провале сразу двух опытных агентов. В стране Индия, по слухам, подобные вычихи или экскоммуникации время от времени случались вследствие примечательных, но таинственных духовных ритуалов. На европейской же земле дела складывались скорее по-манфредовски. В любом случае по соображениям безопасности разрешалась техника подручной лошади. Мы вступили в дело на хомбургском постоялом дворе, где перед этим поселился Картезий. Учитывая неизбежную физико-математическую неточность (Мы могли лишь *исключить*, что высадимся непосредственно в Декарте), приходилось полагаться на случай, но Нам крупно повезло, поскольку в качестве первого ездового животного попался Рожье Шевиньяр

де Шавиньи, французский дипломат, остановившийся в том же этаблисмане, что и Картезий.

С молодым мыслителем, который наконец-то с наслаждением вновь парлекал на родном языке, быстро завязалась дружба. На время коронации императора городские ворота Франкфурта запрут и будут строго контролировать. Однако в результате пустякового изменения документов Рожье приглашение на участие в празднествах вдруг оказалось на шесть персон, и юного симпатичного земляка без колебаний включили в компанию, состоявшую из посла Рожье, его супруги Элеоноры Альбертины, его лейб-медика и теперь уже не двух, а трех телохранителей.

Радость от предвкушения возможности стать свидетелем важного политического события, грандиозного, привлекающего международное внимание ритуального возвеличивания одного из человеков была у юного Картезия столь велика, что у Нас возникло искушение сменить лошадь, пересесть на самого клиента, поскольку в таком возбужденном состоянии он вряд ли заметил бы, как на него набрасывают чепрак. За франкфуртской коронацией последуют празднества и увеселения. Если даже Нас яркие видения мастера Иеронима заставляли

мечтать о Красшгатхоре, Мы могли надеяться, что до и после коронации будет совсем не сложно сбить Картезия с ложного пути (к ПРАВИЛЬНОЙ МЫСЛИ), подталкивая к другим увеселениям его все более чувственного, все более роскошного, наливающегося силой и сиянием, изменчивого и предающегося наслаждениям, остро мыслящего и вычурно фантазирующего кичливо-великолепного века, вставлявшего свои филигранные часовые механизмы в те же волнистые оправы, какими он обрамлял все более откровенные декольте своих придворных дам, правительниц и фавориток. Во всяком случае, Нам это столетие человеков под конец нравится все больше. Мы даже подозреваем, что у Нас на родине есть, должно быть, целые планеты, которые сделали выбор в пользу барочной цивилизации. Там навещают друг друга в космических кораблях в виде золотых карет и могут оплодотворяться в разнообразных измерениях под мощно вибрирующую полифонию музыки сфер. Встреться Мы как-нибудь с Ысстх! там, в подобном барочном межпланетном мире, сады наслаждений не знали бы границ.

Разумеется — и Картезий вскоре тоже отметил это с легким разочарованием, — кровавое начало

этого столетия не сравнить с его напыщенным окончанием, франкфуртская Старая ратуша — не Лувр, а дома бюргеров на берегу Майна определенно не походили на дворцы и роскошные здания на набережных Сены. Тем не менее на площади Рёмерберг уже собралась громадная толпа человеков; впечатляло и то, как в соответствии с церемонией верхом подъезжали курфюрсты и всякие благородные господа и наконец сам кайзер под золотым балдахином с бахромой, перед тем как спешиться и направиться к собору. До юного Картезия лишь приглушенно доносились песнопения, узкая кайма ковра из сакральных звуков, маленьким клочком выступавшего на переполненную беспокойными массами площадь из островерхой церкви цвета говяжьего мяса. Мы, Цорргх, по-прежнему использовали в качестве ездовой лошади графа Рожье Шевиньяра де Шавиньи, не получившего, к сожалению, места среди почетных гостей в соборе. Однако и Мы подумывали взойти на подлинный трон, то есть в мозг Картезия, совершенно так, как длинноносый Фердинанд теперь в церкви, свежепомазанный и в коронационном облачении, со скипетром в правой руке и державой в левой, взобрался на место Карла Великого.

Церемония в соборе со всеми песнопениями, ритуалами, торжественным произнесением клятвенных формул и заявлений длилась почти два часа (Мы же заняли бы церебральную наблюдательную вышку в два счета), а в это время на площади Рёмерберг на глазах у еле сдерживаемой стражниками толпы проводились всевозможные приготовления. Насыпали гору овса, из которой позднее курфюрст Саксонии должен будет зачерпнуть символическое ведро для лошадей императора. Проверили надстройку Фонтана Правосудия, искусственную скалу под статуей Юстиции: с утесов этой скалы две львиных головы и двуглавый орел должны будут извергать красное и белое вино. Разожгли уже и огонь под массивным вертелом, который крутили четверо мужчин, а на вертеле — целый бык, чья выпотрошенная грудь по традиции была начинена разделанным оленем, разрубленной пополам свиньей, частями теленка и разнообразной ощипанной дичью. Мы не припоминаем подобных инаугурационных празднеств власти на Наших родных планетах, наверняка из-за ослепления, устранение коего поставило бы под угрозу Нашу миссию, вызвав парализующую меланхолию и тоску по родине, но, видимо, еще

и потому, что правительственными делами (Т!ХАМ!) вершит гораздо более разумная, многоголовая и более уравновешенная структура, чтобы гарантировать стабильное соблюдение десяти цивилизационных требований. Когда Мы думаем о политической обстановке на родине, на ум приходит смутная мысль о множестве С!ХОВЕТХОВ! а в ушах звучит тихое мурчание мощного БХОЛЬ!ШШОГО! УПРХАВляюХ!ЩЕГО АВТХО!МАТХА! (с большой долей вероятности это всего лишь артефакты ослепления).

Странная угрюмость свежепомазанного (священники нанесли на него сквозь прорези в одеянии благовонную мазь) и коронованного императора наблюдалась и когда он в полном облачении вышел из собора.

— Ему портит настроение мысль о пфальцском курфюрсте, — предположил дипломат Рожье. — Тот должен был теперь по традиции принести для императора в трапезную кусок жареного быка, так же как королю Богемии полагалось наполнить вином у фонтана серебряный кубок и поднести его новому правителю в Старой ратуше. Но поскольку курфюрст сейчас сам произвел себя в короли Богемии и дерзко остался в Праге, скоро, видимо, фонтанировать будет его горло,

мой дорогой Декарт!

Точно ли Фердинанд пошлет войска в Прагу против левомольных сословий Богемии, осведомился юный Картезий у опытного шестидесятилетнего дипломата, сухопарой фигуре которого белая шляпа с пером и красный плащ придавали больше апломба, хотя он едва ли выдерживал сравнение со своей высокой, сильной супругой Элеонорой Альбертиной, моложе его на двадцать лет. Мужчины жадно смотрели вслед этой роскошной женщине, а женщины, мимо которых она проходила, замолкали и быстро оглядывали ее от головы под капюшоном плаща до усеянных пряжками парижских сапожков.

— После дефенестрации в мае прошлого года богемские сословия взяты на прицел, — объяснил Рожье.

По его словам, эти левомольные строптивцы бросили Габсбургам перчатку, выкинув троих самых высокопоставленных кайзеровских дипломатов из окна Пражского Града в заболоченный ров. Теперь, когда коронация наконец состоялась, все предвещает войну. Верит ли и он, молодой ученый, размышляющий о природе и звездах, в зловещее предзнаменование, коим послужило появление прошлой зимой в небе

большой кометы?

— Говорят, у нее был огромный хвост, — заверила Элеонора Альбертина из-под струящейся оболочки фиолетового плаща.

При этом она бросила на молодого ученого столь многозначительный взгляд карих глаз, что Мы ожидали бурной реакции ее супруга. Однако же в его осеннем сознании Мы ощутили только нечто вроде слабого движения волн, словно поверхность пруда у замка его души тронуло легкое дуновение ветра.

Пока Картезий, держа в поле зрения все сгущавшуюся толпу знатных особ, горожан, стражи и солдат, объяснял, что не видит оснований связывать движения небесных тел с человеческими судьбами, покуда эта взаимосвязь не вскроется абсолютно ясно и определенно, Элеонора Альбертина наблюдала за ним так внимательно, что почти не заметила, как для императора зачерпнули овес, взрезали быка и наполнили серебряный кубок. Декарт сослался и на то, что прошлой зимой своими глазами следил за якобы предвещавшей несчастье кометой в телескоп — в Лейдене, у математика Снеллиуса, который благодаря многолетней учебе в Париже говорил с ним на блестящем французском.

В то время как пожилой Шевиньяр де Шавиньи, потеряв интерес к небесным телам, уделял все внимание сутолоке на площади у Старой ратуши (лейб-медик и один из охранников бесследно растворились в ней), Элеонора Альбертина по-прежнему не сводила карих глаз с Картезия. Он рассказывал, что Снеллиус дружен и с великим астрономом Кеплером.

— Иоганн Кеплер, о да, — сказала статная графиня, слегка кивнув, так что из-под капюшона выбилась прядь золотых волос и соблазнительно упала ей на круглую щеку. — Дельный математик. Квадраты периодов обращения планет вокруг Солнца соотносятся как кубы больших полуосей их эллиптических орбит. Меня всегда поражает, сколько усилий вы, мужчины, прилагаете, чтобы со всей точностью знать о вещах, которые вовсе не в состоянии изменить. По-моему, звезды можно рассматривать как прекрасные бриллианты — а еще как острия искрящихся гвоздей, запирающих крышку какого-то гигантского темного каземата.

Декарт не успел выразить удивление по поводу мрачных воззрений графини и ее понимания математики, которых она никак не выказывала за прошедшие два дня или, скорее, никоим образом

не позволяла предположить у себя их наличие. Не успел, потому что толпа с воплями и непредсказуемыми вспышками насилия теснилась теперь вокруг бьющего вином фонтана и деревянного сарая без крыши, где жарился фаршированный бык. Рожье захватили это зрелище и намечающаяся перспектива исконно народной драчки — ни дать ни взять гиены набрасываются на кусок падали. Он с радостью принял предложение Картезия, мол, пусть он оставит при себе второго телохранителя, а молодой ученый сопроводит графиню обратно на постоялый двор. Именно в этот момент Мы поняли, что нужно действовать немедленно, что вынуждены пойти на замену в ходе игры: с подручной лошади пересесть на истинного клиента, опасного дикого мустанга, чертова молодого жеребца-интеллектуала, который сбросил и затоптал Ысстх! так что та без сознания и полумертвая болталась вверх и вниз в туннеле перехода. Великолепно (как человеческое существо) развитая графиня вдруг стала излучать такую духовную энергию, демонстрировала столь острый и воинственный ум, что Мы практически не сомневались: это не какое-то естественное изменение, а результат технического процесса, переход, осуществленный в лучших

традициях Внешнего министерства. Расставшись с мужем, в ком Мы прежде сидели в засаде из осторожности, графиня (и то, что внезапно оказалось в ней!) осталась наедине с Декартом, который должен был оберегать ее, как молодой пес — взрослую львицу. В ее карих глазах сверкали жажда деятельности и насмешка. Зря Мы позволили Рожье отправить ее на постоялый двор под опекой Нашего подопечного, которого самого сейчас, казалось, еще как стоило опекать. Если Мы не ошибались, в новом опасном взгляде Элеоноры Альбертины вспыхнул дух Ысстх! и, что бы это ни значило, выбора, похоже, не оставалось. Мы совершили переход, для человеков абсолютно невидимый, беззвучный, в профессиональном исполнении даже неощутимый, для Нас же это в буквальном смысле инфенестрация, молниеносно переносящая Нас в совершенно иную среду. (Ибо Декарт, возможно, и прав, определив, что здравый смысл — *le bon sens* — самая распространенная среди людей вещь, но даже если бы у всех человеков были плавники, все равно существовали бы золотые рыбки, щуки и акулы!)

Едва опустившись в высокое седло или на опасный треугольный плавник картезианского мозга, Мы ощутили, что Нас яростно дергают за руку.

Элеонора Альбертина так стремилась оказаться подальше от мужа, что Наше подозрение переросло в уверенность. Она протиснулась прямо в толчею у фонтана, в дико ревущую и смеющуюся толпу, старавшуюся поймать во всевозможные сосуды бьющее из клюва орла и пастей львов вино, и вынудила Картезия попытаться, как и она сама, проделать это широко открытым ртом. (Было очень умно выбрать фонтан с белым.) Сарай, в котором жарился бык, только что развалился под натиском толпы. Графиня всерьез собиралась ринуться и в это опасное для жизни сражение, где вооруженные ножами, короткими вертелами и мясницкими топорами обжоры вырывали клочья из мертвого жареного животного. Лишь с огромным трудом Декарту (и Нам) удалось удержать ее от этого и убедить направиться к краю площади.

Им потребовалось время, чтобы в сутолоке пробиться к отелю. Из окон комнаты графини на четвертом этаже, которые выходили на праздничную площадь, можно было следить за дальнейшим ходом народных увеселений с безопасного расстояния. Благородные господа высокомерно-снисходительно бросали монеты в драчливую праздничную толпу, слипавшуюся

перед копытами лошадей в дергающиеся комья. Элеонора Альбертина призвала молодого Декарта взглянуть на это вместе с ней — и теперь, когда его подвели так близко к ее кровати (у графа, очевидно, была своя комната), она сбросила плащ и повернулась к нему, прямо-таки распускаясь, расцветая и наливаясь под низвергшейся лавиной золотых волос.

Пока Картезий замер в восторге, не в состоянии найти достойный ответ на внезапно распахнувшуюся перед ним дверь (в земном понимании) рая, Мы быстро продумывали, как это истолковать и какие могут возникнуть опасности:

I. Ысстх! за это время оправилась (ожила) и проникла в Элеонору Альбертину, чтобы, исходя из своих соображений, вновь перескочить на Картезия. Сейчас ей помешали Мы, вовремя совершив прыжок из усталого разума графа в мускулистый мозг Картезия (Двойной захват клиента Внешнее министерство обычно не позволяло).

II. Возможно, Ысстх! собиралась оседлать вовсе не мозг молодого Картезия, а его тело и спариться с ним в роли соблазнительной Элеоноры Альбертины либо из низменных побуждений, либо с целью произвести потомство, которое могло бы быть ей полезно в дальнейших планах. Вероятно,

она надеялась отвлечь и ослабить умственные способности Картезия скандалом, возможными дуэлями, или судебными процессами, или, в конце концов, исполнением отцовских обязанностей.

III. Ысстх! четко отследила, как Мы, Цорргх, перескочили в Декарта, и не хотела ничего иного, кроме как спариться с Нами (!), то есть предаться нелепой скотской пародии, которую представляет собой совокупление человеков в сравнении с Нашими (безусловно) прогрессивными и многомерно возвышенными (к сожалению и к счастью, полностью скрытыми в Наших внутренних ощущениях ослеплением) церемониями сближения, соединения и реализации. Может, Мы видели Ысстх! прежде или позже, в других обличьях и столетиях? Или даже на одной из Наших родных планет? Мы искали правду в жгучих карих очах Элеоноры Альбертины, намеревавшейся сейчас осчастливить Нас раскрытыми спелыми плодами. Однако Ысстх! скрывалась в той же степени, в какой пришпоривала свое ездовое животное. А значит, могло быть и так, что

IV. никто из Наших не внедрялся в мозг графини и что эта сорокалетняя женщина в чрезвычайном возбуждении превзошла саму себя и взорвала

земные масштабы силы обольщения, чем грозила смутить даже одного из Наших, то есть, точнее сказать, Нас, Цорргха.

Еще один шаг, словно мягко перетекающий в колыхание могучих бедер, — и она так близка к Картезию, что их тела соприкасаются и, по меркам человеков, у него уже нет путей к отступлению. Однако молодой ученый был человеком столь высоких моральных принципов и вдобавок так неопытен в дуэлях подобного рода, что без Нас не показал бы себя молодцом. Но теперь Мы в состоянии проникать во все конечности человеков, как сильные пальцы — в перчатку, и вот Картезий (к собственному удивлению, к немыслимому наслаждению и стыду, каковой тут же расцвел буйным цветом, но на первых порах отступил) отлично владел клинком, в абсолютном соответствии с тем, что молва приписывала его навыкам обращения со шпагой, которую он, как всегда, носил на поясе и от которой графиня весьма деликатно его освободила. Он отбивал ее выпады с вдохновенным терпением и выдерживал испытания и удушения ее прямо-таки слоновьего сладострастия с изощренностью и дальновидностью профессионального фехтмейстера. В сущности, он, разумеется, просто

следовал за Нами — без сопротивления, восторженно и ужасаясь морально. Уже здесь у него созрел план подробно заняться страстями души.

Должно быть, опасаясь, что супруг, оторвавшись наконец от событий всенародного значения у Старой ратуши, вдруг постучит в ее дверь, графиня через час с лишним выпустила Нашего героя из своих белых рук. Даже в ее последнем вспыхнувшем на прощание взгляде Мы не сумели разглядеть, как много в нем от Ысстх! так божественно неистово и вдохновенно смотрела она Нам вслед. Современник Гомера, ни секунды не сомневаясь, подумал бы, что она снизошла с Олимпа, дабы вкусить наслаждение со смертным.

На следующий день, чтобы облегчить Картезию муки совести, Мы надоумили его попрощаться с графом лишь вежливым письмом. Сохранявшуюся у него жажду (военно-политических) приключений и подавленное состояние духа Нам удалось умиротворить, направив его стопы к вербовщику солдат в армию Максимилиана Баварского. Армия вот-вот должна была выдвинуться, чтобы наказать пфальцского наглеца в Праге, но прежде собиралась на зимних квартирах вблизи города Ульм. Картезий записался

добровольцем, так что появляться в части и уходить мог когда вздумается. Одно из трех рекомендательных писем, выданных ему принцем Оранским, было очень кстати адресовано одному ульмскому математику.

V. В Ульме и вокруг, и вокруг…

1

Весьма энергично и все же учтиво, крайне обеспокоенно и с галантными извинениями Манфред выскочил из своего блестящего красного (и из-за Нас преступного) «ферруччи», чтобы позаботиться об обеих дамах, у елово-зеленого спортивного автомобиля которых на переднем правом крыле виднелась глубокая вмятина от совершенно не пострадавшего бетонного столба подземного гаража. Мы быстро помогли выйти из машины пудельку с черными кудряшками, в смятении державшейся за лоб рукой, украшенной множеством колец, а затем больших объемов и свирепого вида серебристой блондинке. Манфред заверил, что виной всему только он, в этом нет никаких сомнений. Как дамы себя чувствуют? Позволено ли ему будет уведомить врача, может ли он быть еще как-нибудь полезен или сделать что-то, что их успокоит? Само собой, он возьмет на себя все расходы, связанные с аварией, об этом и волноваться не стоит.

После того как Манфред еще несколько раз,

мягко касаясь разных периферийных частей тел пострадавших, удостоверился в том, что те физически в добром здравии, он предложил уладить вопросы возмещения ущерба без привлечения докучливой полиции: спортивный автомобиль, который, похоже, еще вполне пригоден к эксплуатации, он лично доставит в мастерскую и отремонтирует там за свой счет. На это время он однозначно и немедленно предоставляет в распоряжение дам свой сверкающий «ферруччи», а как им управлять, с удовольствием подробно объяснит во время небольшого практического занятия по вождению, как только они в его квартире, возможно за чашечкой чая, вместе успокоятся и еще раз все обсудят.

Лишь когда они (как и ожидалось, дамам, казалось, свойственно забавное легкомыслие) и правда сидели в *living room* Манфреда, все с чашечками чая *Earl Grey*, смеси китайского черного листового и белого «Пай Му Тана», к которому для полного совершенства Манфред находчиво предложил каплю свежевыжатого лимонного сока, пострадавшие в аварии, но уже очень весело настроенные соседки догадались представиться. Они назвались Майке и Зильке — в многозначительной, многослойной манере!

Майке. Меня зовут Майке.

Зильке. А также Изабель.

Майке. А она — Зильке.

Зильке. А также Марина.

Манфред *(в тишине своего черепа находясь в диалоге с Нами)*. Пуделек с кудряшками равно Майке-Изабель, Серебристый Блонд равно Зильке-Марина.

Майке. Мы…

Зильке. Медицинские сестры!

Майке. Преподавательницы йоги?

Зильке. А еще поварихи.

Майке. И парикмахерши.

Зильке. Стюардессы.

Майке. Или хостессы.

Зильке. Метрессы!

Майке. Лакомые плюшки!

Зильке. Финтифлюшки!

Майке. Это еще что за профессия?

Зильке. Под пару к плюшкам, как официант к повару!

Все это, заявил Манфред, ему крайне необходимо. Как же теперь было — для поднятия градуса веселья — не предложить немного стрегацотти (Зильке: но только каплю! Майке: и еще одну, пожалуйста, во вторую емкость!), а Нам при всех

этих двусмысленностях Майке-Зильке-Изабель-Марины как же было не вспомнить Элеонору Альбертину Шевиньяр де Шавиньи, в то время как дамы все более расслабленно оседали с бокальчиками в дизайнерских креслицах и, бросая многозначительные или по меньшей мере неоднозначные взгляды на изображенные Иеронимом забавы, радовались предстоящим урокам вождения «ферруччи»?

2

Веселое повреждение кузова елово-зеленого английского спортивного автомобиля (экипажа, который вполне подошел бы Аде, доведись ей прожить на сто двадцать лет дольше — возраст детства и юности для таких, как Мы) порядком взбудоражило Манфреда. Кажется, он не слишком осознавал, каким элегантным образом пришел к полюбовной сделке с обеими бойкими дамами. Долго согревая ключ от их машины в горсти так, словно закрепленную на ключе серебряную хищную кошку в ее вечном прыжке нужно было заключить в утешительные объятия, он, сидя за столом на кухне, погрузился в самые приятные и сокровенные воспоминания. Именно здесь и сейчас Мы открыли глазок под самым большим

углом, расширили его до размеров окна и наконец заглянули — рискуя, что Манфред обернется и с ущербом для своего душевного здоровья уловит очертания Нашего истинного облика, — в столь тщательно запертый до сих пор архив его памяти, а именно в сейф под названием «Сабина».

Интересовали Нас, безусловно, не столько мелочи и детали, сколько общее впечатление от тех семи недель, которые Манфред до сих пор берег как зеницу ока души, не давая Нам доступа к ним. На третий год его учебы в прискорбно тщеславном университетишке родного города действительно случилось так, что Сабина, безнадежно обожествляемая в школьные годы и в студенчестве маячившая разве что далеко на горизонте, позвонила в дверь его старой берлоги и буквально упала в его объятия. Она пребывала в сильном смятении. Мягким осенним днем она куталась в теплое зимнее пальто. Под ним на ней было что-то вроде ночной рубашки, на босых ногах белые кроссовки с незавязанными шнурками. Ее роскошные, черные, как у пантеры, волосы казались свалявшимися и спутанными, как щетина хотя и почти новой, но долгое время придавленной чем-то тяжелым метлы. Когда она подняла мокрое от слез лицо, он испугался, уви-

дев размазанную губную помаду и фиолетовый синяк под правым глазом.

Она сбежала, просила убежища, хотела покоя и защищенности, она нуждалась в ком-то, кому могла слепо доверять. И в голову ей пришел только Манфред, добрый старый школьный друг, единственный в классе, с кем тогда уже можно было вести интересные разговоры (это какие? Он не припоминал ни одного).

Последующие дни, похоже, представлялись Манфреду на редкость нереальными, ведь его мозг и сейчас не в состоянии определить, к чему их отнести — к сказке, мечте, абсурдной реальности или буйным фантазиям. Белоснежка ест бутерброд с джемом и плачет за шатким столом у него на кухне. Героиня грез его втиснутой за парту ученической души трясет строптивые плексигласовые стенки душевой кабины в его узкой ванной комнате и открывает их, окутанная паром, когда он уже почти готов подскочить ей на помощь, — сияющее создание с эбонитовыми волосами, усеянное крупными блестящими каплями, черное, белое и малиново-красное, черное, как пудель (маленькая собачка), поднимающее длинную ногу, словно Манфреду следует (и он хотел) поцеловать протянутую ему узкую стопу.

Пузырь со льдом на синяк, чай (у него нет, а, стоп, на дне жестянки залежались два мумифицированных пакетика) для согрева души, пылающие уши Манфреда терпеливо принимают все, что студентка-театровед, театрально драматизирующая собственную персону и обстоятельства, рассказывает ему о двух своих любовниках и еще об одном, третьем, настоящем драматурге, восхитительно неистовом, но немного склонном к насилию, как можно заметить по ее глазу.

Манфред делал уборку, ходил за покупками, готовил немногие блюда из своего репертуара, прибавив к ним два новых, хотя и сомнительных. В зеркальном салоне его мозга можно найти несколько обрамленных благожелательным отношением автопортретов, которые показывают Нашего героя (еще не в улучшенном Нами состоянии, что касается внешнего вида, зубов и привычек, но по крайней мере юного и стройного) совершающим исключительно джентльменские поступки, например неустанно протягивающим Сабине бумажные носовые платки, чтобы она могла утирать потоки слез, покупающим, страдая от неловкости, необходимый минимум женского нижнего белья и одежды в так называемом *Pinky-Market* или ежевечерне

читающим вслух театральные пьесы из набора произведений классиков в коробке-футляре, подаренного ему крестной на двадцатилетие для повышения крайне низкого на тот момент уровня культуры. А еще они с давней школьной подругой, большой любительницей зрелищ, часто смотрели по вечерам американские фильмы и играли в шахматы, заканчивая со счетом 6:6, поскольку Сабина имела обыкновение двигать фигуры то очень невнимательно и по-детски, то с прямо-таки дьявольским мастерством.

В конце многонедельного пребывания в убежище, очень личные девчачье-розовые лубочные картинки которого Манфред до сих пор успешно скрывал от Нас в памяти, как маленькую сокровищницу (или табернакль гениталий — Мы смутно припоминаем обычай перед военным столкновением ампутировать свои органы размножения и прятать их под замок, но не знаем, что это — вызванная грезами аберрация или устрашающая традиция на ХЫТЕМ!НЕРИИ… щели… бледный свет, проникающий сквозь обычно непроницаемые шторы ослепления), как бы то ни было, в конце пребывания в убежище Манфред получил неплохие базовые знания в области драматургии человеков (сам прочел вслух десять

театральных пьес), а еще, к сожалению, множество мучительных своеобразных подробностей семейной и любовной жизни Сабины. Он старался, подобно хытем!нерианскому воину, запереть свои гениталии в дальнем хранилище, поскольку Сабина постоянно у него на глазах выходила из душевой кабинки или направлялась туда, а то и надевала или снимала в любом месте его тесного жилища стыдливо приобретенную им девчачью одежку. Будто желая подвергнуть его еще более суровому испытанию, Сабина настояла на том, чтобы спать в кровати рядом с его утешительным, еще совершенно плоским и худым телом (если бы только он мог засунуть в хранилище и свой умоляющий мозг).

В конце концов как-то ночью в дверь затрезвонили, поднялся жуткий тарарам, по хлипкой, видавшей виды входной двери молотили что есть мочи и кричали сквозь нее. Несомненно, это был нетрезвый сочинитель пьес и агрессивный любовник номер три, пронюхавший, где скрывается Сабина. Драматично заснятые на черно-белую пленку и сумбурно смонтированные эпизоды в памяти Манфреда показывают, как он сбрасывает с себя одеяло рядом с перепуганной Сабиной. Вот он в сомнительном виде уже стоит босиком

в коридоре, в то время как сочинитель пьес продолжает вопить и барабанить кулаками в дверь. Наконец цепочка замка падает, и многострадальная дверь распахивается. Манфред и облаченный в черную кожу, словно замаскированный черной разбойничьей бородой, в надвинутой на глаза черной кепке пьяный драматург, чье пузо под расстегнутой курткой из свиной кожи обтягивает черная футболка, стоят прямо друг против друга и спустя миг оцепенения осознают с почти одинаковым изумлением, что у Манфреда в правой руке внушительный разделочный нож, который он вытащил из деревянного блока, проходя через кухню.

У господина в черном есть выбор: продолжать шуметь, и тогда он, Манфред, намеревается вызвать полицию, либо попытаться зайти в квартиру, рискуя быть разделанным на филе («напороться на это лезвие!»), объяснил Наш герой, судя по записи в его памяти, поразительно спокойным голосом, почти как если бы Мы уже тогда без труда могли его защитить, передав ему во владение Малую Лупу Времени.

Теперь черный драматург, внезапно, казалось, протрезвев, выбрал третий, не предложенный ему вариант: безмолвно удалиться. Однако че-

рез несколько дней исчезла и Сабина. Неделю спустя недалеко от городского театра Манфред — испытав ощущение, будто его ударили под дых, — заметил ту, которой он в течение семи недель давал приют, рука об руку с ночным дебоширом. Тот, увидев Манфреда, остался, похоже, абсолютно невозмутимым, а Сабина на ходу дружелюбно махнула рукой с другой стороны улицы.

Нашему клиенту не облегчило ситуацию то, что одной особенной ночью Сабина, опустошив в убежище бутылку белого вина, затянула Манфреда в свою хмельную плавильню. Другой ночью, незадолго до исчезновения, у нее, вероятно, появилась в некотором роде парадоксальная гигиеническая потребность, потому что, едва выскочив из душа, она слегка приподняла одеяло Манфреда и принялась языком вычищать его пупок, в то же время проникновенно целуя самого Манфреда своей седалищной частью. Это событие, пережившее тысячи показов во внутреннем кинотеатре Манфреда, пока изображение не сделалось полностью неправдоподобным, не перекрылось шумами, не стало расцарапанным и зернистым, как на старой целлулоидной пленке (порой Мы с удовольствием вспоминаем ту

или иную забытую технику обработки негатива, применявшуюся человеками), видимо, тоже способствовало тому, что Манфред сбился с прямого пути своих учебных планов и бесконтрольно произрастал, как сорняк, сам по себе, тихо и бесполезно, пока в нем не приземлились Мы, не имея в виду именно его.

3

Декарт въехал в заснеженный Ульм тоже довольно-таки окольными путями. Он уже больше месяца жил в городе, когда, увидев плывущую по воздуху снежинку, подумал об астрономе Кеплере. За это время он еще раз наведался в стоящую у ворот лагерем армию баварца, чтобы узнать, что они простоят там еще долго, стойко перенося все трудности и накапливая силы, прежде чем двинутся в Прагу против пфальцского наглеца. Таким образом, молодой Картезий мог и дальше наслаждаться жизнью праздного аристократа в городе, где он — благодаря Нашему выбору жилья на постой — был защищен от одного из неудобств, которые ненавидел больше всего, а именно от зимнего холода. Вместо того чтобы замерзать, как оставленный про запас кусок дичи, в армейской палатке в чистом поле, он имел

возможность с комфортом предаваться своим любимым занятиям, то есть долго и основательно размышлять и обмениваться мнениями с близкими по духу людьми, с коими он надеялся легко завязать отношения с помощью рекомендательного письма оранца. Впервые въехав в город, Мы сразу же ненавязчиво направили его и его лошадь (настоящую, животного происхождения) к одному постоялому двору вблизи богадельни и городской стены.

Картезий воображал, что к этому скорее неприметному, но окруженному мощными стенами постоялому двору с просторной конюшней его привело нечто подобное врожденному представлению о домашнем гнезде. Однако этот дом Мы знали как весьма прочное и хорошо утепленное здание по миссии, которую выполняли на двести шестьдесят лет позже современного ему времени в человеческом летоисчислении, а еще знали: поблизости, что удобно, живет учитель арифметики Иоганн Фаульхабер, тот, кому предназначалось одно из его рекомендательных писем.

Там и сям можно было увидеть вырезанную на деревянных балках и высеченную в некоторых

камнях фразу «Ulmense sunt mathematici»[31]. Возможно, поэтому ульмцы не умели проносить в ворота длинные балки[32], но в хрониках Внешнего министерства зафиксированы за три столетия пять миссий в этом городе-лабиринте с увенчанными остроконечными фронтонами фахверковыми домами, сгрудившимися вокруг круто устремленного вверх собора, будто цыплята вокруг суровой серой наседки. При этом Мы не следовали монотонной логике течения времени, принятой у человеков. Ведь о том, что времена, якобы следующие одно за другим, те мириады отрезков, которые, как сантиметры на измерительной рулетке, заполняют большую хронологическую ленту, могут отделяться друг от друга и перемешиваться в вихре, словно руками гигантского жонглера, однажды ясно написал и Декарт: «Всякое время жизни может быть поделено на бесчисленное количество частей, из которых каждая никоим образом не зависит от

[31] Примечания: 31

«Ульмцы суть математики» *(лат.)*.

[32] Примечания: 32

Как гласит легенда, при строительстве Ульмского собора возникла проблема: рабочие никак не могли пронести длинные балки в узкие крепостные ворота. Но тут один из строителей увидел воробья с соломинкой в клюве. Воробей держал ее вдоль, а не поперек. Жители так обрадовались простому решению проблемы, что сделали птицу символом города и поставили ему несколько памятников.

других». Так обстоит дело с человеческим временем для любого из Нас. А значит, нигде в хрониках человеков не упоминавшуюся гениально-безрассудную портниху Карлу Лагентрой, впавшую в безумие в год Французской революции, Мы посещали, лечили и умиротворяли в этом запутанном городе спустя долгое время после того, как пеклись о так называемом Эйнштейне, который с двадцатых годов их так называемого двадцатого века значится во всех энциклопедиях и вошел в Золотую книгу Внешнего министерства как необычайно опасное, но вместе с этим и необычайно элегантно завершенное дело.

У Декарта Мы, впрочем, ощущали ту же неукротимую умственную энергию, что была и у ульмского малыша Альбертля Эйнштейна, пришедшего в этот закрытый на засов мир в один солнечный пятничный полдень 1879 года по летоисчислению человеков с таким мощным кубовидным затылком, что врач еле успокоил молодую мать. Внешнее министерство встревожилось лишь пятнадцать лет спустя, когда мечтательный интеллект находящегося в пубертатном периоде Эйнштейна обогнал световой луч, так что портрет несносного ульмского подростка вдруг мелькнул в одной из самых спокойных

медитативных зон Красшгатхора. Для человеков такое можно сравнить только с мальчишеской выходкой, когда солнечный луч, отраженный в карманном зеркальце, или юркий луч лазерной указки надоедливо шмыгает, мигая, в почтенных высших сферах какого-нибудь церковного собора или важного заседания кабинета министров, проникнув сквозь метровой толщины стены считавшегося абсолютно надежным бункера без единого окна, сквозь оболочку из Другой Материи, в которую Мы замкнули мир Декарта и его соплеменников.

Именно о таких оболочках скромного ансамбля планет, вращающихся вокруг земного Солнца, большинство из которых абсолютно непригодны к использованию и наказаны в высшей степени своеобразным, суровым климатом, вскоре часто заходила речь в разговорах Фаульхабера с Картезием. Учитель арифметики жил в узком, но высоком доме, где по низким этажам, подобно визжащим метеоритам и блуждающим малым кометам, вихрем носились дети, по меньшей мере дюжина. В полукруглой комнате, где шагу негде было ступить из-за книжных стеллажей и трех больших загроможденных рабочих столов, математик сидел, словно паук в паутине своей

учености и одержимости мастерить (судя по всему, он со страстью конструировал модели осадных орудий и противостоящих им оборонительных сооружений, будто играл в шахматы с самим собой). У вошедшего юноши, который показался ему скорее солдатом, чем коллегой-ученым, он сразу же осведомился — поскольку у того были недурная шпага и рекомендательное письмо от великого военного гения княжества Оранж, — известно ли ему имя учителя фехтования Лудольфа ван Цейлена.

— Я посетил знаменитую могилу ван Цейлена, — ответил Декарт, — когда был в Лейдене у его бывшего ученика Снеллиуса.

— И на надгробном камне действительно выбиты все тридцать пять знаков после запятой, которые он вычислил? — поинтересовался учитель арифметики, а его карие глаза под необычайно выпуклым лбом смотрели на приезжего юношу испытующе.

— Лудольфово число, да, тридцать пять знаков приближения по верхней границе, тридцать пять знаков по нижней границе, внутри круга, а по окружности выбиты средние значения этих тридцати пяти знаков.

— Сколько вы можете назвать по памяти?

— 3,1415926535.

— То есть десять после запятой, ага. — Теперь Фаульхабер выглядел дружелюбнее и, пощипывая бороду, казался удовлетворенным. — Возможно, вы знаете, что меня называют немецким Архимедом? У меня тут есть интересный листок — скажите, вам это знакомо?

На латыни он говорил коряво и с ошибками, но объясниться мог. Он резким движением положил перед Картезием чертеж, на котором в правую дугу окружности вонзался треугольник, острием направленный влево, как наконечник стрелы в мыльный пузырь. Кончиком пальца Фаульхабер постучал по линии, соединявшей точки пересечения сторон треугольника с окружностью.

— Одна из квинтильонов сторон, — невозмутимо сказал молодой солдат.

— И каким образом мы ее вычислим?

Но Фаульхабер, наполовину поднявшись, уже улыбался. Спинку его стула из темного дерева завершали резные мужские головы размером с кулак, и мужчины эти были, вероятно, далеко не дубиноголовы, однако головы крайне мало походили на античных ученых, какими те в свое время являлись Нашему взору (двое из них не сказать чтобы платонические клиенты).

— Из четырех вычтем длину стороны многоугольника с половинным числом вершин, извлечем квадратный корень…

–*Merci bien*[33], достаточно, юный коллега, *gratias ago*![34] — Теперь Фаульхабер, стоя в полный рост за своим столом и сияя от радости, положил на лист с нарисованной дугой окружности маленькую книжечку. — Я хотел бы подарить вам этот небольшой труд и попросить, коли задержитесь в городе подольше, рассказать мне о вашем впечатлении.

На обложке значилось «Cubicossischer Lustgarten»[35], и с этого сборника математических задач, вышедшего из-под пера учителя и с благодарностью принятого Картезием, началась череда занимательных совместных занятий математикой, где они изъяснялись на невыразимом смешении исковерканных латыни, немецкого и французского языков, понять которое даже

---

[33] Примечания: 33
Большое спасибо *(фр.)*.

[34] Примечания: 34
Благодарю *(лат.)*.

[35] Примечания: 35
Опубликованный Фаульхабером в 1604 году труд по арифметике, где речь среди прочего шла о решении кубических уравнений. Название можно приблизительно перевести как «Сад коссических наслаждений с кубическими уравнениями» *(нем.)*.

Нашему брату было нелегко.

4

С тех пор как Нам довелось глубже заглянуть в сладостные муки Манфреда, сложные и запутанные, как кубические уравнения, Мы больше сочувствуем ему, когда он сталкивается с живой Сабиной в лабиринте улочек своего города, напоминающего, на Наш взгляд, как старый Ульм, так и лабиринт для лабораторных крыс. В конце концов, ночная сцена с разделочным ножом внушала уважение, и, невзирая на то, что в поисках Нам теперь, похоже, не пройти мимо давней школьной подруги, похожей на Аду, Мы склонны немного помочь Манфреду продвинуться в отношениях с ней, хотя гласисы, сторожевые башни, бастионы и редуты, воздвигнутые ею вокруг себя, чрезвычайно впечатлили (и раззадорили) бы создателя фортификационных сооружений Фаульхабера.

Только что забрав после ремонта благородный темно-зеленый старый спортивный автомобиль Майке-Изабель и Зильке-Марины, Манфред припарковался у чайной лавки, куда Мы с некоторых пор отправляли его покупать особые сорта чая, чтобы оттачивать и успокаивать его ум (буде

таковой имеется), и тут вновь столкнулся с Сабиной.

Каждый раз, подумали Мы с новым для Нас чувством эмпатии, она заставляет его врезаться в себя, высокую скалу, потому что наверняка может рассчитывать на его собачью преданность и безмолвное половое возбуждение. Ее взгляд, забавляясь, остановился на коричневом, с золотой надписью пакете с изысканными *teas*[36], а его — скользнул по ее высокой фигуре в серо-голубом пуховике до ладоней, помогавших друг другу освободиться от алых митенок из звериной кожи, так что вскоре правая обнаженной и немного *semifreddo*[37] скользнула в его правую, словно лебедь, который решил недолго отдохнуть на куске возбужденного дерева.

— Поразительно: ты пьешь чай, — спокойно заявила она.

— Когда пьешь чай, изощреннее мыслишь, — заверил он, потрясенный собственным ответом.

— Когда программируешь, скажем, CARTESIO.

---

[36] Примечания: 36

Чаи *(англ.)*.

[37] Примечания: 37

Букв. «полухолодный» *(ит.)*; этим словом обозначается традиционный итальянский десерт из мороженого с орехами, фруктами, ягодами и шоколадом.

— Например.

Сабина кивнула, будто его слова произвели на нее впечатление. Послезавтра вечеринка у них дома, на вилле «Матильда», названной в честь ее покойной матери и только что отреставрированной ею и помешанным на архитектуре Рональдом, который будет действительно очень рад, если Манфред придет. Несколько сказанных ею далее фраз никак не отозвались в мозгу Нашего клиента, коего мало интересовала фрау Матильда. Его внимание странным образом сосредоточилось на левом уголке губ Сабины. Но стоп, ей опять что-то от него нужно: как он мог понять из приглашения, которое она отправила ему почтой, оно распространялось и на сопровождающее лицо.

— Я приду с хорошей подругой, — сказал он, останавливаясь у зеленого спортивного автомобиля, до которого они как раз добрели.

— Опять потрясная машина! Но на этот раз со вкусом, олдтаймер, очень элегантный, — сказала Сабина, переключая на зеленую железяку свое изумление от того, с какой скоростью Манфред сумел организовать себе дамское сопровождение.

— Ну, я же все-таки скорее степенный, — заверил он на прощание.

Отъезжая задним ходом и тем самым неосмотрительно быстро осаживая высокомерие Сабины, однако бдительно ведомый Нами, его автопилотом, он принял два интересных решения. Во-первых, он предоставит обеим веселым соседкам возможность подольше поездить на восхищающем их «ферруччи», поскольку этот спортивный автомобиль — приятное ретро и он прекрасно может им обойтись. Во-вторых, он предложит Майке-Изабель сопровождать его на вечеринку. Курчавая, как пудель, экзальтированная и предпочитающая носить черную кожу, она казалась Нам более эпатажной и тем самым больше подходила для того, чтобы привести в замешательство аристократку Сабину. Довольный, Манфред слегка коснулся педали газа, и деревянный руль заскользил в его пальцах. Он купит себе спортивные перчатки.

В связи с его страстным увлечением экологически вредными автомобилями посреди городка, который подвергает воздействию ядовитых транспортных выбросов даже самое младшее свое потомство, Мы вспоминаем — чисто теоретически, без всякой надежды на быстрое продвижение человеков в этом вопросе —

Пятое цивилизационное требование:

Планету оставляют в том виде, в каком нашли! Любая цивилизация, желающая оказаться достойной прыжка в сферу Высших цивилизаций, обязана перед этим привести населяемую ею до сих пор планету в первоначальное или равноценное этому состояние, надежно, по крайней мере на десять поколений каждой высшей и тем самым ответственной за порядок в общепланетарном пространстве формы жизни. (Биоэкоусловие.)

5

От матери Матильды на одноименной вилле явно осталось не слишком много. На юго-восточной окраине города возвышалось здание, или бывший частный домик, перестроенный и расширенный в своего рода вычурном андалузском стиле, белоснежный, с громадными окнами, круглым флигелем-эркером (отсылка к средневековой оборонительной башне), поставленный на платформу из светлого камня, которая переходила в сияющую сапфировой синевой лужу для плавания (очевидно, с подогревом, поскольку на зимнем холоде она исходила паром, словно в насмешку над пятым квалификационным требованием) и дальше в идущую под уклон лужайку, где скованно застыли в античных позах

несколько освещенных прожекторами скульптур. Внутри все блистало бело-золотой роскошью. Преобладали мрамор, стекло, нержавеющая сталь и черная кожа. Обширные, преимущественно огненно-красные и цвета морской волны полотна без каких-либо различимых на них предметов служили фоном для толпы приглашенных гостей, непринужденно разбредшихся по анфиладе комнат. В небольшом количестве, но повсюду попадались украшения к *Christmas* — золотые шары, серебряные еловые ветки и тому подобное,– но никаких седобородых шоколадных дедов и лосей, тянущих сани с наваленными на них пакетами (то, что удивительным образом трогает Нас, возможно, потому, что человекам доставляются дары или что эти *Christmas*-создания, как говорят, небесного происхождения). Вообще, этот праздник *X-mas* представляется Нам довольно важным, ведь он основан на том, что значительная часть человеков, похоже, верит, будто непостижимый БХОГ!Г вселился в одного ближневосточного младенца и постепенно вырос в человеческое существо, полное мудрости и любви, которое сами же человеки и прикончили, едва ему исполнилось тридцать. Таким образом, понимаешь, на какую безжалостную самокрити-

ку в принципе способна эта цивилизация.

Высокий, усатый Рональд, приветствуя Нас, стоял, широко расставив ноги, как капитан на своем мостике. Хозяйка дома Сабина надела платье бронзового цвета, не сочетавшееся с его темно-синим костюмом. Оба вели себя так, будто безумно счастливы принимать у себя Манфреда, которого Мы засунули в черный костюм, сшитый на заказ, и ручной работы обувь, и весьма впечатлены его спутницей. Мы предполагали, что Майке-Изабель предстанет в обтягивающей черной коже, как фривольный *X-mas*-ангел спасения плоти, но она появилась в элегантном пальто из серой ткани, под которым обнаружился блестящий красно-фиолетово-багряный костюм. Тем не менее он так плотно облегал ее фигуру, что навевал мысль о пышном цветке пиона, особенно пялившемуся на нее Рональду и его собратьям по полу.

На Сабину, которую Мы хотели лишить покоя, пионовое обаяние Майке-Изабель тоже оказало желаемое воздействие, поскольку весь вечер она то и дело подходила к Манфреду, чтобы подлить ему в бокал шампанского, обратить его внимание на особые деликатесы шведского стола, найти ниши, где можно было обмолвиться словечком без свидетелей. Давно ли он знаком со своим ди-

ким пионом, этой бывшей стюардессой, которая теперь *диверсифицируется* (так представлялась всем Майке)? Не слишком ли она, на его взгляд, агрессивна, не слишком ли, так сказать, телесна?

Когда около сотни гостей (девяносто три) собрались и разговорились, Рональд произнес речь, для начала сердечно поблагодарив своих друзей, в том числе многих инвесторов его дерзких проектов. Так же как его родители Дейзи и Закария Мэкинсон с мыслью о чистоте заложили основу концерна «Cleansmile», начав с хорошо продуманного придорожного туалета, он и его чудесная жена Сабина используют капитал концерна как основу для множества духовных и технологических инициатив, где речь идет как о защите, так и о дальнейшем развитии индустриальной и биологической базы человека. В органической связи с историей семьи диапазон этих инициатив простирается от не требующих воды, доступных по цене и производящих полевые удобрения туалетных кабинок для развивающихся стран до зеленых спутниковых технологий (интегрированный сбор космического мусора). Благодаря креативным инвестициям оказалось возможным связать и несовместимые, казалось бы, далекие друг от друга области. У них внезапно

обнаружилось более глубокое родство и большие возможности для синергии. Они наглядно демонстрируют истинные, чистые источники человеческого существования, и «Cleansmile» значительно усиливает их действие, обеспечивая их взаимопроникновение. В пример можно было бы привести молекулярную биологию, сфокусированную на возникновении на Земле нас как живых существ, и астрономию, которая дает нам понять, что мы, в конце концов, существа космоса и звезд. Он пока не хочет и не имеет права раскрывать слишком много, но уже сейчас может оповестить о намеченной на будущую весну презентации уникального проекта, который, сочетая в себе технологию искусственного интеллекта и астрофизику, обещает не меньше чем совершенно новый взгляд в глубины Вселенной. Есть много веских причин, почему эта презентация пройдет здесь, на вилле «Матильда». Во-первых, хотелось, как и сегодня вечером, вспомнить о матери Сабины, чей маленький дом перевоплотился в это здание, которое ей наверняка понравилось бы. Поскольку по натуре она была хоть и простой, но тоже щедрой и очень гостеприимной. Правы те, кто видит в трех филиалах химчистки под ее управлением, как

и в предприятиях Мэкинсонов, один из чистых источников концерна «Cleansmile», хотя он, Рональд, и его дорогая Сабина, когда встретились здесь, в этом городе, старшеклассниками, думали на самом деле о чем угодно, но не о совместном управлении чистым предприятием мирового масштаба. (Дикое ржание мужской компании на западной стороне шведского стола.)

Короче, чтобы еще раз с благодарностью вспомнить о первоистоках всех их совместных предприятий, большая презентация и пройдет весной здесь, в этом древнем и богатом традициями университетском городе Р. И поскольку уже сейчас параллельно с окончанием строительства виллы «Матильда» мы отмечаем, так сказать, праздник стропил технологического проекта в области астрофизики, о неслыханных масштабах которого он пока не может сказать здесь ни единого слова, ему, по крайней мере, позволено поднять тост за один из важнейших столпов этого начинания, за ту, кого ему, собственно, представлять гостям и не нужно, так как все ее знают благодаря ее энергии, ее дальновидности и прорывным выступлениям в средствах массовой информации: министр по научным исследованиям от Германии при Европейском Союзе, госпожа профессор, дважды

доктор Зандштрём!

Все подняли бокалы и обернулись к выступившей вперед высокой и мощной, как маяк, Зандштрём в переливающихся наподобие ящеричной кожи зеленых одеждах, в очках с синей оправой и светлым пучком соломы на начальственной голове. Поскольку Рональда и Сабину Мы почти наверняка могли вычеркнуть из круга подозреваемых, похожая на валькирию министерша теперь оказывалась в центре Нашего внимания, которое по-прежнему привлекал еще разве что Аксель. Однако, вопреки Нашим ожиданиям, на вечеринке он не появился, хотя от самого Рональда Мы узнали, что он активно общается с парочкой «Cleansmile» и играет решающую роль в большом весеннем проекте.

— Он живет крайне замкнуто, прежде всего, по состоянию здоровья, — заверил Нас хозяин дома в темно-синем костюме, сразу же после своего выступления подойдя — и возбудив этим некоторое внимание — к Манфреду и флуоресцирующей всеми пионовыми красками Майке-Изабель.

Последняя, похоже, его прямо-таки заворожила. Его большие глаза буквально выкатывались через гласис усиков ей навстречу, и она, со свойственной ей напудренной и покрытой лаком

невозмутимостью, казалось, была вовсе не прочь поймать их в своем декольте.

Этим вечером Сабина, похожая на мерцающую бронзовую статую с аурой античной неприступности, в одной из ниш, в кои она умело ухитрялась заводить Манфреда, говорила о человеческом теле как таковом столь отстраненно, что Мы, кажется, поняли, почему окуляры ее мужа стремились как можно глубже затеряться в лепестках пиона Майке-Изабель. Манфред, все еще не избавившийся от адекватной реальным обстоятельствам половой печали (Мы до сих пор так и не решили, на кого стоит позволить ему запрыгнуть, но время пришло, пока он не причинил себе серьезного вреда), однако в общем и целом раскрепощенный благодаря жизнерадостным беседам с Майке-Зильке-Мариной-Изабель, захотел удостовериться, что она намекает на меланхоличное пресыщение всеми плотскими радостями. Сабина коснулась двумя пальцами стеклянной вазы, стоявшей в нише на уровне ее глаз. Стебли орхидей в вазе неприятно напомнили Манфреду об объектах в террариумах их общего одноклассника Акселя.

— Восхищение заканчивается перверсией, а перверсия — пресыщением, — сказала она так,

будто это напрямую связано с оптически увеличенными стеблями орхидеи за стеклом, а она, как богиня, облаченная в защитный металл, спустилась сюда лишь затем, чтобы об этом возвестить.

— Может, это просто усталость, — возразил Манфред по собственной инициативе (у него случаются креативные моменты).

Растрогавшись, Сабина собиралась подойти к нему ближе, но ее перехватили другие гости.

Немного погодя, спустя два бокала шампанского, которыми Мы, не скупясь, одарили Манфреда, чтобы поддерживать его в бодром и непринужденном состоянии для новых контактов, Сабина подошла к нему опять. Однако к нему только что вновь присоединилась и Майке-Изабель, тоже на два бокала веселее, чтобы заверить, как грандиозно было с его стороны предоставить им с Зильке-Мариной и дальше пользоваться «ферруччи». Теперь они и к клиентам ездят чаще (медицинские сестры к пациентам, стюардессы к пассажирам), а те приходят в неописуемый восторг от ревущей роскоши спортивной машины и после этого совсем по-другому раскрепощаются.

— Если речь об усталости, то возникает вопрос, это о находящемся в теле разуме или только о самом теле, — объяснила бронзовая Сабина, чье

физическое великолепие в афиноподобном одеянии (в глазах человеческого существа Манфреда) затмевало хотя и пионически усиленные костюмом, однако слегка чересчур броские прелести хостессы-стюардессы Майке. — Но в программе «CARTESIO» я еще раз обратила внимание на то, как тесно связаны между собой тело и разум.

Сам Декарт предполагал наличие тесной связи и потому указывал, что разум не просто управляет телом, как кормчий кораблем, вспомнил Манфред, слегка удивившись собственным познаниям.

Взаимосвязь явно не простая, отозвалась Сабина. Возможно, однако, разум ощущает себя орлом в клетке.

— Или дикой обезьяной! — вставила замечание Майке-Изабель, тряхнув черными пуделиными кудряшками, рассыпавшимися по ее голым плечам. — Или кроликом в удаве!

Пока Манфред и Сабина пытались мысленно проникнуть в суть этих глубоких сравнений, к их компании подошел Рональд в сопровождении министерши Зандштрём. Ее мощная переливчато-зеленая фигура притягивала Нас в той же степени, в какой Манфреда — пугала. Позволительно ли Нам сквозь темную завесу ослепления

предположить, что жэн!шщщ!ины у Нас на родине столь же внушительного роста?

Неожиданно Рональд представил профессора, дважды доктора Зандштрём еще и как родную тетю Акселя. А значит, Мы внимательно присмотримся к ней по двум веским причинам. Следовало бы подробнее изучить загадочный большой проект парочки «Cleansmile», в котором профессор и дважды доктор принимала существенное участие. Но по причине ее родства, генетической близости с Акселем, вызвавшим тревогу, возможно, одной своей гениальностью, подозрение внушает и сама ее валькироподобная мощь. (И все же именно погрешность террестрической посадки делает Наши миссии столь привлекательными!)

Мадам Зандштрём выразила радость, когда ей представили Манфреда как необычайно талантливого программиста, способного обучать компьютеры определенным навыкам наравне с ее племянником. Жаль только, отметила она, что все еще слишком мало женщин посвящают себя этой специальности.

Когда Сабина непринужденно сослалась на свою историческую двойняшку Аду Лавлейс, Мы, почти полностью отключив Манфреда, довольно

близко придвинулись к могучей переливающейся даме и в ответ на ее вопрос (от природы она была мощным физиком с глубоким пониманием количественных показателей) очень точно описали, как Ада Лавлейс к сделанному ей переводу эссе итальянского математика Федерико Менабреа о большой Аналитической машине Бэббиджа (так никогда и не построенной) добавила приложение, текст которого был втрое длиннее самого эссе и содержал подробное руководство, как чисто механически машина может вычислять числа Бернулли, — таким образом, первую тщательно изложенную в письменной форме компьютерную программу. Министерша со сверкающими глазами ящерицы за очками в синей оправе восхитилась способностью Манфреда наглядно объяснить ей программу Ады, но (пока) не позволила уговорить себя хоть как-то намекнуть на природу таинственного исследовательского проекта, о котором так интригующе возвестил Рональд. В результате Мы сконцентрировались на том, чтобы, задав ряд скромных, тактичных вопросов, больше узнать о жизни и крайне важной многогранной деятельности министерши Зандштрём.

Вновь включившийся Манфред ужаснулся той

близости, что Мы создали между ним и превосходящей его ростом и весом дамой. Однако он был очень вежлив и не отпрянул от возбужденных изумрудно-зеленых выпуклостей, даже когда мадам Зандштрём по-свойски ухватила его за плечо, словно собралась продегустировать добротный стейк.

В этот вечер, когда был анонсирован проект, незадолго до полуночи хозяева дома еще раз встретились с Манфредом и его развеселой Майке у стеклянной двери к дымящейся луже бассейна.

— Я хотел бы дать вам кое-что с собой, — сказал Рональд Нашему клиенту, протягивая ему конверт. — Это небольшой привет от нашего общего друга Акселя. Очевидно, это как-то связано с программой «CARTESIO».

— Картезио? — спросила Майке, нескромно хихикая.

— Приложение для чата о Рене Декарте, — крайне нелюбезным тоном объяснила Сабина.

Мы с удовлетворением отметили, как трудно ей отпускать Манфреда с его радостно-чувственной спутницей.

— Декарт? А, тот парень с маленькими буквами!

— Маленькими буквами? — Рональд насмеш-

ливо разглядывал курчавую, как пудель, Майке, которая в эту минуту обнаружила, что стоит уже в своем сером пальто, но по-прежнему с бокалом шампанского в руке.

— Ну да, все эти маленькие *a, b* и *c*, начальные буквы, детские игрушки,– вздохнула Майке, доверительно передавая Рональду бокал.– И только в самом конце становится по-настоящему интересно с таинственными незнакомцами *x, y* и *z*.

6

Зимнее настроение и белизна виллы вновь переносят Нас в тот заснеженный ноябрьский день 1619 года, когда Картезий вернулся домой после краткого посещения точно так же занесенной снегом армии у ворот города. Вечером он был приглашен на ужин к Фаульхаберу, о чем не стоило бы и упоминать, если бы не драматические последствия этого ужина. Немецкая еда (шпецле[38] и свиная лопатка, окорока и клецки, корнеплоды, пудинг и мусс) и белое рейнское вино, на которое Картезий налег совершенно вопреки обыкновению, побудили его совершить более короткую

[38] Примечания: 38

Шпецле (*нем.* Spätzle) — домашние макаронные изделия из жидкого теста.

освежающую прогулку по снегу, чем он намеревался. Он ощущал в сознании сильную качку по эллиптической траектории, а мысли его плясали, как орава детей Фаульхабера вокруг мебели, книг и моделей его нового друга. Сосредотачивала и не давала им (детям и мыслям) разбегаться только хозяйка дома, мадам Фаульхабер, которая подобно шагающей крепости (крепость! Очевидно, на образ неприступных фортификационных сооружений Картезия навели модели учителя арифметики) шествовала по этому странному многоярусному дому (в сущности, вертикальному варианту той вытянутой в длину квартиры, где жила семья Акселя). Уверенностью в себе, внутренним спокойствием, аристократизмом мадам Фаульхабер столь пугающе напоминала графиню Элеонору Альбертину, что Декарт всегда испытывал большое облегчение, когда она выстраивала в ряд все свои непоседливые метеоры и уводила за собой, как шлейф кометы, вниз на кухню и в спальни, чтобы он и учитель арифметики могли еще немного пофилософствовать. В этот вечер Фаульхабер проявил себя не столько великолепным

коссистом[39], сколько фанатичным каббалистом и мистиком, кем он тоже был, к огорчению всегда здравомыслящего Картезия. Он опять говорил об апокалиптических числах и избранниках, коих Господь назначил их толковать. Возвращался он и к своей роли в ульмском споре вокруг *ужасной кометы*, полемике, которую он сам развязал своим трактатом «Fama siderea nova»[40].

Gaudet aberrare mens tua, твой ум рад заблуждаться, *necdum se patitur intra veritatis limites cohiberi*, он страдает, когда ограничен пределами истины, возразил Картезий, чтобы тут же, по требованию скорее развеселившегося, чем раздраженного Фаульхабера, изложить собственные принципы: *le premier était de ne recevoir jamais aucune chose pour vraie*, то есть первое — никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью, *que je ne la conusse évidemment être telle…*

И вот он, испытывая одновременно смятение

---

[39] Примечания: 39

Коссистами именовали себя представители немецкой алгебраической школы XV века (от *cosa*, с *um*. «вещь», как итальянский алгебраист Лука Пачоли называл неизвестную величину).

[40] Примечания: 40

«Слава новой звезды» *(лат.)*; в этой книге Фаульхабер делал предсказания в связи с появлением в 1618 году большой кометы и Тридцатилетней войной.

и облегчение, пришел в свою комнату в половине одиннадцатого вечером десятого ноября. В полном одиночестве он направлялся непосредственно к нулевой точке системы координат, названной позднее в его честь. Эпицентром его духовного потрясения была лишь эта простая съемная комната, которую похожая на сахарницу кафельная печь, высотой ему по грудь, нагрела сверх обычного, так что ему казалось, будто он в пекарне. Потрясающе уютная атмосфера, тепло и безопасность, утешительная мысль о том, что белые льдины дрейфуют по Дунаю и время от времени с глухим грохотом сталкиваются во мгле где-то очень далеко от него, — все это способствовало тому, что Декарт все больше успокаивался, и расслаблялся — и думал, — и видел сны. Таким образом, чтобы разжечь критическую массу в мозгу Картезия, и нужно-то было лишь двадцать два градуса по Цельсию между платяным шкафом, узкой кроватью, деревянным столом и дубовым стулом. Для Внешнего министерства, распорядившегося внедрить Нас в дело, эта простая комната была одним из самых опасных мест в мире, хотя век вокруг этой тихой каморки грозил погрязнуть в огне и войнах, в крови и пепле, алчности и убийствах. Возможно, какой-нибудь тайком

вынесенный из запасников и установленный в соседней комнате аппарат с фонограммой, передавая сквозь стену великую успокоительную музыку той эпохи, сумел бы расслабить мыслительную мускулатуру Декарта, болезненно возбужденную и еще сильнее раздраженную дискуссией с учителем арифметики. Вот только в Ульме тех дней, наглухо закутанном в белое, еще не возносились в воздух плотные ковры звуков, сотканные каким-нибудь Бахом, Генделем или Вивальди (среди них нет ни одного клиента, только первый временами представлялся опасным, но, подобно Нашему Иоганну Фаульхаберу, его достаточно отвлекала огромная орава детей), и во сне Картезий видел сначала только сухие таблицы, а затем узкую серебристую дорожку или мостки, с которых его грозил смести ураганный ветер. Он укрылся в мрачном дворе какой-то церкви. Там к нему подошел некто, желая передать ему для успокоения счеты. При передаче они превратились в спелый арбуз с экзотическим ароматом. Картезий взвесил арбуз в левой руке: тот оказался тяжелым, долго не удержать. Однако его внимание привлек кто-то, в темноте едва различимый, какой-то ощутимо сильный и своевольный человек или сущность, которая

немного погодя прохладной мягкой рукой (кого же она напомнила?) забрала у него груз.

Через мгновение во тьме сверкнул серебряный клинок, и в руке у Декарта вместо тяжелого плода возник большой его кусок, аккуратный поперечный срез, вспыхнувший красным, словно раскаленный уголь. Темные семена в сочной мякоти странно двигались, все удаляясь от центра, так что, вместе взятые, образовали у корки геометрическую фигуру — шестиугольник, тут же, однако, опять преобразившийся — в явный двенадцатиугольник, стороны которого в середине вновь разделились, так что фигура становилась все более многоугольной и плотнее прижималась к окружности.

— Метод Архимеда, он всего лишь хотел вычислить число пи — но ты велел его казнить!– с упреком сказал невидимка во тьме. Голос был женским,– очевидно, Мы имели дело с какой-то внушительной дамой.– *Noli turbare circulos meos* — подумаешь!

Разумеется, упрек был обращен не к Декарту, а напрямую к Нам, словно темная дама (постепенно глаза Картезия во сне привыкли к темноте и проступили горделивые очертания) на самом деле сказала молодому философу нечто совсем

иное, через что Мы видели насквозь, как сквозь серый туман.

— Элеонора Альбертина? — ясновидчески предположил Картезий, поскольку во тьме, по-прежнему освещавшейся лишь мерцанием арбуза, вырисовывалась скорее фигура мадам Фаульхабер, а внутри у нее, казалось, шевелится, желая выбиться на поверхность, еще более сильное и, видимо, куда менее предсказуемое и морально устойчивое существо.

Пока молодой сновидец, охваченный страхом и вожделением, задавался вопросом, не собирается ли она вновь опробовать на нем свои франкфуртские трюки, Мы заглянули в нее еще глубже, чтобы за внушительными декорациями мадам Фаульхабер и опасно пульсирующим кокетством графини обнаружить нечто похожее на…

— Геометрические фигуры, платоновы тела! Любовь как прекрасная тюрьма! — прошептала мощная темная дама, и вот Картезий уже вынужден был констатировать, что, пытаясь подойти к ней, он оказался заключенным в нечто вроде архимедовых многоугольников в окружности, только объемных, в третьем измерении (представлять предметы в еще большем количестве измерений человекам вряд ли под силу), своего

рода пирамиду из соединенных твердых прутьев решетки.

Едва он, следуя за отступающей, манящей, мерцающей темным светом мадам Фаульхабер-Элеонорой-Альбертиной, выпутался из треугольного обрамления одной стороны пирамиды, как его окружила еще более сложная конструкция, составленная, казалось, из более мелких, но гораздо более многочисленных, возможно двух дюжин, треугольников. Она почти полностью объяла его, будто на него набросили крупноячеистую сеть.

— Между Венерой и Землей отношения всегда самые сложные, — шепнула Элеонора-Альбертина-Фаульхабер, которая, уплывая по воздуху прочь спиной вперед, видно, каждый раз без всякого труда высвобождалась из фигуры, состоящей из множества треугольников (икосаэдра, как тем временем предположил Картезий), откуда сновидцу приходилось мучительно выворачиваться, демонстрируя акробатическую ловкость, лишь для того, чтобы обнаружить себя заключенным в очередной фигуре прямо-таки ужасающей сложности, в кубе из многоугольников (видимо, шести- нет, пятиугольников), воткнутом, в свою очередь, в пирамиду.

Эти жуткие, вклинившиеся друг в друга, пе-

реплетенные, сцепленные геометрические фигуры-решетки, куда Элеонора Альбертина заманивала его, как в ловушку какой-нибудь самки математического муравьиного льва, дали Картезию (что вполне объяснимо) мощный импульс к бегству. В силу натренированности ума он внезапно осознал, где находится, а именно в земной Солнечной системе, орбиты планет которой астроном Кеплер ранее объяснял с помощью системы вписанных друг в друга правильных платоновых тел[41] (деревянные модели на верстаке месье Фаульхабера!), из каковых каждое имеет вписанную и описанную сферы, и тем не менее вдруг испытал весьма отчетливое желание выбраться из навязанной стесненной обстановки в предоставленном человекам жизненном пространстве (той темнице, где сверкающие острия гвоздей, фиксирующих ее крышу, приукрашивая, величали звездами) и закрыл глаза, чтобы найти путь.

И почему Мы в этот момент немедленно не прибегли к крайней мере — *ultima ratio*?! Если уж Мы

[41] Примечания: 41

В первой опубликованной книге «Тайна мироздания» («Mysterium Cosmographicum», 1596) Кеплер предполагал, что соотношения орбит шести известных к тому времени планет Солнечной системы определяются вписанными друг в друга правильными многогранниками.

не пощадили Архимеда, потому что тот палкой чертил на песке нечто, *однозначно* (моя дорогая Ысстх!) выходящее за рамки иллюстрации его метода многоугольников для определения Лудольфова числа, то тут уже давно следовало бы пойти, разумеется, отвратительным и тягостным путем экстерминации. (В этом случае Внешнее министерство ловит тебя, еще сидящего в седле, в то время как ездовое животное уже скончалось.) Однако, поскольку Мы медлили и вскоре вынуждены были констатировать, что уже не способны действовать, произошло нечто небывалое в истории связанных с порталом операций. Наша последняя попытка втолкнуть Декарта обратно в лабиринт платоновых тел привела в столь сильное негодование возбудимый и необычайно мощный мыслительный аппарат Нашего клиента, что он, так сказать, катапультировал Нас из себя и выкинул в туннель, который Внешнее министерство создало как проход в Ульм тех кровавых времен. Мы абсолютно беспомощно залипли там, как если бы человеческое существо, чихнув, отхаркнуло Нас на стену, и при каждой попытке вернуться Мы запутывались, как знаменитый воробей этого города, который хотел пробраться в узкую щель с веткой в клюве, пусть

даже в третьем измерении, а не в Нашем родном седьмом. Раздался ужасный грохот, словно в мозг Картезия ударила молния (это были Мы, несколько недель назад, но теперь он вдруг это ощутил и перешел к обороне). Он резко открыл глаза. Жарко натопленная комната с низким потолком, казалось, переполнилась искрами, словно в ней взорвалось множество петард, разодрав решетки платоновых тел.

От большого арбуза чувственного бытия не осталось ничего, кроме странной, противоестественной сердцевины, похожей на ядро грецкого ореха размером с яблоко. Это образование показалось Картезию заместителем его собственного мозга или, точнее сказать, обычно невидимым, неосязаемым, летающим, подобно призраку, в любом черепе разумом! Хотя решетки и арбуз разлетелись на тысячи кусков, они все еще существовали — в этом ядре мысли, которое лежало, как плод, в его руке и, казалось, абсурдным образом по-прежнему весило три килограмма. Не существовало ничего более настоящего, чем это его ядро! Можно было представлять, что видишь сон, просыпаешься, опять видишь сон, наполненную искрами комнату, разорванные платоновы решетки, образ мадам Фаульхабер, в которой

сидит графиня Элеонора Альбертина Шевиньяр де Шавиньи, — все это могло быть иллюзией или гротескной картиной действительности — но этот мыслительный аппарат, этот массивный грецкий орех, регистрировавший те картины, что бы они ни хотели представить и чем бы ни являлись, было невозможно удалить, пока ты жив, даже если во сне их все вместе можно обхватить пальцами, как безумно тяжелый камень.

Мы услышали возглас Декарта «Est et non!»[42] — но продолжали торчать в туннеле, как тот воробей, прижатые к стенке силой картезианской мысли, словно энергией, сгенерированной мощной ветровой турбиной.

Мы еще раз попытались высвободиться, но тщетно. В истории земных миссий смертью (в первую очередь) для агентов закончились не более дюжины случаев. В принципе это возможно, только если вовремя не найти выход из клиента, или же ездового животного, поскольку из-за абсолютно непредусмотренного летального исхода (выстрел, вызвавший мгновенную смерть, непредвиденный взрыв или что-то подобное)

[42] Примечания: 42

«Да и нет!» *(лат.)* — эти слова произнес неизвестный человек в третьем сне Декарта, когда тот листал книгу со стихами Авсония. После этого книга и человек неожиданно исчезли, оставив Декарта в недоумении.

туннель уже закрыли. Кроме того, разумеется, существует реальная опасность стать птицей без неба или птицей, которая, летая по Вселенной, никогда уже не доберется до своей планеты. В садоводчески одаренных Нидерландах именно тому Картезию, который сейчас грозил уничтожить Нас, однажды пришла в голову мысль, что человек подобен тюльпану, его драгоценный цветущий разум не может существовать без корней тела в земле материи. Как раз в тот момент, когда Нам самим грозило окончательно их утратить, как раз когда Мы сказали себе, что, возможно, впервые придется околеть *в* или *на* еще живехоньком теле клиента, Мы почувствовали аааух!рру! Нашей коллеги Ысстх! Это и правда она пряталась в графине, сидевшей в Фаульхаберше! Теперь она вернулась, чтобы вновь взяться за это дело. Она жаждала компенсации за изгнание в Бреде. Давление стены на Нашу воображаемую спину ослабло, и Мы уловили, угадали, пред!восхвосторрр!или! присутствие Ысстх! протискивающейся в туннеле мимо Нас прискорбно быстро, со свойственными ей порывистостью, необычайной нахрапистостью и беззастенчивым тщеславием. Нам пришлось удалиться (радуясь, что избежали уничтожения). Ысстх! же, напро-

тив, прибыла — и запрыгнула прямо в Декарта, которому столь бесславно проиграла в Бреде.

«Ego sum, ego cogito, certum est!»[43] — услышали Мы напоследок его бормотание, но могли ведь и ослышаться, прежде чем исчезли…

…и все же вновь объявились, из глубин прошлого. Все однажды становится воспоминанием, когда миссии заканчиваются. Лежа, Мы дрейфуем наверх, к свету будущего, в котором время обходится с живыми существами значительно деликатнее и века мирно покоятся рядком в свалявшейся шерсти часов, как тесно прижавшиеся друг к другу овцы.

— Ульм, — шепчем Мы, ощущая, что Нас поднимают и сладострастно опрокидывают на спину. — Ульм!

Кто-то скачет на Нас верхом, должно быть, Ысстх! которая хотела бы проникнуть в Нас и, возможно, что-то в Нас уничтожить. Но тут Мы, к счастью, обнаруживаем, что вокруг Нас Манфред, а наверху видим распростершееся белое тело с кудряшками пуделя.

— Ульм? — шепчет в ответ Майке, Зильке, нет, Изабель. — Уже не понимаешь, где находишься?

---

[43] Примечания: 43

«Я существую, я мыслю, определенно!» *(лат.)*

Бывает. — Она берет в руку торчащее средоточие Манфреда и двигает им так, что оно как будто кивает. — Все порой теряются, но находятся всегда между Венерой и Землей. Если хочешь, сегодня мы назовем Венеру Ульмом, чувствуешь ее? В Ульме и вокруг, и вокруг…

VI. Вторая проблема

1

В темное помещение, где в центре стоит высокое зеркало, заходит женщина. Помещение обставлено мебелью, стеллажами, полными книг и множества всяких мелочей. Это можно заметить, когда женщина подходит к еще невидимому для нее зеркалу и лампы на потолке на одну-единственную секунду заливают все ярким светом. Помещение тут же вновь погружается в темноту. Однако Мы вправе предположить, что мириады световых лучей, которые за короткий промежуток освещенности прощупали все в этих стенах, еще блуждают в темноте с безумной скоростью и рассеивают зафиксированные образы до неузнаваемости.

— Задача теперь состоит в том, чтобы из крайне запутанных световых впечатлений, как бы из дезорганизованной и померкшей памяти помещения, воссоздать образ женщины в момент, когда она подошла к зеркалу.

— А почему женщины? — с насмешливым упрямством спросила Сабина. — Разве не сгоди-

лась бы и кошка или яблоко на стуле?

— Конечно, — ответил окружающий Нас Манфред. — Но так сформулировал задание Аксель в том письме, которое передал мне твой муж на вечеринке.

— А женщина перед зеркалом стояла голой?

— Для алгоритма это не имеет значения.

— Она могла бы быть голой?

Сабина явно собиралась открыть новый канал между собой и Манфредом. После курсов французского (с Декартом покончили, теперь там опять говорили о высших достижениях культуры вроде кулинарных рецептов и телевизионных передач) она, вновь перехватив инициативу, предложила Манфреду выпить еще по коктейлю в кафе, куда они однажды уже заходили.

— Речь идет только о реконструкции какого-нибудь образа, будь то женщина, яблоко или обезьяна.

— Женщина с яблоком и обезьяной — звучит как название интересной картины.

С легким изумлением (он ведь уже привык к тому, что из него неожиданно вылезает много всякого) Манфред услышал, как со знанием дела объясняет теоретическую сторону проблемы, поставленной перед ним продолжающим оста-

ваться в тени Акселем. По сути, он использовал принцип квантовой теории, который заключается в том, что световые лучи в темном помещении соответствуют неопределенному многообразию всех возможных путей между двумя точками. Нужно было искать нечто, внимательно не всматриваясь, поскольку это уничтожило бы столь чувствительный предмет, систематизировать нечто столь хрупкое, что стоит взять в руки — и оно распадется.

— Боюсь, для меня это слишком оторвано от действительности, — немного погодя прервала Сабина разглагольствования Манфреда, достигшие неожиданных абстрактных высот. — К чему все сводится — в смысле, какой прием ты использовал, каково твое решение проблемы?

Ключ к решению — это, конечно же, отражение в зеркале. И абсолютно не важно, что находится перед отражающим стеклом — женщина, голая обезьяна или очищенное яблоко на стуле. Впрочем, еще раз подчеркнул Манфред, проблема чисто теоретическая, совершенно бесплотная. Аксель занимался весьма своеобразными и запутанными головоломками.

— У него проблема с собственным телом! — неожиданно громко воскликнула Сабина.

— А у тебя? — заставили Мы Манфреда уточнить, хотя его прежнее гимназическое «Я» ужаснулось этому и тут же собралось принести тысячу извинений.

Сабину, покрасневшую и на секунду застывшую, эти три лапидарных человеческих слова и впрямь, похоже, задели, словно каверзный вопрос психотерапевта или психоаналитика (Нам сразу вновь вспоминается маэстро из Вены с его тоской по клиторальной вагине, и эта тоска суррогатно утолялась лишь сигарой, которая ужасно медленно торпедировала его к смерти еще до того, как ему могло прийти в голову пересечь портал и он заставил бы Нас основательно потрудиться). Откашлявшись, она сказала так, словно на нее давил тяжелый груз:

— Можно… в некотором смысле… утратить собственное тело, ну то есть… простую, детскую или… животную… связь с ним. — Она съежила сильные плечи, стремясь выглядеть как ребенок, но все же вперед выступили прежде всего ее свойственные млекопитающим округлости.

Мы догадались о ее намерении. Она намекала на то, что они с ее чистеньким, постоянно сияющим улыбкой во все тридцать два зуба супругом Рональдом в совместных начинаниях утратили

тесный физический контакт друг с другом. Может, потому, что она стала — как бы сказать?– в анимальном смысле стерильна? На вечеринке на белой вилле Рональд прямо-таки слюной исходил при виде курчавой, как пудель, Майке-Изабель, и вполне можно было предположить, что супруга махнула на него своей белой рукой, что, вероятно, в ходе операции возмездия холодно прописала ему полную завязку, каковую искусно культивируют многие человеки женского рода. Пока Манфред (не избавленный от преданности школьной подруге даже теми благодеяниями, что до сих пор оказывала ему Майке-Изабель) в баре, все еще назойливо ярко сверкающем по случаю *X-mas*, безмолвно пожирал влюбленным взглядом свою БОГ!ГХИНЮ! Сабину, Мы раздумывали, не надавить ли все-таки на нее как следует, что быстрее привело бы Нас к истинной цели: отыскать длинное, возможно больное или даже немощное тело Акселя вместе с его опасным разумом.

Словно предчувствуя это, Сабина вновь расправила плечи и, отделенная от Манфреда только маленькой металлической столешницей, не вставая, вся подалась навстречу Нашему подопечному, сделавшись едва ли не выше ростом

и будто ощутив внезапное просветление, и вдруг показала ему маленький стилус, так, будто поймала блестящего экзотического жука, которого Манфреду очень не хватало для коллекции.

— Есть другая проблема, от Акселя. Очень сложная. На этой флешке ты найдешь все документы по ней. Если… — быстро вложив стилус в холодную от болезненного волнения ладонь Манфреда, она обхватила ее длинными, белыми, теплыми пальцами, — если ты решишь эту проблему, было бы возможно… совершать невероятные вещи.

Может, так она пообещала Манфреду позволить ему работать вместе с ней над возвращением контакта с ее анимальным телом? Признаться, своенравной порывистостью, своими постоянными требованиями она уже так действовала Нам на нервы, что Мы подумывали, не применить ли к ней *ultima ratio*. Но Наш Манфред, сжимая согретую флешку, трепетал от счастья.

2

В файлах Акселя Мы нашли АНТУ, КУЙЕН, МЕЛИПАЛ, ЙЕПУН. Присмотревшись внимательнее, Мы обнаружили ФЛЕЙМС, ФОРС1, УВЕС, ВИЗИР и ИСААК. Гигантские сверкающие офтальмоскопы, направленные к небу. Их родные места

расположены не на Нашей территории (Южная Америка уже много столетий относится к зоне ответственности! Лаффхс!а). Поэтому даже Нам потребовалось время, чтобы осторожно подобраться к ним с помощью клацающих клавиатур вычислительных машин Манфреда (недавно Мы приобрели ему три устройства высокой производительности, по меркам человеков — сущие болиды). Во тьме безлесных возвышенностей цвета ржавчины и сланца, по которым ведет одна-единственная грунтовая дорога, запрещалось разжигать костры и устанавливать фонари. Окна единственной на всю округу гостиницы вечером следовало завешивать идеально пригнанным затемнением. Машины полагалось использовать только белые и снабжать их фосфоресцирующими полосами, чтобы их можно было разглядеть, когда по ночам они с тусклыми габаритными огнями едут по дороге среди холмов в пустыне. Ни один город, ни одна деревня, ни один населенный пункт не нарушали мерцанием грязного света темную ночь на высоте двух с половиной тысяч метров. Сухой и недвижимый воздух едва ли когда колебали порывы ветра, так что ни одному из наставленных на звезды гигантских глаз не случалось моргнуть или проронить хоть одну

механическую слезинку.

— Ага, АНТУ — это солнце и свет, — поняла довольная Майке-Изабель.

Только Мы добились того, что Манфред вставил блестящую флешку Сабины в самую мощную вычислительную машину, как Майке-Изабель позвонила в дверь, поскольку, по ее словам, получила возможность насладиться выходным днем. И все же она Нам не мешала. Проблема Акселя требовала с Нашей стороны столь масштабного захвата нервозной, слабой аппаратной части Манфреда, что сбалансировать Нашего клиента лучше всего можно было ритмичной контратакой на его софт-чувственную базу. АНТУ — это женщина, которая, раскинув волосы, подобно лучам, лежит на спине и отдает себя с улыбкой, заявила Майке-Изабель. Ну ладно, Мы не возражаем.

Однако вернемся к обязанностям. Нам нужно было внимательнее проглядеть файлы Акселя. Мы и раньше подозревали, что речь идет о каком-то астрономическом проекте. В общем и целом исследования неба человеками не слишком Нас беспокоят. Нужно сказать, ближе всего к истине они подошли, когда предполагали, что их планета — это диск, над которым вращается купол,

освещенный тысячей маленьких свечек. То, что они считают колоссальными успехами, начиная от ориентированных строго по сторонам света пирамид или каменных станций для измерения и наблюдения в их храмах, с первой подзорной трубы с рассеивающим стеклом и шаткого телескопа до больших обсерваторий, гигантских вращающихся железных ушей и раскрывающихся куполов, из которых выдвигаются рефракторы с компьютерным управлением, Мы воспринимали с мягкой понимающей улыбкой. По сути, эти успехи похожи на бредовые представления лабораторной мыши-долгожительницы, которая плутает по все более ступенчатому лабиринту со все большим количеством ловушек и коварных дополнительных измерений — бесконечно, безысходно, безнадежно, на протяжении тысячелетий. Поэтому Нас не особо беспокоило, когда воздушную оболочку Земли покидали первые геофизические ракеты, плывущие в космосе жестянки с шипами, уходящие в свое большое плавание во тьму, облетающие Луну, красный Марс, окольцованный Сатурн, бесполезные, но умеющие себя подать в лучшем свете небесные тела по соседству, столетиями занимавшие человеков, хотя те все яснее понимали, в какие

чудовищные звездные пустыни заброшена, похоже, их крошечная, отделанная под голубой мрамор планета.

КУЙЕН, бледную Луну, женщина лучше всего изображает, когда сама наблюдает только колени, голени и стопы мужчины или опирается на них с закрытыми глазами (чтобы видеть более красивые картинки), двигаясь по своим коротким эллиптическим орбитам, утверждала Майке-Изабель. Не прошло и двух часов после ее визита к завтраку, как она вновь позвонила в дверь Манфреда, чтобы его подбодрить, ведь ему, похоже, приходится выполнять какие-то жутко сложные и тягомотные работы на компьютере. Нам и впрямь казалось, что еще одна разрядка ему на пользу, поскольку после этого он с большей готовностью позволял взнуздывать и направлять себя, почти как если бы растянул современный солнечный парус. После повторных марш-бросков по файлам Акселя намерения давнего школьного друга стали постепенно проясняться. Нам следовало отнестись к нему всерьез, в его великолепном отсутствии. АКСЕЛЬ явно был причиной и возбудителем сигнала тревоги — и целью Нашей миссии! То, как он намеревался управлять теми четырьмя глазами-телескопами

обсерватории в чилийском высокогорье, выдавало столь дерзновенное понимание устройства так называемой у человеков Вселенной, что Мы не могли скрыть уважение. Пальцы Манфреда сновали по клавиатуре, и с каждым нажатием клавиши Нам становилось все яснее, чего, по-видимому, ожидал от него затаившийся коллега.

Во второй половине дня Майке зашла выпить кофе, прихватив с собой обсыпанный сахарной крошкой пирог и термос. Обычно она мало что приносила, поскольку их с Зильке квартира располагалась всего этажом выше. МЕЛИПАЛ, Южный Крест, можно изобразить, если кто-то (скажем, Манфред) ляжет, раскинув руки в стороны и вытянув ноги. В этих регионах есть Южный Крест и Акрукс, Шкатулка с драгоценностями, и темный Угольный мешок. Однако Аксель нацеливался не на такие традиционные объекты или их констелляции. Если другие при помощи четырех гигантских глаз обсерватории выискивали мрачные планеты в тени солнц, в десятки миллиардов раз более ярких, или выслеживали черные дыры, по диффузному краю которых кружат коричневые карлики, то Аксель, кажется, придумал совершенно новый способ наблюдения, задействующий в почти непостижимо всеохватной

поисковой кампании не только четыре основных телескопа, но и более мелкие вспомогательные, которые можно подкатывать по рельсам.

— Он намеревается осуществить *Deep Impact*[44], — объяснили Мы Майке-Изабель, которая заявила, что стремится к тому же, и пообещала заглянуть еще раз после ужина на что-то, что она назвала «бокальчиком», поскольку желала — хотя бы в спортивно-медицинских целях, недаром же она медицинская сестра-стюардесса, — и дальше исследовать Манфреда.

Конечно, сейчас Мы могли бы еще раз навестить Нашего клиента (и стабилизировать некоторые его части, применив Нашу испытанную стратегию перчатки), чтобы запустить программу «ЙЕПУН = Венера». Однако при всех расчетах, которые Мы вынуждали Манфреда проводить за вычислительным ящиком, и при всех расслабляющих упражнениях, каковые ему предписывала Майке-Изабель, Мы вовремя распознали одну деликатную проблему — или, точнее, две, ибо и Нас посетили сомнения, когда веселая соседка стала размышлять, не привести ли с собой на условленный бокальчик коллегу Зильке-Марину, желав-

---

[44] Примечания: 44
Здесь: глубокий контакт *(англ.)*.

шую как-нибудь воочию убедиться в маленьком чуде неустанных Манфредовых восставаний. Дозировать следовало не только нагрузку коры головного мозга, неизбежную при интенсивном использовании Манфредова тела, но и — как это, вероятно, выразила бы Ада Лавлейс — натяжение нежных струн его сердца. Потому что он, хотя и обрел с веселой и ловкой Майке-Изабель и благодаря ей (и Нашей небольшой андрологической поддержке) уже утраченную было некоторую уверенность в себе как человеческом существе мужского рода и научился высоко ценить двойную прелесть пудельковых кудряшек, гибкость и веселый профессионализм соседки, но так и не смог расстаться с образом Сабины. А вдруг он сумел бы простым способом помочь ей вернуться к собственному телу, и разве не обещала она ему нечто невероятное, в случае если он решит задачу на компьютерной флешке?

Он собрался тут же приступить к работе. Мы отправились с ним не сразу, и поэтому вскоре он уже в растерянности таращился на три поставленных Нами в ряд монитора и головоломные загадочные шифры на них. Если сейчас Майке-Изабель приведет еще и Зильке-Марину, он больше вообще ничего не добьется и, возможно,

даже предастся пороку способом, немыслимым с жизнерадостной Майке. Поскольку блондинка Зильке, ее соседка по квартире, которая часто кажется злобной и очень замкнутой, приводила его в нехорошее возбуждение и более того — внушала смутный страх. Непостижимо, но Мы при виде Зильке ощущали себя ненамного лучше. Именно в последнее время — когда Мы видели ее за чашечкой (не бокальчиком) эспрессо или всего лишь издали в подземном гараже, где она вместе с радостной Майке садилась в Наш «ферруччи» (Мы по-прежнему с удовольствием разъезжали в олдтаймере, столь высоко оцененном Сабиной), — внушающий беспокойство блеск, исходящее от нее на редкость зловещее сияние еще усилились. Должно быть, она была благом лишь для весьма особого круга клиентов, но ни в коем случае не для такого романтического героя, как Наш Манфред.

В общем, Мы объяснили Майке-Изабель, что этим вечером у Нас действительно больше нет времени ни на один бокальчик, ни на два, поскольку нужно выполнить срочную работу. И пообещали однажды что-нибудь предпринять или сотворить с ее подругой и коллегой, и ни за что не собирались утверждать, что к ее тихим,

хищным прелестям у Нас иммунитет.

Есть вещи, которые не стоит завершать слишком быстро. Это касалось и второй проблемы Акселя, оказавшейся на поверку целым рядом логических, научных, математических задач. Осмысляя странные операции, каковые давний школьный приятель Манфреда намеревался произвести с чилийскими телескопами, непременно упираешься в два критических момента. Во-первых, хитрец Аксель все еще недостаточно описал задачу, которую стремился решить. Если Мы дадим ему все, чего он хочет, как если бы Мы привинтили на его «ферруччи» четвертое колесо, он может улизнуть, не взяв Нас с собой или не сказав, куда, собственно, уезжает. Во-вторых, какими бы значительными по меркам человеков ни казались подземные вычислительные машины, поддерживающие телескопы в чилийском высокогорье, их никоим образом не хватало для обработки гигантского потока данных, которые планировал перехватить Аксель. Как он, собственно, собирался убедить руководство обсерватории одобрить столь загадочную операцию или так называемую кампанию, до предела нагружающую оборудование? В этот момент, рассудили Мы, в дело, вероятно, вступит госпожа

профессор, дважды доктор Зандштрём. Она вела себя так, будто хорошо знакома с Рональдом и его проектом, и, казалось, связана с Акселем далеко не только родственными узами. В конце концов, весь комплекс телескопов в Чили, как об этом с гордостью писали повсюду, финансировался исключительно европейским ведомством по научным исследованиям, верховной главнокомандующей которого была она!

Запутанные отношения! Мы угостили перетрудившегося по многим каналам Манфреда безобидным бокальчиком красного вина, а себе разрешили вдогонку еще и слизисто-зеленого стрегацотти, а затем откинулись на подушки и закрыли его глаза. Ему, конечно, тут же опять приснилась священная Сабина, которая жаловалась на свое роскошное тело, ставшее для нее самой недоступным. Да, сейчас ему позволили недолго подержать ее за руку! Она постоянно давала ему чуть больше, в строго рассчитанной дозировке, — именно так Мы теперь поступим и с Акселем.

3

Нужно было решительно и быстро завершить или, точнее, подвести к удовлетворительному

решению или разрешению кое-что другое. Так было даже в случае с великим Картезием, который опять с Нами… поскольку, что ж, возможно, все дело лишь в этом особенном взгляде, который бросает на Нас блондинистая Зильке-Марина, садясь на переднее пассажирское сиденье нашего «ферруччи», за рулем же, как ни странно, всегда только ее подруга (как будто сама Зильке-Марина вовремя не получила водительские права). В ее голубых глазах мерцает что-то, похоже, не совсем из этого мира или времени. И Мы уже вновь ощущаем, как Нам в лицо сыплет снег семнадцатого столетия, словно белые снежинки плыли вниз по воздуху четыреста лет, и Мы видим вокруг себя занесенный снегом затейливый Ульм, за столом учителя арифметики Фаульхабера раздираем руками жареную дичь, запивая большими глотками белого рейнского вина, и поднимаемся вслед за его величественной женой сквозь запутанные сферы вселенной Платона, пока не разжигаем в ней пыл Элеоноры Альбертины и при последнем сближении Нас вдруг не опаляет пламенем страсти Ысстх!

Если бы не странная аберрация Ысстх! Нам наверняка не вспомнилось бы вновь дело Декарта. Но после того, как в городе ульмцев Нас изгнали,

буквально выхаркнули, она не только навела порядок, вправив Картезию мозги (так что он послушно записал: «Car, commençent dès lors à ne compter pour rien les miennes propres» / то есть раз он однажды уже начал считать собственное мнение ничтожным / «j'étais assuré de ne pouvoir mieux que de suivre celles des mieux sensés» / то почел за лучшее следовать человеческому здравому смыслу), но и непрестанно оставалась с ним, по ее словам, для надежности, однако она висела на Картезии, цеплялась за него, липла к нему, как Манфред к проклятой давней школьной подруге Сабине. После фиаско в Ульме, через туннель повторно внедрившись в него и освоившись в нем, она уже не спускала с него глаз — при этом у нее хватило ума не слишком долго засиживаться за его глазами и вскоре спрыгнуть с очень опасного седла его мозга.

В Париже она, кажется, даже дралась с ним однажды на дуэли, то есть завладела каким-то фехтующим наглецом человеческого рода, который сперва оскорбил Картезия, а затем вызвал его на дуэль. Анналы умалчивают о том, как ему удалось победить ее, хотя в ее распоряжении наверняка оставалась Малая Лупа Времени. (Он вытягивает руку вперед, словно медлительное

ветряное колесо, а она жалит, как оса на лету!) Во всяком случае, она вовремя покинула проигравшего в поединке и нашла новое ездовое животное вблизи Картезия, чтобы на свой необъяснимый манер быть ему одновременно и другом, и врагом.

Отрадно, что в последующие годы она побудила его написать такие труды, как «Discours», «Meditationes», «Principia philosophiae»[45]. Возможно, именно она не давала ему останавливаться и внушила здравую мысль, меняя квартиры и города, ограничивать радиус действий Нидерландами, так что ему не случилось, как Галилею, катиться по наклонной плоскости в ад ограниченных умов, или, как астроному Кеплеру, с большим трудом, ведя судебные тяжбы, вызволять смертельно больную мать из тюрьмы инквизиции, куда ее бросили из-за бесчинств правомольного императора Фердинанда (Мы с недобрым чувством вспоминаем высокомерное выражение его лица под короной, которую ему надвинули на лоб во Франкфурте).

Когда Картезия в его скитаниях по Нидерландам, не прекращающихся целых два десятилетия,

---

[45] Примечания: 45

«Рассуждение о методе», «Размышления о первой философии», «Первоначала философии» *(лат.)* — основные труды Декарта.

однажды вновь занесло в Амстердам, у человеков шел 1632 год (и *ulmense* только что заключили соглашение со шведским королем, ошибочно полагая, что в будущем его войска их пощадят), он поселился у одного книготорговца в доме со всеми удобствами, а Ысстх!– в его столь же основательной экономке, в которую втиснулась без колебаний. Внезапно оказалось, что эта служанка, и без того довольно помпезно звавшаяся Хеленой Янс ван дер Стром, читает на четырех языках и вмиг проглотила все произведения и самого их создателя, рыжеволосая, пышущая здоровьем, с мраморно-белой кожей под одеждой, а теперь и божественно пылкая. Ысстх! пребывая в ней, до того завелась, что преступила одну из немногих границ Наших миссий: в своем прямо-таки содомитском влечении к этому самцу из рода человеков позволила семени Картезия упасть на благодатную почву. Дрейфуя, так сказать, в токах страсти[46] Хелены, она с наслаждением наблюдала за тем, как развивается гибрид ее инородной похоти и страстного желания Картезия пережить себя физиологически и больше не ведать сердечного одиночества.

---

[46] Примечания: 46

Намек на фамилию Хелены, которая переводится как «поток» *(нем.)*.

Получилась хорошенькая, чрезвычайно умная девочка — признаться, с большим носом.

Здесь Мы особо подчеркнем, что со стороны Внешнего министерства не было ни оснований, ни повода, ни указания с помощью скарлатины убить на пятом году жизни плод обоюдного чтения тел, дочурку Франсину, которую Картезий любил больше всего на свете. Даже если такая ослепительная искра гениальности и перелетела бы от отца (или даже от Ысстх! возможно слишком заплутавшей в усовершенствованной ею Хелене!) на безусловно высокоодаренное дитя, так что малышка Франсина вдруг оказалась бы способна представить себе нечто неслыханное, вроде перехода через портал, и собиралась выболтать эту тайну подружкам по играм, Мы не стали бы вмешиваться, а выжидали бы, пока не возникнет опасность, что ее воспримет всерьез кто-то из современников, кого следовало воспринимать всерьез. Можно предположить, что Франсина погибла просто потому, что медицина у человеков в этом столетии еще пребывала в ужасающе отсталом состоянии. Ысстх! в этом случае тоже не приняла решительных мер то ли потому, что не всегда находилась рядом с Картезием или, точнее, в токах страсти Хелены и не заметила

болезни ребенка (в этой версии биографии), то ли поскольку все же соблюдала строгий запрет на привнесение неземных методов лечения.

Чтобы утешить убитого горем Картезия, Ысстх! начала писать ему — издалека, ибо знала, что глубокие душевные раны человеков лучше всего врачевать дистанционно, на расстоянии, которое тот век преодолевал лишь со скоростью конной повозки, с большими интервалами в переписке и, едва ли не как следствие этого, с написанием длинных посланий в часы одиночества и сосредоточения. Мало-помалу, словно каждый раз заново накладывая на рану свежие целебные слои, пыталась она смягчить его боль одним исписанным листом за другим.

Таким образом, по меньшей мере половина писем, адресованных молодой шведской королевой Кристиной знаменитому ныне Картезию и свидетельствовавших о ее учености и обучаемости, вышла из-под пера (вообще-то, убийственно острого органа) Ысстх!. В безрассудстве эту сомнительную переписку (письменные источники, осевшие в архивах человеков!) превзошла разве что полая фарфоровая головка с высокотехнологичным (Нашим) оснащением, которое Ысстх! судя по всему, проводя отпуск в родных краях,

по случаю раздобыла на каком-нибудь рынке принадлежностей для конструирования искусственного интеллекта и тайком переправила в земные запасники. Мы содрогаемся при мысли об этой жуткой, выражаясь цветистым языком правомольцев, транссубстанциации! В тесном сотрудничестве с одним чрезвычайно ловким амстердамским кукольником Ысстх! — видимо, чтобы компенсировать собственный провал или бездействие в то время, когда умирала дочь, о чем она глубоко сожалела, — создала весьма странную, кощунственную копию Франсины, примерно в половину роста умершей пятилетней девочки, прямо-таки жутким образом похожую на нее, как гладко-глянцевый двойник, вроде того, как высокохудожественная роспись по фарфору походит на живое хрупкое растение или на маленького зверька. Во всяком случае, Декарт, получивший этот подарок от Хелены, то есть биологической, но никак не духовной матери ребенка, скоро был уже не в состоянии расстаться с чудесной куклой. Он брал ее с собой во все путешествия в похожем на детский гробик кофре, который заказал специально для нее.

Вскоре распространились слухи, что у себя дома, в экипажах и каютах он ведет диалог со

странной куклой. Когда из Швеции пришло приглашение обучать молодую королеву в непосредственном общении с ней, он, конечно же, взял кофр с собой и вызвал этим подозрительное отношение к себе на борту галеона, перевозившего его через море. Говорили, что он колдун, у которого всегда при себе чучело маленькой девочки. Нас самих, однако, беспокоило главным образом направление духовных исканий, на которые подвигало главного мыслителя прекрасно вылепленное фарфоровое лицо. Его мощный разум простирался мостом к преодолению смерти — и вот в кабинетах Внешнего министерства вновь прозвучал пронзительный сигнал тревоги. Вопреки ожиданиям, честь вновь заняться этим затруднительным делом выпала Нам, Цорргху, хотя однажды Мы потерпели неудачу. Разумеется, Мы терялись в догадках: неужели Ысстх! больше не доверяют? Или, может, она вдруг устранилась от наблюдения за Декартом, отвлекшись на какое-то другое, более привлекательное для нее дело? Памятуя о ее своенравии и запальчивости, Мы предполагали скорее последнее.

Сразу по прибытии в Стокгольм Картезий тяжело заболел, и поэтому Мы решили в качестве ездового животного ввести в дело лейб-медика

королевы, некоего Иоганна ван Вуллена. Ему поручили заботиться о прославленном, но явно слабогрудом заграничном ученом, который, похоже, плохо переносил северный климат. Первым делом Мы навели его на внезапную идею убрать из поля зрения больного куклу-Франсину. То, что с ней можно свободно беседовать на французском, латыни и греческом, несомненно, было одной из опасных бредовых фантазий охваченного жаром ученого. То, что целительным будет сжечь это творение дьявола, было, в свою очередь, одной из марциальных азбучных истин того века, и потому оказалось не слишком сложно устроить так, чтобы лейб-медик отдал распоряжение предать огню одетую в фиолетовое кружевное платье куклу с подозрительно тяжелой фарфоровой головой и роскошными локонами. Только таким образом можно было избавить пациента от бредовой идеи, будто он разговаривает со своей умершей дочерью. В конце концов куклу, которую Ыстх! используя запретные высокие технологии, сделала чересчур утонченной и потому нежизнеспособной, Мы со взздох!хом облегчения забрали в запасники уничтоженных вещей.

Хотя Картезий, будучи поборником разума и здравого смысла, дал согласие на уничтожение

артефакта, он все же вновь ощущал себя так, будто лишился самого ценного своего достояния. Сначала он потерял очень одаренную, чудесную дочь, существовавшую в действительности, затем свою Хелену с не существовавшими в действительности талантами, которая удивительным образом (после того как Ысстх! покинула ее, можно сказать, через обе ноздри!) полностью утратила знание древних языков и способности к наукам и стремилась лишь к тому, чтобы производить на свет новых детей с грубым краснощеким соседом-трактирщиком. Картезий оставил ее совершенствовать производственный процесс. Он давно уже выступал против любых ссор и насилия в человеческих отношениях. Ощущая все большую враждебность со стороны как лево-, так и правомольцев, которые, все по-своему, обвиняли его в неправильном выборе направления, в каком нужно молиться и за какое сражаться, или в отсутствии этого выбора, а также испытывая по разным причинам финансовые затруднения, он наконец принял настойчивое предложение обучать молодую шведскую королеву у нее на родине.

Тем не менее в связи с этим приглашением Мы задавались вопросом, нет ли тут какой-нибудь

особой уловки Ысстх!. По какой такой причине она, водя пером Кристины, заманила философа в Стокгольм — но там, похоже, ни на что уже не влияла? Если не существовало никакого иного соблазна, никакого другого гениального человеческого существа мужского рода, на которого ей спонтанно захотелось бы перепрыгнуть, возможно, следовало все же предположить вмешательство Внешнего министерства. Неужели Ысстх! впала в немилость? Или пустилась во все тяжкие, уж и не знаем до какой степени?

Исследовав окружение врача и нынешнего ездового животного ван Вуллена, Мы составили себе более точную картину печальных жизненных обстоятельств Декарта в Стокгольме. В конце жизни он оказался в этом варварски холодном, рассеянном по островам городе, напоминавшем замороженный, расколотый мощными ударами топора мозг гигантского тупого медведя, погруженного в вечную зимнюю спячку. Декарта, с давних пор любившего светлые, теплые комнаты и с младых ногтей привыкшего вволю спать на пуховых подушках, будто созданных для вынашивания идей, безжалостный посыльный вытаскивал из постели в половине пятого утра, запихивал в карету и экспедировал сквозь тьму

среди мрачных деревянных домов, скал и ледовых равнин на занятия с королевой, которая якобы только в это время была свободна от предписанных протоколом обязанностей. Подъезжая в полусне, королевский замок *Tre Kronor*, огромное сооружение, он видел лишь темной глыбой, будто наполовину утонувшей в черной ледяной воде. Только когда его ранним утром медленно везли назад, он различал на фоне бледного зимнего неба башни, нелепо сужающиеся кверху, точно из них узловатыми веревками вытягивали душу и здравый смысл.

С конца осени Картезий выходил из кареты в громадный каменный двор замка больным, дрожа в ознобе. Ни разу ему не удалось поговорить с молодой королевой с глазу на глаз. Окруженная напыщенными и раздраженными придворными, не одобрявшими его вредное мировоззрение и подозревавшими, что он хочет, сбив Кристину с толку, сделать из нее католичку (правомолку), она казалась ему одновременно скованной и опасной. Одевалась она так, словно собиралась сразу же после занятий отправиться на охоту, причем она сама представлялась ему пойманным хищником, аффектированной, алчной и сильной, а еще в ней с ее громадными карими глазами

и крупным носом он удивительным образом, точно в зеркале, видел собственный портрет из прошлого, когда был задиристым юнцом. Скрещивал ли он когда-нибудь с ней шпаги в интеллектуальной полемике? Он видел это во снах, что считал непозволительным. Она была похожа на оцелота или снежного барса в двойной клетке — ее на удивление сильного тела и ее двора. Он с радостью обсудил бы с ней свои соображения о страстях души, к которым она проявила горячий интерес в переписке. Он размышлял о том, как бы найти возможность для разговора тет-а-тет.

Но уже скоро он так тяжело заболел, что видел только свою комнату и лейб-медика ван Вуллена, этого добродушного усача, которого Нам, вообще-то, почти не требовалось поправлять или подстрекать к каким-либо особым действиям. Погибшая в огне кукла, похоже, ознаменовала начало ужасного конца знаменитого Декарта. Общая слабость и уныние надежно удерживали его от приближения к ПРАВИЛЬНОЙ МЫСЛИ, для чего необходимы интеллектуальная смелость и уверенность в себе. На него обрушилась ночь, и, как и в случае с дражайшей леди Лавлейс, Мы не без некоторой печали могли бы покинуть место трудов Наших.

Однако внезапно появился повод надеяться, который даже для Картезия находился за гранью вообразимого. Ибо Внешнее министерство по одному ему понятным причинам предписало ЗХА!БРАНИЕ! и доверило эту миссию именно Нам! Честь ЗХА!БРАНИЯ! выпадает в лучшем случае одному из ста высокоодаренных (опасных, обнаруживающих портал) человеков. Тут Нам приходилось признать, что автор «Discours» и «Meditationes» был не прав, полагая, будто душа способна совершенно свободно парить в воздухе и путешествовать среди звезд, подобно птице. Его разум нельзя было спасти без мерзнущих в морозном феврале и в то же время горящих в лихорадке остатков его тела. Мы тоже были вынуждены физически (хотя воспоминание о теле у Нас было вновь отобрано ослеплением) отправиться ненадолго в безотрадную террестрическую Солнечную систему на допотопной колымаге, предстающей в телескопах человеков в виде стремительно промелькивающих светлых полос, каковые они чаще всего сводят к сигарообразному объекту межгалактического происхождения, способному совершать пугающие, противоречащие законам скромной земной физики движения, перед тем как снова исчезнуть, словно его поглотил космос.

На борту у Нас находился погруженный в глубокий криогенный сон Картезий, в то время как в шведской столице процесс умирания вместо него проходили неотличимая от оригинала копия его тела и определенные базовые ментальные функции.

Правда, множество мелких несоответствий копии (которая говорила, горела в лихорадке, корчилась, покрытая потом, на деревянной койке в продуваемой сквозняком комнате в том мрачном Стокгольме 1650 года) оригиналу, спасенному в Нашем транспортном средстве, складывались в не вполне согласованную картину болезни, что могло смутить специалиста. Так, вновь оставленный Нами наедине с самим собой внимательный лейб-медик ван Вуллен, после того как Мы отключили копию Картезия, составил логично абсурдное медицинское заключение, позволявшее наряду с воспалением легких предположить и отравление больного.

Следует также упомянуть и осудить малодушие и низость человеков, которые, хотя и перевезли мнимые останки Декарта в Париж, тайно закопали их там в землю без всяких речей, опасаясь, что какой-нибудь оратор воздействует на публику, взяв за основу его опасные учения. ЗХА!БРАНИЕ!

должно быть, совершенно потрясло Ысстх! (если она вообще его заметила). Она ведь уже сделала самое умное, что можно было сделать на ее месте, а именно полностью устранилась с линии огня! Такое ощущение, что позднее, после того как Кристина отреклась от престола (тоже ушла в отставку!) и покинула родину, Ысстх! вновь приблизилась к ней и кочевала с ней по Европе (это объясняет некоторые криминальные странности). Затем она опять-таки пропала из поля зрения, и Мы можем сказать: если она собиралась без лишнего шума закончить жизнь как человеческое существо, это было бы допустимо, но если она хотела сжигать, опалять и убивать, то ее ожидает неминуемая СМХЕЕЕ!РТЬ! (Внешнее министерство всегда допускает бесследную ассимиляцию, однако безжалостно карает злоупотребление властью). Картезий же получил возможность — даже с зыбкой опорой на свое немощное тело (так называемую на наших просторах МХУ!МУ)– жить дальше, наслаждаясь этой новой, чудесной, весьма удивительной и утешительной жизнью, которая могла длиться по человеческим меркам лет двести. Когда-то он

написал: «Bene vixit, bene qui latuit»[47]. В таком укромном месте, как у Нас, никто из землян больше не помешает ему в его славной жизни.

4

Сейчас за плечами у Манфреда три крайне напряженные деловые недели. Надо сказать, что он ощущал себя сорванным листком на ветру, в бурю или в ураган, поскольку, пересаживаясь с самолетов на поезда и машины, посещал короткие и мучительные или длинные, но не менее мучительные конференции почти всегда с мигающим и мерцающим переносным компьютером на коленях, в котором за открытыми в данный момент таблицами уже обрабатывал статистические данные для следующей встречи. Он вел переговоры, клялся, покупал и продавал, он с головокружительной для человеков скоростью оперировал все более внушительными денежными средствами, он заглядывал в лица банкиров и менеджеров, обескураженных и в кураже, за ним толпились ликующие инвесторы, воодушевленные управляющие хедж-фондами ставили на его акции, гиперактивные алчные

[47] Примечания: 47
«Хорошо прожил тот, кто прожил незаметно» *(лат.)*.

алгоритмы наводняли регистры его мозга почти немыслимыми суммами. Когда человеки зажгли на своих зеленых венках четвертую красную свечу[48] (или синюю — на серебряном веночке, как великолепная Сабина), Манфред позволил себе свободный влажный вечер с уже слегка обиженной из-за его частого отсутствия Майке-Изабель, которую он сумел в достаточной мере утешить отличнейшим *X-mas*-кексом, бутылкой «Шато Жак Петроль» урожая 1983 года, бриллиантовым колье и маленькой порцией стрегацотти после тройного достижения (с ее стороны).

А не знает ли он при его обширных деловых связях и дальних путешествиях что-то более конкретное о необычной заразе, поразившей в далеком Китае продавцов на каком-то жутко забитом рынке, полном диких зверей и разгуливающих на воле генетиков? Майке-Изабель спросила об этом совершенно в своей манере — доверчиво и слегка иронично, когда он обнимал ее нагое тело с кудрявыми, как у пуделя, волосами. Гламурный путешественник Манфред

[48] Примечания: 48

Имеется в виду последнее, четвертое воскресенье Адвента (от *лат.* adventus — пришествие), предрождественского времени, к которому приурочены многочисленные обряды и обычаи, в частности зажигать каждое воскресенье по одной свече на венке.

проинформировал ее о том, что в глобальном мире (под которым человеки понимают свой расписанный под сине-белый мрамор небесный шарик) ни один недуг не остается сидеть на своем месте или в своей клетке, а тотчас отправляется в путь, чтобы обойти весь шар.

— Так, значит, мы подхватим этот китайский насморк? — спросила голая, беззащитная Майке-Изабель, боязливо прильнув к телу Манфреда.

Весьма основательно взглянув сверху вниз сквозь мутные хрусталики Манфреда на это симпатично-жалкое, хитроумно-бесхитростное, невинно-испорченное, в наивных кудряшках создание, Мы, Цорргх, желаем ей благодати соблюденного

Шестого цивилизационного требования:

Идеал воспитания и образования: все члены общества имеют гарантированное и реализуемое через суд право на все образовательные возможности в науке, искусстве и культуре. Приятным и ненавязчивым образом их постоянно поощряют использовать эти возможности и испытывать все больше радости от степени сложности, красоты и гармонии вселенных любого устройства и устройства любой вселенной.

— Насморк, — услышал свой голос Манфред

(внезапно вновь удивившись присущей ему мудрости), — это, пожалуй, вообще самое непатриотичное существо. Никто не способен его остановить, ему не посвящено ни одного гимна, и каждый свободно вычихивает его, всякий во всякого, словно его щекотное присутствие и бешено мчащаяся по носам вездесущность представляют собой одну из универсальных постоянных, которые так завораживали уже маленького ульмца Эйнштейна.

— Эйнштейн? С насморком? — Майке-Изабель, хихикая, ткнула кулачком с острыми красными когтями Манфреду в ребра (пока что Мы больше не позволяли ему наращивать жировую прослойку).

Затем она сделала ему комплимент, мол, он знает все на свете, и еще плотнее, прямо-таки непрофессионально прильнула к нему, закинув мягкую белую ногу ему на колени. Ах да, из-за временного запрета на ее тесно связанную с телом профессию она скоро попадет в затруднительное финансовое положение… И тогда, прощаясь с ней, облаченный в элегантное кимоно Манфред вручил ей в качестве маленького рождественского подарка знатный так называемый пакет

акций, *old-fashioned*[49], достойный классической возлюбленной, напечатанный в елово-зеленом цвете на высококачественной бумаге. Это были доли в уставном капитале компаний, которым вскоре суждено было взлететь на головокружительную высоту, словно бы высморкнутым великим насморком. Такая форма материальной поддержки все же показалась его чувственной Майке немного чересчур абстрактной, и поэтому он вдобавок пригласил ее с подругой вкусить оголенного жареного зверогуся, коего он приготовит для них собственноручно. Большое воодушевление! Пожалуй, Нам придется вспомнить рецепт 1882 года, когда под стеклянным куполом ресторана «Бофинжер» недалеко от площади Вогезов Мы в компании месье Альфана[50], все-таки вызывающего некоторые подозрения, запивали игристым белым вином такое мясо, уложенное в горы квашеной капусты.

---

[49] Примечания: 49

Старомодный *(англ.)*.

[50] Примечания: 50

Очевидно, имеется в виду Жорж Анри Альфан, также Галфан или Гальфен (1844–1889), французский математик, геометр, педагог, член Парижской и Берлинской академий наук.

5

В первую неделю нового года человеков (так называемого 2020 года) Мы получили от госпожи профессора, дважды доктора Зандштрём приглашение на бизнес-ланч в маленький местный филиал ее большого европейского Министерства научных исследований. Мы, конечно же, решили, что этим дружеским жестом обязаны достигнутому Нами прогрессу в решении вычислительных задач ее племянника Акселя, который Мы ранее передали Сабине в форме нескольких примечательных файлов. Это и подтвердила Нам мощных статей мадам Зандштрём (что-то или даже многое в ней действительно напоминает фигуры жэн!щщщин Нашей родины), когда Мы отправили Манфреда встретиться с ней, засунув его, как модель для дефиле, в выигрышно сидящий на нем деловой наряд.

Госпожа министр забронировала столик у окна их ошеломительно неэротичной столовой, где в серых, как лава, больших горшках влачили существование блеклые комнатные растения (какие-то *X-mas*-розы?). Очевидно, каждый вид, мнящий себя выше других, любит держать остальных в казармах и за едой благосклонно

взирает на них сверху вниз, если только они тут же не оказываются проглочены.

Даже Мы не были свободны от иерархической спеси, каковой, однако, поубавилось, когда напротив Нас села роскошная Зандштрём в слегка потрескивающем (так, словно в космической дали рушатся какие-то миры) огненно-красном костюме. В то время как Мы, весьма впечатленные, глядели на ее шелковистый двойной подбородок и в переливчатые глаза ящерицы за очками в синей оправе, Манфред, казалось, всерьез боялся, видимо, потому, что по весовой категории уступал госпоже министру вдвое как физически, так и ментально.

Поэтому Мы в значительной мере взяли беседу на себя, после того как мадам Зандштрём, пригладив очаровательно похожей на совковую лопатку рукой короткие, как спички, светлые волосы, удивила Нас вопросом, знаем ли Мы, как поразительно плохи дела у Рональда и кое-каких его компаний. По ее словам, ему нанесли ущерб критические сдвиги на фондовом рынке, произошли рейдерские захваты некоторых его предприятий, дополнительно против него направлены согласованные или, скорее, конспиративные спекуляции акциями. Манфред, само собой, понятия

не имел о подобных вещах. Он был гениальным, а с недавних пор еще и состоятельным, но далеким от реальной жизни и равнодушным к материальным благам программистом, которого обычно не волнуют дела бизнеса.

Мадам Зандштрём, похоже, охотно ему верила, и ей нравилась его полная неосведомленность или коммерческая безалаберность. Даже если сейчас Рональд испытывает сильное давление в бизнесе, для него чрезвычайно значим этот дорогостоящий, тщательно подготовленный заранее совместный проект с Акселем, европейским Министерством научных исследований (подчеркивая, кто имеется в виду, дважды доктор Зандштрём положила руку на свой огненно-красный костюм-панцирь) и фантастической обсерваторией на плато Серро-Параналь на севере Чили. Ведь успешная реализация и предъявление смелого научного замысла, в который теперь и он, Манфред, внес вклад своими хитрыми алгоритмами, Рональду как филантропу и визионеру, каковым он себя видит, значительно важнее, чем несколько вмятин, возможно полученных концерном «Cleansmile» на большом автодроме мирового рынка. Разве не следует снова и снова учиться признавать, что человек и

его деятельность подобны крошечному насекомому перед огромным собором (sic!) постижения космоса, и утешаться этим, и распрямляться, как полевые цветы под лучами утреннего солнца?

Манфред высказал, как впечатлен метафорикой, глубокой проницательностью, безграничным смирением госпожи министра, в столь восхитительно банальных выражениях, вызвавших у него самого румянец на щеках, что мадам Зандштрём (проф., д-р, д-р) на несколько секунд, казалось, смутилась, как девочка. Однако вскоре она вновь перешла к делу. Как Манфред, вероятно, может представить, ее влияния хватит, чтобы и операторов чилийской обсерватории впечатлить такими исследовательскими проектами, которые предельно загрузят их установки и цель которых очень неочевидна, чтобы не сказать загадочна или странна. Похоже, речь здесь шла не о скрытых экзопланетах, не о слабых биомаркерах, оставленных в атмосфере дьявольски горячими космическими обломками, и не о дальнейшем глубоком изучении черных дыр или блуждающих в них белых карликов, а о совершенно нового типа революционном видении, которое прольет свет на аспекты Вселенной, абсолютно ошеломительные даже для

профессиональных астрономов. Соизмеримыми достижениями в области инноваций были, наверное, прорывные рентгеновские снимки или передовая микроскопия в сравнении с наивным взглядом невооруженного глаза.

— Однако теперь нам следовало бы сделать еще несколько важных шагов по управлению и координации вычислительных сетей, — заявила проф. Зандштрём, на удивление строго и в то же время доверчиво глядя сквозь очки в синей оправе на безропотно внимающего ей Манфреда. — Здесь в игру вступаете вы, мой дорогой! Мой племянник Аксель сообщил тут, что ваши алгоритмы решат проблемы, которые создавали бы ему препятствия годами. Кажется, теперь осталось сделать не так уж много, чтобы вывести наш совместный проект из критической фазы и придать ему вид, пригодный для представления общественности.

Тем не менее, по ее словам, потребуется привлечь к сотрудничеству еще трех очень важных людей, точнее, трех экспертов: каждый из них управляет исследовательскими учреждениями, возможности которых Аксель расценивает как неотъемлемые элементы первого большого эксперимента и первой значимой презентации.

Поэтому в конце месяца для подготовки состоится небольшая демонстрация проекта и обсуждение в узком кругу в формате званого ужина у инвестора и филантропа Рональда, куда непременно будут приглашены три важных эксперта с женами, но также и он, Манфред, если пожелает, пожалуйста, с сопровождением (на последнем приеме он ведь появился с весьма экспансивной юной дамой!).

— А мой давний школьный друг Аксель тоже там будет? Я уже много лет общаюсь с ним всегда только интеллектуально и виртуально, — по Нашему наущению абсолютно искренне сказал Манфред, а Мы через него, на все согласного, обаятельно прибавили: — Вы ведь знаете, что это в конечном счете не приносит никакого удовлетворения.

Проф., д-р, д-р Зандштрём, уже поднявшаяся, потому что ее торопил внушительный список дел, теперь, атмосферно зардевшись, и впрямь слегка пошатнулась всем столь же внушительным телом. К сожалению, посетовала она, так сложилось, что ее племянник живет крайне замкнуто. Она сама в последний раз встречалась с ним лично, а также видела и слышала его три года назад, так как он избегает любых форм пря-

мого, интерактивного общения, даже если оно происходит с помощью разных средств связи (видео, телефон). По сути, он превратился в автора электронных писем.

Манфред с сожалением покачал головой и бок о бок с превосходящей его (как трусливое, тщедушное человеческое существо мужского рода) ростом, весом и мощью мадам Зандштрём вышел в обширные коридоры ее владений. Буквально перед заключительным рукопожатием — его слабый инструмент в мягкой полноте ее наманикюренной лопаты — оба они бросили взгляд на экран, наводненный так называемыми *News*, который, казалось, вдруг замер. В кобальтовом пространстве, напоминающем рассеченную ущельями лунную поверхность, виднелось нечто вроде бело-серого цеппелина — возбудитель пневмонии, как значилось в пояснении,– под ярко-красной полосой, на которой можно было прочитать текст (если делать это достаточно быстро, то есть как мадам Зандштрём и Мы): «A new virus related to SARS is the culprit in China's mysterious pneumonia outbreak, scientists say»[51].

[51] Примечания: 51

«Ученые говорят, что виновником загадочной вспышки пневмонии в Китае является новый вирус, связанный с атипичной пневмонией» *(англ.)*.

Госпожа министр научных исследований нахмурила мощный лоб над синими очками:

— Этот китайский кашель… уже вижу, как его мокрота забрасывается сюда, ну вы понимаете — глобализация.

— Да ну, не всякий недуг распространяется сразу повсюду, — несколько ошеломив Нас обоих, бездумно сболтнул настоящий Манфред. Похоже, радовался, что его сейчас отпустят и он выйдет на свежий воздух.

6

Намечался не просто званый ужин, а настоящее празднество. Ведь одобрение трех важных экспертов казалось почти несомненным еще до того, как они подкатили на черных лимузинах (двое сидели за рулем сами) к белой вилле Сабины и Рональда, в конце гнусного месяца января по человеческому календарю. Чего не смог спроворить занимающийся выездным обслуживанием прославленный кулинар, который, спустившись во второй половине дня с неба цвета шампанского на чем-то вроде снабженной роторами гусиной ножки, приземлился на Рональдовой лужайке, покрытой волокнистым, как квашеная капуста, снегом, довершат свежеиспеченные алгоритмы

Манфреда — непогрешимый математический десерт (QED[52]-сюрприз)! Аксель, восхищенный вычислениями старого школьного друга, с помощью новых волшебных трюков сделал презентацию проекта гораздо более эффектной, пояснила Сабина, еще не догадываясь о судьбоносности этой формулировки. По ее словам, теперь и впрямь очень реально было получить одобрение экспертов, даже если Рональд выглядел пока в равной степени на редкость радостным и опечаленным.

Внимательнее приглядевшись (Нашим третьим глазом) к рослому, усатому, причесанному на левый пробор хозяину дома, Мы не могли отделаться от ощущения, что печаль, вероятно, уже преобладала. Он казался крайне взвинченным, суетливым, столь же измученным, сколь и надменным, в его напыщенном возбуждении так и виделась потребность в любви — так ведь именно с этой целью Мы и прихватили с собой Зильке-Марину, для представительности в порядке исключения опять на отданном в долгосрочную

[52] Примечания: 52

От *quod erat demonstrandum* — что и требовалось доказать *(лат.)*; выражение, обозначающее завершение доказательства теоремы. В эпоху Возрождения ученые пользовались латынью, и выражение часто использовалось в завершение доказательства.

аренду красном «ферруччи». Ее холодный блонд, серебристое, подобно змеиной коже, мерцание, устрашающие складки и выпуклости, само собой, тут же обрекли Рональда на то, чтобы безотчетно заглядываться на нее (весь вечер ему приходилось, таращась на нее, одновременно держать в поле зрения супругу, дабы не пялиться, когда та смотрит в его сторону). Кроме того, Сабину она повергала в страх и трепет, поскольку если над забавной распущенностью и радостно-курчавым сексуальным обаянием Майке-Изабель та могла возвыситься в своем аристократическом великолепии, то сила воздействия немногословной, холодной Зильке не позволяла ей проявить себя. Веселая стюардесса-клоунесса, казалось, всегда, не выражая это словами, обещала: «Почеши мне ласково шерстку, и тогда я дам тебе все, что пожелаешь», тогда как ее подруга и коллега, которую Мы этим вечером чипессой поставили на игровое поле, сулила тихое назревание настоящей драмы: «Удовлетворишь меня, и я выну из тебя душу!»

Вследствие этого и так уже крайне взволнованный, втиснутый в костюм странного цвета скорлупы миндаля Рональд перешел в состояние постоянной вибрации, в то время как Сабина в костюме, основные тона которого преиму-

щественно соответствовали белым и розовым цветкам того же растения, при всяком удобном случае приставала к Манфреду, что противоречило ее задаче играть роль все улаживающей и уверенной в себе хозяйки дома. Все эксперты прибыли раньше мадам проф., д-ра, д-ра Зандштрём, в черных, как их лимузины, костюмах, очках и галстуках, будто на похороны. К тому же они так походили друг на друга отсутствием волос на голове, стройностью, физической незначительностью, шестидесятилетним возрастом и пунктуальностью, что Сабина, пока ее поспешивший выбежать к въезду на участок супруг принимал парад следующих вплотную друг за другом автомобилей и с энтузиазмом приветствовал каждую выходящую пару, невольно пробормотала себе под нос: «Как Трик, Трак и Трук!» — очевидно (Наши базы данных по заурядным делам не всегда надежны), сравнивая трио экспертов с тремя юными ходящими вперевалку животными, которые встречаются лишь в детских журнальчиках или фильмах[53].

— И под стать им будут Рени, Рита и Рози, — про-

[53] Примечания: 53

Отсылка к вселенной диснеевской франшизы «Утиные истории» («DuckTales», с 1987), где в немецком переводе братьев-утят зовут Тик, Трик и Трак.

ворчала серебристая блондинка Зильке-Марина рядом с Манфредом.

Между тремя женами экспертов, казалось, и правда существовало некое родство. Хотя волосы у прибывших на прием дам различались по цвету (не зеленые, красные и синие[54], но все же седые, светло-русые и рыжие), однако прическами и фигурами все три были так поразительно схожи, будто сошли с одного конвейера (МАА!ТХЕРИ человеков) и их просто по-разному одели и раскрасили. Сухопарые, резвые, крайне самоуверенные дамы, чьи кончики волос едва касались натренированных йогой худых плеч. Мадам Зандштрём, соответственно статусу прибывшая последней, что примечательно — на обычном такси (с биогазовым двигателем), напротив, производила впечатление роскошной наседки, которая сквозь очки в синей оправе умным взглядом сочувственно взирала сверху вниз на три эти мумии. Когда гости заходили на территорию шикарной белой виллы, им волей-неволей бросался в глаза преданно ожидающий в заснеженном саду вертолет первоклассного

[54] Примечания: 54

Еще одна отсылка к «Утиным историям». Близнецы-утята отличаются цветом футболок и бейсболок: Тик носит красную одежду, Трик — зеленую, а Трак — синюю.

повара ДУРШЛАГА, чья белая монограмма красовалась на борту цвета жаркого. Возникает вопрос, что было бы с Нашей работой, если бы агенты Внешнего министерства повсеместно приземлялись в ДХООО!ЛАХ человеков, привлекая к себе такое внимание.

У празднично накрытого стола, окруженного заботой местной прислуги, которая выносила — частично на тарелках с клошами — творения ДУРШЛАГА и его незримо орудующей на кухне команды, Нас вдруг охватила некая неземная меланхолия — видимо, в виду стольких пар, к коим Мы относили и Манфреда с Зильке. Хотя защищающее Нас ослепление никогда и ни за что не допускает четких воспоминаний о Нашей родине, в определенные моменты Мы все же получаем издалека радостные и печальные импульсы. Должно быть, там, откуда Мы родом, СПХА!РИВАЛИСЬ с большой проникновенностью и подлинной МХО!ЩЬЮ! И в темном накале возбуждения Нам кажется, будто там в грандиозном хороводе кружилось несколько партнеров, и не важно, одновременно или сменяя друг друга. В конечном счете есть у Нас, пожалуй, с человеками что-то общее, и потому Наш взгляд с некоторым умилением блуждал по трем парам экспертов,

проф. Трику с Рени, проф. Траку с Рози и Труку с проф. Ритой, той рыжей, которую Нам представили как выдающуюся специалистку по большим вычислительным сетям. Если прибавить к ним еще и явно находящийся в кризисе брак крепкого, но надтреснутого орешка Рональда и Сабины в тонах цветущего миндаля, то Мы прямо и не знали, с кем предаться одиночеству, но все же остановили свой выбор на монументальной мадам Зандштрём и подсунули уже закаленному в борьбе Манфреду на редкость жутковатую Зильке, чья мрачная притягательная сила и ледяная красота в достаточной степени ощущались и в этом сочетании.

Однако — после амисбушей, вдохновенного привета из кухни, после антре с изящной имитацией небесных тел — к делу! Рональд, самоуверенно взглянув на мадам Зандштрём и нервно переводя взгляд с Зильке на Сабину и обратно, пригладил свои усы филантропа и поднял бокал за великий проект, который он, мол, пока неофициально называет «(Cleansmile) Deep View Project»[55] — (C)DVP. Он вновь превознес ведущую роль мадам Зандштрём в сотрудничестве с

---

[55] Примечания: 55
Проект «Глубокий взгляд» *(англ.)*.

обсерваторией в чилийском высокогорье, оборудование которой стоит представить несколько подробнее, правда, ни в коем случае не компетентному эксперту проф. Трику, но, возможно, специалисту ЦЕРН по исследованию элементарных частиц проф. Траку, сильной в вычислениях госпоже проф. Рите и, конечно же, прочим глубокоуважаемым гостям. С этой целью была подготовлена небольшая видеопрезентация, представляющая весь проект (C)DVP или, может, все же лучше DVP. — («Без „C“ определенно лучше, — шепнула Нам на ухо Зильке-Марина, — а то можно подумать, что они Вселенную очищать собираются!») — Не удивляйтесь, если приятный голос за кадром покажется кому-то знакомым.

На самом деле комментировать отснятый материал, который на экране, установленном достаточно далеко от стола с едой, переносил теперь всех в чилийское высокогорье, взялась супруга Рональда собственной персоной. Благодаря спокойному, мелодичному, проникновенному голосу Сабины (прямо-таки гложущему чувствительные зоны Манфреда) еще можно было переносить патетический текст, от дословной передачи коего Мы лучше воздержимся. Вначале хозяйка дома воспевала грандиозный

горный ландшафт, прозрачный воздух и особые атмосферные условия. Затем были в деталях представлены большие телескопы, их стандартные задачи и потенциал их орлиных глаз, который сейчас следовало использовать для особо глубоко проникающего зоркого взгляда DVP. Камера развернулась с поверхности Земли в космос, где теперь подлинные виды, похоже, сливались с изображениями, изготовленными при помощи технических трюков. Камера брала на прицел многие созвездия Южного полушария и наезжала на них, словно на космических кораблях, о которых человеческие технологии могли только мечтать. Наконец симуляция зафиксировала определенный сектор парящего во тьме моря солнц и увеличила его.

— *Taurus*, Телец! *Canis Major*, Большой Пес!

Голос Сабины благозвучно произнес еще несколько принятых у человеков обозначений для определенных фигур или конфигураций звезд, понятий из какого-то нелепого перечня животных, будь то паук, четыре обезьяны, свинья или крокодил, их все равно тут же опять забываешь, и можно лишь покачать головой по поводу того педантичного усердия, с каким здешняя наука рисовала в ночи Вселенной известных ей

ползающих по земле тварей. Но так, наверное, заключенные пожизненно в одной-единственной камере узнают утешительные образы в каждой паутине или каждом пятне грязи на стене своей темницы или — вторя жизнерадостно-безжалостной Элеоноре Альбертине, с которой Нам однажды довелось беседовать несколько столетий назад, — в переливающемся узоре кончиков гвоздей, пронзающих крышку их гроба.

Словно прочитав Наши непочтительные мысли, голос Сабины за кадром вдруг объявил эти изображения созвездий на большом мониторе поверхностными и несерьезными. Якобы потому, что новый, проницательный взгляд, обостренный благодаря алгоритмам, которые следует назвать гениальными, открывает (медленно, но верно) нечто невообразимое и фундаментальное, нечто вроде более глубоко расположенной структуры, скрытой сети или своего рода эластичной и плотно переплетенной скелетной мускулатуры Вселенной, вероятно ужасающе сложной, бесконечно запутанной и мощной, неслыханных масштабов и с абсолютно неизвестным многообразием функций.

— Здесь вы видите не простую имитацию, — пояснил из динамика аппарата, кажется, и сам

весьма увлеченный голос Сабины, — а точно рассчитанные иллюстрации или компьютерную анимацию строгих фактов, полученных экспериментальным путем.

Под, за, между созвездиями выбранного небесного сектора показались бледные, похожие на соты структуры, намеченные тонкими синими и зелеными линиями, словно натянули их робкие и в то же время до мании величия амбициозные вычислительные устройства. В то время как голос Сабины по-прежнему благоговейно молчал, сетевидные структуры, казалось, медленно трепетали или осциллировали, а может, и пульсировали подобно очень спокойному и рассредоточенному решетчатому сердцу или сердечной решетке, которую (по-прежнему без комментариев) быстро приближали, прокручивая в движении, и разглядывали сверху и снизу или, лучше сказать, которой любовались не столько Мы, сколько профессора высшей квалификации, но, впрочем, и они, когда так и не последовало никаких поясняющих комментариев, порядком забеспокоились. По-видимому, им было сложно принять простую иллюстрацию якобы имеющихся фактов, хотя сама пара хозяев дома у стола с яствами не сводила глаз с анимированной графики на мониторе с

явным восторгом и чуть ли не подталкивая друг друга локтями от восхищения.

Еще до того, как беспокойство корифеев успело перерасти в негодование (одна мадам Зандштрём в своих очках с синей оправой выглядела как всегда, а ее взгляд ящерицы с сожалением скользил по совершенно опустевшей тарелке с золотой каемкой), дверь на кухню распахнулась, и раздался радостный возглас:

— Сюрприз!

7

Повар ДУРШЛАГ и его команда либо что-то неправильно поняли, либо незаметно получили от хозяина дома сигнал спасать ситуацию изысканным выходом, достойным самого Лукулла. Во всяком случае, Рональд, щелкнув пультом дистанционного управления, выключил монитор без всякого раздражения или удивления. Словно проповедник, он в приветственном жесте раскрыл объятия навстречу быстро выходящим один за другим слугам (сотрудникам сервиса, как это теперь называется у человеков), которые вначале согласованно и споро обслужили дам. За первым выходом быстро последовал второй, когда большие тарелки, накрытые куполообраз-

ными крышками, поставили и перед господами, после чего крышки были синхронно подняты, как в хорошо отрепетированном балете. Очевидно, ДУРШЛАГ вдохновлялся комплексом для исследования космоса в чилийском высокогорье. На синем с золотом фарфоре перед каждым из приглашенных предстал своего рода пейзаж из крошки цвета шоколада, изображающий каменистую пустыню, в которой покоились четыре белесых, два сферических и два кубических объекта, видимо изделия из теста — сюрприз! — с какой-то по земным представлениям благоухающей начинкой.

Гости своими инструментами радостно набросились на шарики из теста, отдаленно напоминавшие уши-локаторы и гигантские глаза чилийской обсерватории, будто и не собирались только что задавать весьма скептические вопросы по проекту Рональда и Сабины. У человеков желудок все еще превосходит мозг, даже у тех, кто вроде бы довольно хорошо оснащен церебрально. При виде возлежащих в окружении цвета лавы, лопающихся, источая ароматы, или взрезаемых штучек из теста Нам смутно припоминалось вкушение яств в дальних областях Красшгатхора (может, это были иайц!ха какого-то редкого вида

межпланетных птх!ицх?).

Краем глаза Мы мельком и с радостью заметили, как сидящая по правую руку от Нас Зильке продемонстрировала восседающему по правую руку от нее и с энтузиазмом косящемуся в ее сторону Рональду чрезвычайно игривый, чувственно-беспощадный способ вспарывать шарики из теста.

Затем Мы активировали Нашего клиента Манфреда, едва тот распотрошил первый шарик (мясо косули с обильно перченными лисичками). Для того чтобы принять окончательные меры, Нам требовалось точнее оценить мощность и глубину резкости нового взгляда, который собирались направить отсюда на Вселенную. Стало быть, Мы ускорили процесс, позволив талантливому молодому программисту, новому, передовому сотруднику команды (C)DVP, некогда являвшему собой печальное зрелище, но теперь решительно Нами улучшенному, внести ключевой вклад в дискуссию о проекте, постепенно вновь разгоравшуюся над взрезанными комками теста. Астроному проф. Трику он подробно объяснил, по каким признакам можно определить, что очертания зеленых и синих структур, на экране словно обернутых вокруг конфигураций звезд,

конечно же прекрасно известных профессору, основываются на точных расчетах. Профессору Траку (физика элементарных частиц, ЦЕРН) он подтвердил, что эти структуры вполне могут оказаться визуализацией поля распределения темной материи. Затем он ловко подвел профессора и к тому, чтобы тот сам начал выдвигать новые гипотезы, например о тонких сетевидных потоках частиц абсолютно нового вида, так что совершенно автоматически загорелся проектом DVP. Наконец, госпожу профессора Риту, сидящую рядом с Труком, на вид скорее бестолковым, он вовлек в поистине захватывающую дискуссию об увеличении потенциала так называемых грид-вычислений за счет хитроумной стыковки и подключения к единой сети с квантовыми компьютерами — область, которой Сабина настолько интересовалась (правда, чисто рецептивно), что буквально цвела навстречу Манфреду всем своим изобилием цветов миндаля, словно в ней вдруг стремительно пробудился ее исторический двойник Ада Лавлейс. Воспользовавшись тем, что внимание хозяйки дома полностью отвлечено, наша сообщница Зильке-Марина пообещала Рональду необычные удовольствия. Медленно и дочиста облизав вилку, она под столом легонько

водила ею по округлым, прижатым друг к другу, некоторым образом напоминая обсерваторию, структурам внизу центральной части его туловища, словно хотела оставить стойкий грабельный след на коричневой, как скорлупа миндального ореха, ткани его брюк.

Когда прислуга убрала тарелки после первого основного блюда, на которых все оказалось подчищено лишь в двух случаях, а именно у радостно и обстоятельно действующей мадам Зандштрём и, поразительным образом, у рыжей Риты, Мы еще до конца не решили, пора ли уже привести реальное оборудование в чилийском высокогорье в то же плачевное состояние, в каком находились разорванные и расплющенные куски теста на благородной столовой посуде владельцев фирмы «Cleansmile». Чтобы принять решение, требовалось больше доказательств, поскольку Внешнее министерство не одобряет излишних ликвидаций (в конце концов, это нарушение — правда, по крайней необходимости — некоторых требований, соблюдение коих считается лучшим признаком подлинно цивилизованной цивилизации). После второго основного блюда, к которому, в сущности, никто уже не притронулся, хотя это была мертвая радужная рыба,

спрятанная в прозрачной, как стекло, трясущейся массе и посыпанная разноцветными частицами растений, Манфред больше молчал, чтобы хозяева дома могли раскрыть прочие аспекты этого проекта.

Между двумя десертами Рональд (с пылающими над усами щеками — возможно, Зильке теперь воспользовалась одной или двумя чайными ложками) и правда представил на мониторе еще один короткий эпизод фильма. Это была съемка с приближением объекта, оптическое раздувание некоторых деталей зеленых и синих сетчатых структур, которые Аксель с помощью своих Акселевых алгоритмов благодаря математическим расчетам ввел в удручающую пустоту человеческой Вселенной.

— Удивительно, непредсказуемо, неожиданно, — (живой голос Рональда), — появились… СИГНАЛЫ!

Еще слишком слабые, слишком перекрытые шумами, слишком далекие, слишком загадочные и нерегулярные, чтобы при всей мыслимой математике что-то в них разобрать. Однако явно такой степени организованности или с таким многообразием предметности, что у этого не могло быть естественных (пульс пульсаров,

шипение затухающих солнц, кишечные шумы огромных межзвездных газовых облаков, выжатых коричневыми карликами) причин, а только цивилизационные. Казалось, там, снаружи, в глубинах тьмы, находится, прячется, возможно, развлекается что-то, кто-то, ДРУГИЕ — и в эти бездны теперь намеревался прорваться проект (C)DVP. Для этого ему требовалась поддержка самой современной астрономии, самых передовых исследований в области элементарных частиц, самого изощренного сочетания классических вычислительных кластеров с холодными как лед гигантскими компьютерами, разогнанными квантовой теорией!

Игнорируя оживленную дискуссию, завязавшуюся сейчас между профессорами Триком, Траком и Ритой, Мы беззаботно опрокинули несколько бокалов десертного вина в Манфреда, который пользовался высоким расположением Сабины и мадам Зандштрём одновременно. Лишь краем глаза (но с удовлетворением) Мы отметили, что Рональд, словно намагниченный кобель, прилип к железной улыбке Зильке-Марины. Нам нужно было в самой глубине черепа Манфреда, призадумавшись, взвесить, возможно ли, что Акселю действительно удалось чисто с помощью

технологий опасно приблизиться к порталу. В сущности, он казался Нам похожим на настойчивого посыльного, не снимающего большой палец с кнопки звонка. Хотя он не может этим добиться, чтобы его пустили внутрь, вскоре там все же почувствуют, что достаточно раздражены и вынуждены его остановить, взять за запястье и оттащить от кнопки, полностью устранить повод для недовольства, тем более что посыльный стоит не на той улице, не у того дома, с посылкой, в которой не более чем горячий алгоритмический воздух. И все же Мы будем действовать наверняка.

Размышляя, как лучше отразить (отключить? подавить?) сигнал тревоги, Мы едва не прослушали, как рыжая профессорша Рита спросила облаченную сегодня в шафраново-желтые одежды мадам Зандштрём, каким образом в высшей степени оригинальные, наверняка необыкновенно ценные и потому, безусловно, находящиеся под угрозой алгоритмы гениального Акселя (или отныне дуэта Акселя и Манфреда) будут защищены от атаки хакеров (любителей помахать топором в цифровом формате). Ну, с достоинством отозвалась Зандштрём, во-первых, резервные копии есть в трех местах, во-вторых, важнейшие

программы защищены по методу трех ключей, поскольку на каждом новом этапе разработки трем супервайзерам (так она на самом деле называла свою команду) следовало бы собираться вместе и, сведя вместе все «компартменты» (математические трети единого ключа, каждая из которых сохранена на маленькой флешке), («Клиц-клац-клуц», — шепнула Нам на ухо Зильке) создавать главный, или сверхключ, каковой нужно повернуть в сверх- или гиперзамке (она со значением указала на себя, переливающуюся разными оттенками желтого пирамиду), чтобы открыть и дополнить уже имеющийся код. Следовательно, Наше внимание должно быть нацелено на нее саму, на скрывающегося Акселя и на чистую парочку «Cleansmile», каждый с флешкой, содержимое которой требовалось стереть.

Остаток вечера Мы провели, постоянно заставляя Манфреда на виду и на слуху у госпожи министра научных исследований так ловко манипулировать экспертами Триком, Траком и Ритой, что все они согласились участвовать в следующем этапе проекта, и мадам Зандштрём не оставалось ничего другого, кроме как польстить высокоодаренному программисту, пригласив его лично посетить ее дома в приватной обстановке.

Манфред учтиво поблагодарил. Сабина по-прежнему липла к нашему герою, который с недавних пор сделался необычайно силен в счете, в то время как Зильке-Марина беззастенчиво распаляла ее мужа. Вследствие усиленного потребления высокоалкогольных напитков высокодуховные разговоры перетекли в более низменные и общие, так что Мы внутри Манфреда могли предаться более длительным раздумьям о сущности триединства. Общую тревогу, пока никоим образом не соразмерную масштабам опасности, вызывал у гостей вечеринки тот факт, что патогенные микроорганизмы, на славу погулявшие в нескольких городах далекого Китая, теперь, похоже, добрались до Европы. На календаре стояло двадцать четвертое января 2020 года по летоисчислению человеков, и говорили о первых случаях заболевания во Франции. Даже так называемая Всемирная (!) организация здравоохранения уже якобы казалась обеспокоенной — однако меньше, чем Рональд, которого эта тема возбуждала чуть ли не сильнее, чем свирепо-нежная инфильтрация со стороны Зильке-Марины. (Уж не засунула ли она на несколько секунд руку в задний правый карман его брюк?) Очевидно, концерн «Cleansmile» и нового типа вирус пола-

дили не так хорошо, как владелец концерна со смело идущей вперед хостессой-стюардессой.

Наконец Мы уехали на «ферруччи»: почти веселая и довольная собой Зильке-Марина и Мы, тоже в хорошем расположении духа. На самом деле Мы ощущали напряжение и наэлектризованность охотника в засаде, у которого в концентрические окружности оптического прицела после долгого ожидания вступает дичь. Сейчас в Нашем случае сразу три! Худой, пугливый баран Аксель. Широко шагающая по перелеску Сабина (вместе со своим оленем Рональдом, каковой вскоре обретет ветвистые рога). Гордо и внушительно выходящая на все поляны Зандштрём! Никакого недостатка в программном обеспечении для триединого выстрела Мы не испытывали. Разве только Манфреду не хватало третьей руки. Нечто в этом роде прямо-таки с ненавязчивой легкостью опустилось ему на бедро со стороны сидящей рядом на пассажирском сиденье Зильке, в то время как фары ревущего «ферруччи» ощупью пробирались в зимней ночи. Ее прохладная рука уже шмыгнула ниже. В сложившихся обстоятельствах Мы придали Манфреду такое триединство (трих-трах-трух), что он невозмутимо принял любовное внимание Зильке-Марины,

несмотря на его неизлечимо романтическое влечение к Сабине и воспоминания о плотских утешениях, подаренных ему курчаво-пушистой, как пудель, Майке-Изабель, которой он какой-то частью своей неупорядоченной личности тоже хотел хранить верность. В конце концов, он был Нашим орудием, и, в конце концов, Мы подрядили на сомнительную работу Зильке, чтобы она чувственно добила Рональда, за сумму, равную стоимости какой-нибудь стильной маленькой машины, так что теперь она, будучи, по сути, сотрудницей Манфреда, блистала, добровольно трудясь как бы в сверхурочное время.

И все же Мы наконец попросили Зильке убрать *her helping hand*[56]. Слишком уж искусно она действовала, и Нам уже с трудом удавалось управлять Манфредом, балансируя между его нечистой совестью и неким чисто петушиным желанием запрыгнуть. И тогда Мы отключили Манфреда, кроме его посредственных навыков вождения, чтобы за четверть часа поездки до дома несколько больше сосредоточиться на душевном состоянии жуткой искристо-блондинистой медицинской-сестры-стюардессы-хостессы. Мы говорили с ней

---

[56] Примечания: 56
Рука помощи *(англ.)*.

об амбициозных целях (очень явно подразумевая замысел проекта «(Cleansmile) Deep View» ощупью подобраться к порталу), каковых можно достичь лишь с применением определенного технического насилия, путем больших издержек, используя дорогостоящие средства и исключительные знания (как это, похоже представлялось Акселю, Зандштрём и парочке Рональд — Сабина, раз они наставили параболические антенны в чилийском высокогорье на чувствительные места глухо-ограниченной человеческой Вселенной), предоставив при этом Зильке-Марине интерпретировать все так, будто Мы подробно обсуждаем, как мастерски брутально-эротично подобраться к Рональду. Мол, есть же и другие, более деликатные, так сказать, интеллектуальные *(helping brain*[57] вместо *helping hand)* средства для достижения целей. Они настолько просты и незатратны, что, в принципе, уже много тысячелетий доступны каждому. Тут Зильке справедливо изобразила некоторое удивление, вопросительно подняв свой феномен — правую руку с тщательно обработанными и покрытыми лаком ногтями.

Однако питательной почвой для Наших мис-

[57] Примечания: 57
Здесь: мозг в помощь *(англ.).*

сий за все долгое время существования человеков были разнообразные интеллектуальные средства, о которых Мы и собирались напомнить. Поскольку, если бы в крайне редких случаях и все же почти равномерно распределенные по земле с крошечной долей вероятности во всех племенах, культурах и эпохах снова и снова не появлялись человеки, способные вызвать сигнал тревоги лишь оригинальностью мышления, Мы не находили бы в этом мире работы и хоть какого-то удовольствия, да Нас, разумеется, никогда сюда и не посылали бы. Эти мыслящие — или, как Мы любим говорить, гении (по меркам человеков) — лишь в силу интеллекта осознавали, что портал повсюду, и в восторге от своего открытия стучались (если только не пытались сразу же проскользнуть в него) зачастую так громко и отчетливо, что агенты никак не могли проспать свою миссию в хитросплетении веков.

— Оптимальным в этих единичных случаях, — объясняли Мы как будто с благоговением внимающей Нам извращенной Зильке-Марине в салоне «ферруччи», на редкость торжественно или даже сакрально освещенном встроенными приборами управления, — было бы мягко устранять, вернее, обходясь по совести, деликатно

настраивать на другой лад.

— Но в экстренной ситуации Мы можем поступить и по-другому? — вежливо помолчав пару секунд, предположила она.

Разумеется. Ведь теперь экстренная ситуация казалась действительно возможной. Однако Нам нужно было еще подсобрать некоторые данные, прежде чем однозначно подтвердить, что именно одному невидимому бывшему однокласснику этого, в сущности, ничтожного и пустого Манфреда удалось совершить технологический прорыв для вида человеков. Во Внешнем министерстве такое желание пролезть к Нам с помощью механических вспомогательных средств считается наихудшим из всех мыслимых случаев, фактически *casus belli*[58]. Ведь если какая-то еще крайне незрелая, агрессивная, разобщенная, надменная и вместе с тем изобретательная, беззастенчивая, полуварварская техноцивилизация, подгоняемая жаждой наживы, руководствуясь искаженными представлениями о собственном величии или скверными видениями так называемых высших существ, сопливо-сентиментальная и в то же время безжалостная, одержимая настоящим

[58] Примечания: 58

Юридический термин времен римского права: формальный повод для объявления войны *(лат.)*.

и исполненная презрения к прошлому и будущему своей собственной планеты, настолько неопытная и бессердечная, что позволила самым примитивным живым организмам (вирус, скоро они его увидят) унести миллионы жизней себе подобных, получает доступ к порталу, так сказать, чисто механическим, техническим способом, то даже самые миролюбивые более совершенные виды должны будут вскричать на манер неэлектрифицированных древних римлян: «Hannibal ad portas!»[59] Пользуясь понятиями человеков, измеряя в их масштабах, Нам следовало бы упомянуть внезапный наплыв орд средневековых варваров из дыры в мраморном полу собора Святого Петра, захват почтенного белого здания американского парламента брутальными молодчиками в красных бейсболках, разрушение великой стены китайцев дикими племенами кочевников из западных степей или тому подобное. И все же это были бы еще недостаточные, слишком мягкие сравнения для вторжения, которое вызовет самый решительный отпор, прежде

---

[59] Примечания: 59

«Ганнибал у ворот!» *(лат.)* — так говорят о близкой и грозной опасности. Этим выражением древнеримский оратор Цицерон в речи против Марка Антония, шедшего на Рим для захвата власти, напомнил римскому сенату о великом карфагенском полководце, чье имя приводило в ужас римских граждан.

всего шокирующим эффектом (и гораздо менее — его реальной опасностью). Техномеханическую лазейку и забить следовало бы техномеханическим путем, со страшным грохотом, даже если, по возможности, его услышат только во Внешнем министерстве.

Зильке-Марина так невозмутимо воспринимала Наши рассуждения, как если бы могла подслушать каждое мысленно произнесенное слово в Нашем затянувшемся молчании. Казалось, что она чуть ли не соглашается с Нами на свой ехидно-свирепый лад. Встреть Мы ее сверкающий взгляд, может статься, почти посочувствуем Рональду, с которым накрепко ее свяжем.

VII. Дальновидность египетской цапли

1

Барочный концертный зал в городе Манфреда, солидно финансировавшийся за счет торговли мешками с перцем, поддельными мощами, дрянными мушкетами и принудительно забритыми в наемники батраками, а также за счет обирания крестьян и регулярных кровавых набегов на ближайших соседей, вычурностью бело-золотых интерьеров пробудил в Нас приятные воспоминания. Те, что касались земных событий, были полнокровными и брутальными, гармонично выпуклыми и сгруппированными в чересчур плотно переплетенные, чуть ли не мифологические образы. Мы еще раз скрестили шпаги с необузданными ландскнехтами в Регенсбурге и фривольными мушкетерами из Гаскони. Мы поклонились маниакальному учителю арифметики Фаульхаберу и непокоренной крепости его супруги. С храбрым Картезием Мы, внутри Элеоноры Альбертины, вновь до полного беспамятства

сражались у Старой ратуши во Франкфурте и опять бросались с Ысстх! в дикое нагромождение платоновых тел в Ульме.

В этот вечер даже Нам музыка казалась невероятно легкой и невероятно мощной, она как бы охватывала своей прозрачной величавостью жизнь человеков во всей ее полноте и взвихривала ее в воздухе, будоражила и вновь успокаивала, поднимала и опускала или даже роняла, полнилась энергией и благодатью, как будто это она (а не кто-нибудь из Наших или картезианский философ) истинный посредник между Богом и небытием. Кое-кто из мастеров звуков и созвучий уже оказывался столь же опасным, как некоторые весьма хитроумные математики, и это не отпугивало Внешнее министерство от того, чтобы заниматься ими, даже если немыслимое мастерство, с каким человеки ткали чудесные ковры из звуков и зажигали фейерверки в ушах (подслушивающих и СЛУ!ШИХ!ЧЕЛЕЙ), могло вызвать изумление и у гораздо более развитых цивилизаций. Почему Моцарт умер так рано? Что вновь и вновь влекло кантора Баха к обнаженным женским телам, чтобы в его комнатушках резвилось все больше шумных детей, мешая ему уловить смысл того самого последнего чистей-

шего обертона, который указал бы ему дорогу к порталу?

Мы слушаем концерт маэстро для скрипки с оркестром № 1 (ля минор, 1041 в каталоге сочинений Баха) с его дарящими блаженство ступенчатыми подъемами и стремительными спусками, так, словно Нам вновь предстоит взяться за сотню дел в лабиринте человеческих столетий и вновь будет дано внимать благодатным заключительным аккордам сотен их развязок, отладок, корректирующих экстерминаций. Не то чтобы Мы не в состоянии еще раз точно пересчитать. Просто тяжело осознавать, что на самом деле Мы находимся в запутанной паутине, в дивно мерзком двигателе дела под номером сто (до-диез минор, 100 в каталоге сочинений Цорргха, с четырьмя диезами: Аксель, Сабина, Рональд и Манфред). И все же ни одно грандиозное музыкальное произведение не обходится без финала. На берегу моря в Сиракузах, примерно, по представлениям человеков, две тысячи триста лет назад началось Наше исчисление песка, те исправление, стирание, перерисовка жизненных линий гениев, кои, подобно Мастеру кругов и спиралей, благодаря блистательным играм разума обнаруживали вертикальный выход за пределы, справедливо

установленные для их незрелой двухмерной цивилизации. Теперь все должно закончиться жалким Манфредом — но ладно, Мы его усовершенствовали и со свежими ресурсами отправили на паркур, он недурно справился и остается добродушным, сентиментальным конем, энергичным конягой, бодрой рысью спешащим вместе с Нами к последней цели.

Вот он сидит, глубоко взволнованный, заслушавшись игрой оркестра и юной солистки, которая с поразительной точностью и живой искренностью проливает на публику и закручивает над ней неистовые меандры и самые замысловатые извивы упоительного Баха. Она, стройная Франческа, в свои едва пятнадцать исполняет строго размеренный, вибрирующий танец перед мерцающим полукругом черных костюмов и сверкающих вечерних платьев в цветах конфетных оберток, перед волнами деревянных восьмерок, что зажаты ногами и подбородками музыкантов. Ни о чем Нам не доводилось сожалеть меньше, чем о том, что залезли в хранилище и снабдили это дитя человеков Нашей новехонькой, поскольку на ней несколько столетий никто не играл, скрипкой Страдивари. Пусть Франческа оставит себе инструмент, честь которого не по-

срамила в столь юном возрасте. А если мать не согласится принять такой дорогой подарок, Мы могли бы просто указать его в завещании Манфреда, которое, кажется, уже разумно побудить его написать.

Таким образом, сотое дело окончательно сделало Нас сентиментальными и слабыми. Именно по этой причине, из-за этого вялотекущего, видимо непредотвратимого, как коварная болезнь, очеловечивания или свойственного человекам размягчения, пронизывающего Наш высший организм насквозь, от миссий Нас теперь отстранят. По завершении этого неприятного дела Манфреда Нам останется только возвратиться или УМХ!ЕРХЕ!ТЬ. Мы не столько знали, сколько ощущали это, поскольку ослепление затуманивало последнюю неумолимую ясность, милосердно избавляя Нас от нее. Мы вновь взглянули в сторону ряда, где сидело семейство Донателлы. Похоже, Эрнст в своей мальчишеской манере и с чутьем специалиста в горном деле глубоко погрузился в шахту музыкального благоговения, в то время как трое его сыновей на букву «Ф», Франко, Феликс и Фелипе, уже начинали все сильнее ерзать, как легко сходящие с рельсов шахтные вагонетки.

Мать Франчески, сидя с другой стороны от сы-

новей, внимала своей высокоодаренной дочери восхищенно и растроганно. Порой она посматривала на Нас, и взгляд ее был исполнен печали отречения. Она послала два приглашения на концерт. Увидев, что Нас сопровождает высокорослая, высокомерная и высоколобая Сабина в блестящем вечернем платье, она впала в материнскую меланхолию почтенной матроны. В приподнятом настроении стояла она прежде перед садом земных наслаждений в роскошных апартаментах Манфреда, у себя дома она наготовила ему еды, напоила и, пьяного, уложила спать на свой диван, она проникла в его опочивальню, чтобы получить там не более (но и не менее), чем скрипку, которая как раз сейчас горько зарыдала, дрожа и жалуясь. И Мы ее понимали! Потому что все дорогие и любимые (многомерные, влажнозатейливые, переливающиеся невообразимыми цветами и заливающиеся немыслимыми трелями УУМ!МНИЦ!ЦЫ), которых Мы когда-либо обнимали руками, когтистыми лапами, ПРИ!ССОС!КАМИ или щупальцами, похоже, неудержимо уходили и от Нас, словно, убитые и недвижимые, соскальзывали вниз по безжалостному изгибу ведьминской кривой Марии Аньези или скатывались в царство теней. Аплодисменты оркестру

и распаленной юной Франческе, восторженные, прямо-таки неистовые, заставляющие биться друг о друга лопаты ладоней, *standing ovations*[60], Мы с Манфредом мужественно не отставали от других. Меланхолия до-диез минор, переходящая в триумф ми мажор.

2

Ни за что бы не подумали, что, после того как Мы несколько церемонно распрощались с семейством Донателлы с четырьмя отпрысками на букву «Ф», Сабина по завершении концерта запросто отправится с Манфредом к нему домой. На бокальчик — возможно, даже в том смысле, как это понимает Майке-Изабель? Судя по всему, Сабина не опасалась, что ее супруг опять будет колотить в дверь под защитой вооруженных горилл. Она сразу и заговорила о нем, с тревогой, но отстраненно, как о дальнем родственнике, у которого плохи дела. Якобы переводы ценных бумаг в ущерб его интересам, странные маневры банков, заявления в органы власти с обвинениями в его адрес об уклонении от уплаты налогов

[60] Примечания: 60

Здесь: продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию *(англ.).*

и открытии нелегальных подставных фирм на маленьких тропических островах настолько омрачили жизнь ее мужу, что сейчас он, как разъяренный бык, вновь с большим энтузиазмом бросился управлять концерном «Cleansmile». Один за другим происходили рейдерские захваты именно тех подразделений компании, которые сулили высокие доходы в свете постепенно принимающей все более опасный оборот азиатской эпидемии (например, фирмы, производящие защитные маски, средства дезинфекции, гигиенические товары, то есть основные элементы концерна, но и некоторые теперь внезапно выросшие в цене фармацевтические предприятия и прибыльные инновационные стартапы в области *Genetic Engineering*)[61]. Слышал ли Манфред историю с круизным лайнером, который пришлось поставить на карантин в порту Иокогамы? По слухам, на нем сотни инфицированных. Болезнь вроде бы уже и название получила, COVID-19. Неужели она теперь неминуемо придет и сюда? Представить такое невозможно и даже не хочется, все тешились иллюзиями, что находятся в безопасности, что подобных чудовищных,

[61] Примечания: 61
Генная инженерия *(англ.)*.

архаичных происшествий, как смертоносные эпидемии или крупномасштабные войны в Европе, никогда больше не случится.

Щадя ее, Мы не стали обрисовывать картины ближайшего и более отдаленного будущего, которое, скачкообразно расширяя имеющуюся в Нашем распоряжении Короткую Петлю до более длинной, видим перед собой хоть и словно за облаками, но достаточно, чтобы что-то различить. Порой Нам больно, что Мы просто защищаем портал, вместо того чтобы, приняв те или иные простые меры, избавить тысячи или сотни тысяч человеков от мучительной нужды или смерти в отчаянии. Почему не были устранены ни Гитлер, ни Сталин или Пол Пот, почему Мы позволяли свирепствовать чуме, холере, испанскому гриппу и как можем спокойно смотреть, что человеки ввергают в хаос природу своей планеты? Но с этими вопросами человеки вынуждены обращаться к своим так называемым БХОГ!ГАМ, не к Нам, кто лишь оценивает зрелость их цивилизации и должен не допускать, чтобы ушедшие в отрыв гении их вида проскальзывали через портал, как вирус через причал в порту Иокогамы. Если Мы испытываем некие эмоции, это лишь указывает на то, насколько сильно Мы рискуем потерпеть

неудачу в Нашей миссии.

Возможно, Сабина увидела какое-то отражение Наших сентиментальных мыслей в похожем на маску лице Манфреда, которое в остальном, с тех пор как давняя школьная подруга повесила пальто на вешалку, вошла в гостиную и согласилась на еще один бокал белого вина, казалось, застыло в дурацкой галантной улыбке. Открой Мы окно в его нутро пошире, оно, яростно, до красноты клокочущее, затопило бы Нас. Высокая, похожая на Аду Лавлейс, в блестящем вечернем платье в тонах от пепельно-серого до розового, на фоне ангелов Босха, несущих измученные души в рай, — глядя на нее, он в душе, так сказать, почти захлебывался слюной. Поэтому Мы остудили его до приемлемой рабочей температуры с помощью опосредованно нахлынувших воспоминаний об акробатических упражнениях с Майке-Изабель в его опочивальне. (А вдруг там, упаси боже, что-то еще осталось, что-то, способное его изобличить?)

Сабина, пока не склонная присаживаться на белый кожаный диван, не уставала выражать ему сердечную благодарность. Просто сногсшибательно, как он на последнем приеме на вилле «Матильда» рекламировал трем экспертам проект CDV и наконец одного за другим убедил их в

фантастических перспективах предприятия. Ни она сама, ни Рональд или могущественная мадам Зандштрём ни за что не смогли бы так хорошо объяснить, что же, собственно, представляет собой этот абсолютно новый взгляд во Вселенную из чилийского высокогорья.

— Для меня по-прежнему загадка, как тебе удалось так развиться, — заявила Сабина, пленительно выразив искреннее изумление.

Она подошла несколько ближе к висящей над диваном справа картине живописца из Босха, которую при первом посещении квартиры Манфреда старательно игнорировала. Сейчас влюбленные, замкнутые в похожих на плодные пузыри коконах, воркующие в чашечках цветов, восторженно застрявшие в мякоти роскошных фруктов, ее, похоже, действительно интересовали, хотя к интересу примешивались легкое досадливое удивление и некое неодобрительное отстранение.

— Мне кажется, эта Донателла, мать вундеркинда, на тебя слегка запала. — Она по-прежнему не отрывала взгляда от картины, словно обнаружила там фантом пышнотело-чувственной учительницы скрипки.

Мы попридержали Манфреда, чтобы он никак

это не прокомментировал.

— И то, что ты объявлялся в нашем доме с двумя разными женщинами… должна сказать, весьма своеобразными женщинами, это уже…

Мы позволили Манфреду лишь слегка пожать плечами и развести руками.

— Вторая, эта Зильке-Марина фон Мутниц — имечко-то какое! — она тем не менее выглядит дешевкой, если можно так сказать.

Мы собрались радостно возразить, что кое-кому она уже дорого обошлась, но вынуждены были держать себя в узде. Видимо, Сабине наконец стало известно, что филантроп Рональд, который внезапно с головой окунулся в находящийся под угрозой бизнес концерна «Cleansmile», в силу странных совпадений то и дело сталкивался с Нашей подручной, поскольку она переспросила, почему во второй раз Манфред появился на вилле «Матильда» с другой спутницей, ведь первый вариант смотрелся хотя тоже несколько дешево, зато забавно и живо?

— Только для разнообразия — иногда что-то делается просто так, не было никакой особой причины, — предоставили Мы Манфреду ответить наобум. Но затем он немного уточнил: — Вероятно, это так же нелепо и труднообъяснимо, как

и решение космополитичных владельцев концерна «Cleansmile» обосноваться именно здесь, в этом захолустье.

Перестроить дом покойной матери в виллу «Матильда» с давних пор было ее сокровенным желанием, заверила Сабина в розово-пепельном вечернем платье.

— И это не имело никакого отношения к Акселю? — Этот вопрос Мы должны были задать с ошеломляющей прямотой, ведь мог же и Манфред когда-нибудь сделать небольшую ставку на эффект неожиданности.

Отвернувшись от похотливых фигур Иеронима, Сабина в блестящем вечернем платье теперь опустилась на диван, уже знакомым элегантным движением изогнув длинные ноги.

— Аксель в восторге от твоих алгоритмов, как раз от этих совершенно новых, которые ты написал для квантового компьютера. Я… пыталась, купила книги… мне практически не удалось составить себе представление о таких тонкостях.

Она указала на место рядом с собой, как бы намекая в одночасье поумневшему (среди бела дня в своей прежней затхлой студенческой берлоге!) Манфреду, что ожидает его помощи здесь, внизу, в белых ложбинах дизайнерского дивана. Когда

он там оказался (почти касаясь своими острыми коленями ее коленей, предварительно поставив свой бокал с вином на низкий стеклянный столик рядом, чтобы иметь возможность объяснять более свободно и масштабно), она поинтересовалась, по-прежнему ли связаны эти «квантовые дела» с зеркалом, обезьяной, обнаженной женщиной и зеленым яблоком на стуле.

О том, что яблоко должно быть зеленым, он впервые слышит, по-манфредовски медленно пробормотал Наш клиент. Изгибы и выпуклости, переливающиеся от розового к серебристо-серому прямо у него перед глазами, ослепляли и приводили в замешательство. Что же ему было сказать про обозначенные Нами, но пока умышленно оставленные непроясненными инновационные квантовые алгоритмы, каковыми Мы намеревались выманить Акселя из его логова? Мы любезно подкинули Манфреду несколько обрывочных идей, с жадностью им подхваченных. И тогда он принялся расписывать бесконечные возможности, которые откроются, если удастся проводить вычисления, используя уже не просто нули и единицы, но и непрерывную суперпозицию всех возможных состояний между ними (речь шла о кубитах, слиянии инь и ян). Ему вспомнилась

так называемая запутанность, опять же инь и ян, когда две элементарные частицы, два элемента, две фигуры… так тесно связаны друг с другом своего рода универсальным душевным родством, превышающим пределы скорости света, что малейшее изменение у одного мгновенно вызывает соответствующее изменение у другого, независимо от того, как далеко находится партнер. И если кто-то был бы в состоянии, так сказать, собрать в барабане мысленной стиральной машины все вероятные варианты развития ситуации (если я коснусь ее колена, она меня ударит, она позовет на помощь, влепит мне пощечину, сорвет с себя платье, швырнет в меня бокалом, набросится на меня, убежит, потащит меня в спальню, в которой — проклятье! — все-таки висят еще на спинке стула легкий серый пуловер Майке-Изабель и черный бюстгальтер, оставленный ею мне в залог), то можно было бы, всего один раз запустив руку в барабан, вдруг выудить лучшее решение, как электрического угря среди сплошных игрушечных змеек.

— Угорь зеленый, — предложила явно пришедшая в восторг Сабина, в блестящем чешуйчатом платье по-русалочьи подаваясь вперед над строго параллельно сдвинутыми ногами. — Или чере-

нок яблока, или пупок обнаженной женщины.

Самое время было Манфреду залезть в правый карман брюк (для чего ему пришлось несколько двусмысленно вытянуть правую ногу). В результате этого погружения была явлена на свет маленькая красная флешка, еще кое-что для Нашего гениального друга, скрытого от глаз Акселя. Манфред пояснил, что с помощью квантовых алгоритмов, сохраненных на этом запоминающем устройстве, проект «Deep View», вероятно, сумеет сделать решающий шаг, а именно тот, что из слабых, всего лишь похожих на сигналы структур, поразивших всех при просмотре фильма на вилле «Матильда», создаст реальный информационный повод.

Сабина быстро схватила флешку и поднялась, что выглядело так убедительно и натурально, будто русалка просто скользнула в воду. Она заявила, что теперь хочет еще… быстро помыть руки, и, слегка покраснев, прошествовала, следуя безмолвному пояснению Манфреда, к двери в ванную комнату. Перед тем как закрыть ее за собой, она элегантным движением вбок спрятала флешку в кармане своего висящего на вешалке пальто из искусственного меха (человеки имитируют содранную с животных шкуру).

Если Мы правильно помним, других бюстгальтеров или чего-то подобного Майке-Изабель в ванной комнате не оставляла. Воспользовавшись Малой Лупой Времени, Мы ускорили Манфреда настолько, что он абсолютно спокойно успел навести чистоту в спальне, пока Сабина по соседству мыла руки и бог знает что там еще. Затем они опять встретились в гостиной у белого дивана: она, с покрасневшими руками и благоухающая абрикосом, блистала свежестью, он сиял как начищенный пятак. На одну-две секунды он ощутил себя таким ровным и гладким, будто каждую клетку его тела умножили на обратную величину квадратного корня, но лишь одну-единственную — на его отрицательное значение[62]. Как безмятежное озеро, у поверхности которого внизу справа с шумом проскочила одинокая щука. Что за странные идеи! И как только ему приходят в голову такие сравнения? Но самое важное ощущалось ясно и четко: похоже, в них с Сабиной произошла некая тихая и глубокая трансформация и в равной степени у обоих создала впечатление, что сейчас все может начаться сначала.

---

[62] Примечания: 62

Здесь описывается так называемая матрица Адамара, с помощью которой форматируются кубиты.

— Боюсь… мне нужно покурить, — сказала Сабина именно в тот момент, когда Манфред собирался порядком продвинуться своим трансформированным телом в ее направлении.

Вскоре они в зимней одежде стояли на балконе, глядя в темноте на бесчисленные подсвеченные, скованные холодом древние башни города, в котором родились. Не проявляя никаких особых эмоций, Сабина лишь торопливо выпускала облачка дыма. Казалось, она вдруг вспомнила о каком-то важном деле, и ей все больше не терпелось им заняться.

— Флешка, алгоритм на ней… Возможно, это прорыв. Но мне нужно больше информации от Акселя. Это вопрос доверия, — по Нашему наущению сухо констатировал Манфред. — Давай сделаем так: он взглянет на этот новый материал и протестирует его. Если останется доволен, я просил бы его взять меня в связку из трех ключей. Коли я так много даю, то хотел бы тоже быть посвященным и входить в ближний круг.

Сабину Мы этим, видимо, не удивили. Могло показаться, что она вовсе не против включить Нас в свои ближние круги, лишь бы только Мы поставляли ей достаточно материала. Выпустив еще одно белое облачко, она подошла к Нам и в

пальто, делавшем ее выше и шире, выглядела впечатляюще, почти величественно.

— Просто невероятно, что у нас когда-то был секс, — очень спокойно заявила она.

А затем, щелчком выбросив сигарету в морозную февральскую тьму, подошла к Манфреду и засунула ему в рот что-то похожее на кусочек копченого мяса, беспокойно там зашевелившийся. На Наш взгляд, это было лишним, но Манфред растаял и начал возбуждаться, сосредоточенно, осмотрительно и безоглядно, словно ему предстояло сдать самый главный в жизни экзамен. За завесой никотина он ощущал вкус теплой чувственности и прелести Сабины и ценил их превыше всего, и для того, чтобы вызвать у нее более сильный восторг, был готов принять своеобразные запахи и едкие ароматы, исходящие, должно быть, и от других, пока скрытых частей ее величественного тела, что, похоже, относилось к самым главным требованиям этого экзамена с шевелением чего-то во рту.

Поразительным образом Манфред абсолютно самостоятельно осознал, что сейчас будет неправильно подталкивать Сабину в тщательно приведенную Нами в порядок спальню. Обнаженная несравненного Вермеера почивала там в

полном одиночестве, пока Наш джентльмен на классическом зеленом спортивном автомобиле доставлял свою обожаемую домой.

3

В темноте салона машины, у белого светящегося кубика виллы «Матильда» Сабина на самом деле вновь наклонилась к Манфреду, чтобы еще раз быстро, но энергично куснуть его и пошевелить у него во рту языком. Видимо, это было какое-то обещание. Теперь Манфред, пронизанный счастьем, несся в ночи домой. В голове у него плясали все прошлые реальные встречи с Сабиной, сплетаясь с причудливыми видениями и иллюзиями, которые он прежде питал в отношении совместного будущего со своей возлюбленной. Кто бы мог подумать, что это возможно! Наш герой принялся с поразительной интонационной точностью насвистывать поистине мало похожую на примитивный мотивчик главную тему скрипичного концерта (первая часть, ля минор, сочинение 1041 в каталоге произведений Баха), будто в душе еще явственно слышал, как играет на его Страдивари Франческа (а так оно и было).

Однако Мы уже не станем составлять галерею кадров будущего с ним и похожей на Аду его дав-

ней школьной подругой. Как бы глухо ни ревел спортивный автомобиль Манфреда, сверху он казался на шоссе лишь одиноко жужжащим ткацким челноком в холодной как лед гигантской детерминированной машине. Не исключено, что он приближался к последним строкам исходного программного кода, хотя мнил, что видит перед собой всю ширь земли обетованной (Сабинины влажные ДХООО!ЛЫ). Еще несколько машинных команд, и в этом деле, которое постепенно начинает казаться причудливо-опасным, Мы обеспечим надлежащий конец истории. Она должна закончиться на туго натянутых нитях основы здешнего пространства-времени, уток за утком. Нам и тогда (для Нас вот только вчера или нынче рано утром) пришлось в критический момент закончить сотрудничество Ады с Бэббиджем — злополучной спутанностью судеб, где все сплела и завязала узлом надежная и хитроумная программа. Последнюю Мы представляем себе выбитой на перфокартах Жаккара, которые незримо инструктируют бешеный ткацкий станок, ткущий обстоятельства жизни человеков, определяют ее убогую ткань, соединяют одну нить узора за другой в какой-нибудь, чаще всего уродливый, гобелен. Тонкие иглы считывают

узор перфорации, поднимаются и опускаются крючки, точно определенный Нами набор галев приподнимается или опускается к зеву, куда челнок прокидывает нить жизни. В изобретениях человеков нередко присутствует логика, намного превосходящая мораль этого вида.

Когда Ада Байрон писала большой комментарий к собственному переводу эссе Менабреа, тщательно рисуя таблицу, из которой можно было заключить, каким образом условная Аналитическая машина Бэббиджа будет вычислять числа Бернулли (с переходами, циклами и подпрограммами), стало абсолютно ясно, что выдавать ее замуж за родовитого, красивого и недалекого *Earl of Lovelace*[63] оказалось бесполезно. Поначалу она еще называла этого Уильяма своим *cock*[64], пока не родила ему троих детей. Тогда она убедилась, что петухи — в смысле интеллекта — яиц не несут. Амбиции Уильяма ограничивались тем, чтобы под каждым из их загородных поместий планировать и прорывать системы туннелей, позволяющие быстро сбегать от непонятно какого врага. В таких случаях Нас

---

[63] Примечания: 63
Граф Лавлейс *(англ.)*.

[64] Примечания: 64
Здесь: петушок *(англ.)*.

ненадолго сдерживает разве что гений, подобный тому, что пульсировал в его жене или под париком Картезия.

Высшее вмешательство в эту историю потребовалось, когда трижды мать Ада призвала к себе преподавателя математики, дабы возобновить внушающую опасения умственную деятельность. Давайте представим его себе очень похожим на Манфреда и даже, чтобы развеять меланхолию, вызванную настоящим ужасом, страданием, в которых пришлось закончить жизнь Аде, возможно, преобразуем действующих лиц этой трагедии раннего викторианского периода в (пока) живых персонажей Нашего нынешнего дела. Место тупо роющего туннели Уильяма занял бы тогда филантропически-бруталистский миллиардер с проектами Рональд. Инновационного Чарльза Бэббиджа Мы заменим на скрытного Акселя. То и дело поражающая остротой ума Сабина уже давно выиграла отборочные соревнования на роль Ады, а Мы разместимся в Манфреде-наставнике, которому Ада готова под столом скользнуть в пах обтянутой чулком ногой. Но пока она еще держит себя в руках. Мы представляем себе, как Сабина сочиняет обширный комментарий к программе Акселя или программу в виде комментария к

той таинственной машине Акселя, что должна быть представлена весной. Она добивается огромного успеха в специализированных журналах, вирусится в Сети, у нее берут интервью на телевидении.

Предположим, что Акселю для осуществления своего замысла нужны гигантские суммы денег и согласованные усилия нескольких исследовательских институтов. Даже (выделенных на эти цели) капиталов Рональда просто недостаточно, и для того, чтобы решающим образом определить пути развития, требуется политическое влияние. Горячность, желчный холерический темперамент Акселя/Бэббиджа, раздраженного глупостью и индифферентностью современников, уже сделали математика совершенно непопулярным в важных правительственных учреждениях. Ради новой исполинской вычислительной машины, большого, способного изменить мир, чисто механического компьютера из десятков тысяч металлических деталей, которые требовалось произвести с высочайшей точностью, он уже пожертвовал большей частью своего изрядного личного состояния. У Министерства экономики ему удалось выудить инвестиции в исследования в размере покупной стоимости двух военных

кораблей. Однако пока он не предъявил ничего, кроме послушно потрескивающей, похожей на мельницу для кофе Разностной машины и весьма мудреных чертежей, с каждым годом все больше усложнявшихся. Поэтому теперь необходимо было воспользоваться последней возможностью обеспечить достаточное финансирование проекта в решающих переговорах на высшем уровне с премьер-министром — Мы намереваемся взять на эту роль проф., д-ра, д-ра Зандштрём, прекрасно подходят ее похожие на жгут соломы волосы, синюю оправу очков сменим на черную, а необходимую маскулинность внешности придадут просторный сюртук, воротник с пышными рюшами и короткая сигара.

Помочь убедить премьера могла бы программа Сабины, ее ставший знаменитым комментарий к машине Акселя, а еще более, пожалуй,– выразительно сформулированные идеи о том, какие возможности она видит для использования гигантского устройства из десятков тысяч прецизионных деталей: высшая математика, сочинение симфоний, изобретение новых языков и типов мышления, копирование живых существ и переправка их в лучах света. По ее словам, абстрактное определение деятельности машины

лишь раскрывает ее огромные возможности: «By the word operation, we mean any process which alters the mutual relation of two or more things, be this relation of what kind it may. This is the most general definition, and would include all subjects in the universe»[65].

Окрыленная идеей жонглировать в одной машине всеми объектами Вселенной, Сабина теряет представление о границах. Нескольких правильно размещенных отверстий в перфокарте программы оказывается достаточно, чтобы навести ее на мысль предложить эксклюзивный агентский договор недотепе Акселю, который своими холерическими нападками и желчными комментариями о непризнании его гения вечно портит отношения с политиками. Она гарантирует осуществление его мечты при условии, что он полностью доверяет ей — и ее супругу Рональду, неукоснительно поддерживающему ее своими капиталами и филантропическим брутализмом, — и предоставляет в полной мере продвигать проект и вести переговоры. Только

[65] Примечания: 65

«Под словом „действие“ мы подразумеваем любой процесс, изменяющий взаимоотношение двух или более вещей, каково бы оно ни было. Это наиболее общее определение, которое включает в себя все объекты во Вселенной» *(англ.).*

он, Аксель, действительно должен полностью устраниться от всех переговоров с власть имущими, такими как проф., д-р, д-р Зандштрём, а также ничего не разглашать прессе, всегда ссылаясь на эксклюзивное представительство агентства Сабины и Рональда («Cleansmile Consulting»). Последнее отверстие, унизительно затыкавшее рот Акселю-Бэббиджу, в жаккардовой карте маленькой программы с силой пробили Мы. Аксель в ярости выходит из своего укрытия, подземного помещения на вилле «Матильда», битком набитого мониторами, компьютерами и террариумами. Он категорически возражает против любого представительства его интересов и любого вмешательства! Машину, великий план, всю теорию и остроумную конструкцию создал он один, и только он в состоянии правильно и убедительно представлять весь проект!

В кабинете с видом на Темзу мадам Зандштрём сейчас изображает британского премьер-министра сэра Роберта Пиля. Он, измученный голодными бунтами и восстаниями по всей стране, вынужден заниматься финансово крайне рискованным и совершенно невразумительным проектом какого-то сумасшедшего математика, который уже через несколько минут трудного

разговора преисполняется жалостью к самому себе, а от ненависти к врагам и научным оппонентам исходит пеной, будто не человек, а мыльный раствор. При этом Бэббидж еще так яростно жестикулирует, что один раз даже толкает Пиля в грудь, не удивившись неожиданной мягкости под вычурным белым воротником.

Так Аксель/Бэббидж теряет всякую политическую поддержку, а Сабина/Ада, исключенная из проекта создания большой машины, — еще и опору, духовно-нравственный ориентир. И вот ее нога и правда перемещается в пах преподавателя математики, и не только в пах, и не только преподавателя. Числа Бернулли, свой математический талант, комбинаторные способности и проницательность она растрачивает на создание сложных систем ставок на лошадиных скачках, где проигрывает огромные суммы. Рональд/Уильям вынужден мрачно наблюдать за тем, как жена страдает и обманывает его, наносит ущерб его состоянию и ищет новых утешений у сомнительных персонажей, пока серьезно, даже смертельно не заболевает от последствий своих эротических эскапад. (Человеки даже в самых интимных вопросах по-прежнему подвергаются нападкам со стороны крошечных, тривиально

устроенных патогенных организмов, с которыми никогда не справляются полностью, какие бы самые грандиозные и ужасные аппараты ни изобретали.)

У постели больной Ады/Сабины мадам Зандштрём выступает во второй роли: морально возмущенной, лишенной всякого сочувствия и деспотичной матери Аннабеллы. Она всегда опасалась и знала, что однажды в их с бывшим мужем общей дочери внезапно и бурно проявятся, чтобы погубить ее, унаследованные от него дурные наклонности. Ни брак с Уильямом, ни тройное материнство или высокое защитное укрепление математической и естественно-научной муштры, коей она подвергала Сабину/Аду с младых ногтей, в конечном счете не смогли отвести беду. Развратный лорд-поэт, Джордж Гордон Ноэл, 6-й барон Байрон, который еще в ее доме набрасывался на собственную сводную сестру Августу (на эту роль Мы быстро вводим Майке-Изабель, она-то уж с радостью примет косолапого красавца в шатер своих пуделиных кудрей), а, сразу после этого сбежав от скандала на континент, в первой же гостинице — на первую попавшуюся горничную (в этой роли исключительно лишь внешне невинного пер-

сонажа Мы могли бы занять Зильке-Марину), похоже, действительно наложил на Аду/Сабину проклятие собственной ранней смерти. Она сама допускала существование проклятия, открыто высказывала страх, верила, что ее постиг злой рок отца. В точности как и ему, ей было суждено угаснуть всего в тридцать шесть лет, и она в отчаянии напишет: «Нас страшат не только факт умирания и бренность, но еще и страдание, и агония. Как говорится, умереть как собака…»

Мы отвернулись. Запертые в наставнике по математике Манфреде, Мы незаметно удаляемся. Тогда понадобилось лишь контрпродуктивно требовательное предложение Бэббиджу (безоговорочно прими наши притязания на эксклюзивное представительство! Молчи, когда мы ведем переговоры о твоей машине с политиками! Предоставь все решать нашей чистой улыбке!) и чтобы Ада скатилась нравственно по наклонной плоскости, что Мы и пробили на печальной серой перфокарте. Мы толкнули шар, но, когда он покинул опасную колею, Нас уже не касаются детали его движения, пока он не остановится или не исчезнет в какой-нибудь черной дыре. Ысстх! — Мы где-то услышали ее, или Нам почудилось, что слышим, — считает

Наше неравнодушие к страданиям человеков отвратительным и смехотворным, якобы доказательством того, что Мы постепенно достигли предела Наших возможностей по количеству дел (как раз этой сотни). На самом деле она, вероятно, права. По прошествии многих столетий Нас все больше ужасает, как жалко гибнет бесчисленное множество человеков. Гарантия безболезненной милосердной смерти не является цивилизационным требованием, но порой Мы думаем, что должна бы.

В конце, то есть в конце жизни Ады, который здесь просто хорошо изображает бывшая студентка театрального факультета Сабина, остается лишь отметить, что опасность заключалась не в хитроумной машине Бэббиджа. Произведенный из двадцати-тридцати тысяч деталей викторианский компьютер не способен вычислить способ прохождения через портал. Чрезвычайное, нетехническое вторжение становится возможным благодаря именно ПРАВИЛЬНОЙ МЫСЛИ, даже на низких уровнях научного развития цивилизации, если только та располагает достаточным количеством талантливых и находчивых человеков. Сам по себе Бэббидж, Аксель, засевший в стеке данных, как в подвале, лишенный рас-

положения Сабины и всех сторонников, уже не представлял большой опасности. В образе манфредоподобного наставника Мы еще несколько раз наведывались в мрачный лондонский дом, где Чарльз провел свои последние годы, все более усталый и изможденный, работая над фантомом большой Аналитической машины, в окружении причудливых фрагментов потенциального компьютера, всеми избегаемый, над кем дети на улице потешались и кого, забрасывая камнями, прогоняли назад во тьму кабинета. Без «чародейки чисел» *(enchantress of numbers)* его интеллект никогда уже не приближался к свету настолько, чтобы вызывать тревогу.

Рональд/Уильям овдовел, Аксель/Бэббидж всеми покинут, Сабина/Ада умерщвлена — пора нанести на Нашу карту роковую и окончательную перфорацию.

4

Теперь Нам следовало прежде всего подробно изучить мадам Зандштрём, как-никак она (в самом что ни на есть настоящем времени) тетя Акселя. Мягко устранить или деликатно настроить на другой лад? Как и предполагалось, Мы (новоиспеченный гениальный программист

Манфред) получили от госпожи министра приглашение в частном порядке. Прижимая локтем громадный букет цветочных растений с одурящим запахом, призванный соответствовать габаритам мадам Зандштрём, Наш герой еще в феврале, однажды в четверг вечером, очутился у дома своей покровительницы. Это помпезное историческое здание цвета глины, населенное врачами, адвокатами, налоговыми консультантами и неприметными мафиози, выглядело мощной крепостью. На золотой табличке звонка, на выступающую кнопку которого Манфред робко нажал, были выгравированы два имени: Зандштрём (без степеней и званий) и Ванденхук (без степеней и званий).

Очевидно, наличествовал супруг или по крайней мере сожитель — умерший муж, как Нам показалось, пока Мы шли по коридору. Чернокожая экономка, или мистресс, встретила Нас у дверей и провела мимо галереи фотографий, в основном цветных снимков с изображением африканских пейзажей. Там на величественном фоне гигантских водопадов, сюрреалистически широких степей с бродящими по ним стадами слонов и семействами высокомерно-задумчивых жирафов, грандиозных озер, напичканных фла-

минго, или лабиринта соборoподобных джунглей последовательно истаивал пожилой господин в шляпе, пока не сел в инвалидную коляску и наконец не исчез полностью.

— Мой блаженной памяти муж, Иоганн Шнайдер, известный физиолог, — возникнув в конце длинного коридора, уведомила Нас сама Зандштрём. — Простите, что вас встретила Лаура, у меня еще не закончился деловой разговор.

Поскольку Лаура, мистресс, в блестящем вечернем платье цвета баклажана импозантностью фигуры не уступала проф., д-ру, д-ру Зандштрём, Манфред в конце коридора очутился перед роскошной в своей сверкающей пышности черно-белой фалангой, которая вызвала у Нашего зайчишки-трусишки внезапное желание, петляя, метнуться назад к выходу. Мы же, напротив, схватив зайчишку за шиворот, прямо-таки с неземным удовольствием переступили порог гостиной вслед за мощными баклажановыми ягодицами мистресс и высоким борцовским крупом мадам Зандштрём.

Этим вечером Мы намеревались завладеть резервными копиями проектной документации Рональда и цифровым ключом, каковые столь готовая к обороне и уверенная в себе личность,

как мадам Зандштрём, скорее всего, хранит дома в сейфе. Кроме того, Мы собирались принять решение о дальнейшем существовании хозяйки дома в принципе, не руководствуясь при этом Нашим личным расположением к госпоже министру научных исследований, чье платье цвета лавы (может, она хотела напомнить о чилийском высокогорье?) великолепно гармонировало с баклажановым платьем мистресс. Земные обитатели, вероятно, подумали бы о запыленной внешней оболочке и сверкающей фиолетовой сердцевине крупной вскрытой аметистовой жеоды, тогда как Мы скорее радостно угадывали диковинные, невыразимые в человеческих понятиях чувственные реминисценции (уютной придаточной пазухи Красшгатхора?), чем непосредственно могли наслаждаться ими, поскольку этому, словно пояс верности, препятствовало ослепление.

— Ой, да тут, на букете, еще и маленький кубик висит, — обнаружила мадам Зандштрём, освободив цветы от бумажной упаковки.

Пока мистресс искала вазу, госпожа министр внимательно изучала маленький блестящий куб, закрепленный на Нашем букете роз красной подарочной ленточкой.

Глядя на кубик, Манфред очень смутно вспомнил вечер несколько дней назад. Кажется, он сидел за столом на кухне и с осмотрительностью хирурга хитроумным способом вкладывал там друг в друга множество мелких и совсем крошечных деталей. Он в замешательстве поднял голову, чтобы вместе с Нами насладиться просторами *living room*, удивительно современной для внешне столь классически напыщенного здания. С возвышения, где Мы и Зандштрём стояли у большого стеклянного обеденного стола, открывался вид на своего рода гостевую обитель у высоких окон. Красный диван и три белых кресла образовывали зону отдыха перед открытым камином в форме стеклянной шахты, в которой трепетал огонь костерка, — под стать многим аксессуарам, доставленным сюда, казалось, прямо из африканского буша (шкуры коричневых или полосатых животных на полу, на стенах несколько витых рогов на отполированных сводах черепов, засушенные части экзотических растений в пестро раскрашенных высоких вазах). Большие черно-белые фотографии холодно посверкивающих архитектурных сооружений новейшего времени, напротив, символизировали современную Южно-Африканскую Республику,

откуда родом, похоже, была мистресс. Сейчас она, пристроив букет роз, вновь шагала к Нам в своем фиолетовом великолепии.

— Кубик Рубика, это скорее для тебя, — сказала госпожа министр, мягкой белой ручищей кладя Наш малюсенький кубик в такую же черную.

— Двадцать шесть маленьких кубов, явно сработанных из шести разных металлов, прекрасно. — Лаура, мистресс, каковой она явно не была, ибо против этого свидетельствовали золотые серьги в ушах, крошечные швейцарские часики на внушительном запястье, весьма солидное ожерелье из настоящего жемчуга и третий прибор на стеклянном обеденном столе, внимательно разглядывала Наш кубический объект глазами восхитительного цвета эспрессо. — Да они еще и очень изящной формы! — (Мы обточили кубик таким образом, что каждая из сторон напоминала квадратный цветок.)

Мадам Зандштрём не подивилась числу элементов кубика, названному живущей с ней (приятельницей? подругой детства?) Лаурой (Ванденхук?), не выказала особого интереса к расположению очень неявно различавшихся по цвету металлических поверхностей, и поэтому Мы, заняв место за празднично накрытым

столом, расслабились первым глотком шампанского. Будь госпожа министерша наделена интеллектом, подобным интеллекту ее упорно прячущегося племянника, она уделила бы Нашему маленькому кубику-головоломке больше внимания. Но если ее ум сам по себе (тлеющие угли под слоем пепельно-серой лавы) опасности не представляет, то Наша операция упрощается и Нам, быть может, придется воспользоваться лишь одной из белых таблеток, которые вместе с зелеными и голубыми Манфред носил с собой в жестяной баночке в правом кармане брюк. (Запоминай, Манфред: белые как снег — это сон, зеленые — это луга истины, голубые как небо — это смерть!)

— За жизнь! — провозгласила тост мадам Зандштрём с присущим ей изобилием витальности. Воистину!

Лаура очень искренне содвинула свой кубок, стеклянную чашу игристого, с кубком Манфреда. Жалкому бедняге не пришло в голову ничего лучшего, как отчаянно перепугаться, в то время как Мы, сидя по центру напротив обеих грандиозных, роскошных, умудренных жизнью и все же, надеемся, слегка ограниченных (тогда хватило бы белой таблетки) дам, позволяли

себе испытывать прямо-таки красшгатхорское удовольствие. Однако сразу же выяснилось, что госпожа Ванденхук триедина, как и хостессы-стюардессы-финтифлюшки, с которыми у Нашего клиента сложились очень доверительные отношения. Она была кухаркой, банкиршей и поэтессой — опасная, хотя и чересчур редкая комбинация (взглянуть только на всех этих убогих поэтов, лишенных воображения жонглеров финансами и незатейливо уплетающих за обе щеки всякий мусор поборников худобы).

За этот черно-белый вечер, когда смешанные, как полоски в окрасе зебры, чувства постоянно чередовались между теми, что испытывал трясущийся как овечий хвост Манфред, и свойственными Нашей колоссальной внутренней сущности, радостно покачивающей хоботом и бивнями, обе дамы-хозяйки то вместе, то попеременно выносили на стол самые восхитительные, достойные Лукулла творения. Их, все без исключения, требовалось запивать игристыми винами высокого качества и любопытных речных расцветок (Янцзы, желтый Тибр, Мозель в его мягких берегах), так что разговор вскоре стал извилистым, как джунгли, тропически абсурдным, колоритно чреватым опасностями.

— Давайте вернемся к проекту «Cleansmile Deep View», — предложили, к примеру, Мы с явным намеком, и мадам Зандштрём на многое открыла Нам глаза.

Потому что она, хотя и говорила с воодушевлением о будущем астрономии, которое ясно видела, хотя и восхваляла такие проекты, как «Fifty Meter Telescope», спектроскопия биосигнатур или создание летающих космических сыщиков для розыска в дальней дали гравитационных волн, у себя в четырех стенах не проявляла того восхищения проектом CDV, какого Мы ранее ожидали и опасались (голубая таблетка!). Аксель, конечно, очень заинтересован в проекте, в нем явно вся его жизнь, немного огорченно вздохнула тетя-министр, после чего Лаура направила в ее бокал пенную струю. Разумеется, Мы горели желанием глубже развить тему скрывающегося племянника. Но уже после двух безобидных вопросов Зандштрём замкнулась и заупрямилась, так что Мы предпочли дать задний ход и плыть по течению под пристальным взглядом крокодилов и бегемотов.

Однако что касается обособленности или замкнутости Акселя, Лаура Ванденхук тут же внесла в эту тему и поэтическую лепту:

—«Я со стадом
мешаться не хотел, хотя бы мог
Быть вожаком».

Мы позволили себе добавить:

—«Лев одинок – я тоже»[66].

Так Мы (двойная белая фигура) и черная поэтесса-банкирша узнали друг в друге глубоких лириков, и Нашему Манфреду пришлось опять чокнуться с ней. Он по-прежнему совершенно не понимал, какого персонажа играет в Нашей — зачастую все же довольно веселой — драме. Вероятно, ему порой казалось, будто его схватила какая-то мощная потусторонняя сила и высадила на покрытой льдом вершине горы-исполина, без проводника и снаряжения, так что он, дрожа от холода, таращился в пропасти, куда ему, чтобы вернуться домой, предстояло с превеликим трудом спуститься, не разбирая пути-дороги. Помогут ли ему эти две могучие женщины-йети, которых он случайно повстречал на ломком леднике, или ввергнут в еще большие затруднения? Веселые волны серого наряда слились

[66] Примечания: 66

Цитата из драматической поэмы Байрона «Манфред» («Manfred: A dramatic poem», 1817), перевод И. Бунина.

перед его смятенным взором с жизнерадостной качкой фиолетового, когда ему подали очередное оригинальное творение: обсыпанную золотыми пластинками веганскую имитацию говяжьего языка от коров с озера Мюриц[67]. Манфред вонзил в него вилку, однако ему тут же пришлось прерваться, чтобы вновь чокнуться свеженалитым шипучим, которое следовало опрокинуть в себя залпом. Но тут ему на помощь поспешили Мы, передав приказ головного мозга сделать лишь крошечный глоток. Фиолетовый драгоценный камень, о котором настоятельно призывало не забывать переливчатое платье Лауры, называется *аметистом*, потому что препятствует опьянению[68]. Если в дальнейшем не удавалось минимизировать дозу, сокращая частоту возлияний и объем глотка, Мы пользовались моментом, когда дамы-хозяйки теряли бдительность, чтобы большую часть налитого Нам пенного вина выплеснуть в долготерпеливую гриву львиной шкуры, покоившейся, по счастью, на полу на

[67] Примечания: 67

В национальном парке на восточному берегу озера Мюриц (земля Мекленбург — Передняя Померания) только в целях сохранения ландшафта разводят древнюю шведскую породу рогатого скота фьелль.

[68] Примечания: 68

Название камня происходит от *др.– греч.* Αμέθυστος: α- «не» + μέθυστος «быть пьяным».

расстоянии вытянутой руки от Манфреда.

Поэтичная Лаура, возможно, представляла большую угрозу, чем сама мадам Зандштрём, поскольку, помимо кулинарного мастерства и редкого профессионального дарования в трех областях, она то и дело задумчиво разглядывала маленький кубик-головоломку, который госпожа министр, чтобы воздать честь Нашему подарку, продолжала держать к северу от своих меняющихся тарелок с едой. Лаура обладала опасным пристрастием к числам и абстрактным процессам, из-за чего завела речь и о своеобразной дате, а именно о 20.02.2020. Кто бы мог подумать, сказала она, что за столь гармоничной последовательностью чисел кроется время, когда, как в Средневековье, вот-вот распространится настоящая эпидемия?

— Или что это мог бы быть один день какой-то недели, когда некий безумный расист расстреляет десять человек во Франкфурте?– сказала мадам Зандштрём с искренней печалью в голосе, и Мы (в Нашей сентиментальной фазе) почувствовали облегчение оттого, что в ее случае, очевидно, не придется применять *ultima ratio* (небесно-голубую таблетку).

Человеки бессмысленно убивали на протя-

жении очень долгого времени, и можно было постепенно утратить веру в то, что этому виду еще удастся стать истинной и суверенной цивилизацией, высказали Мы (внезапно) вслух мысль устами Манфреда.

— Ничего нового с 10.01.1010, — вздохнула увлеченная цифрами Лаура.

— Здесь, в Р., кроме двух известных всем и каждому монастырских церквей, в те времена только лес и был. Но и тогда уже друг друга уничтожали — мало не покажется, — констатировал Манфред почти по собственной инициативе.

Мадам Зандштрём взглянула на него сквозь свои любимые очки в синей оправе, очень похожая на сову.

— Так вы и в истории хорошо подкованы, молодой человек. Что же еще происходило в тысяча десятом году?

— Альфонс Шестой, повелитель Леона и Астурии, готовил реконкисту против толедских мавров, Генрих Второй оставил Италию погрязать во внутренних конфликтах и сосредоточился на борьбе с польским Болеславом, Свен Вилобородый обратил Данию в христианство и принял решение вскоре вновь наподдать англосаксам, в то время как шведский Олаф Шётконунг взял-

ся истреблять язычников-свеев в Уппланде и Вестманланде, — вспомнил Манфред. Добавив, что этот типичный образ действий производит крайне безрадостное впечатление, но подобные ужасающе воинственные тренды в секторе Европа возникали то и дело.

— Тренды! Шётконунг! — развеселилась мадам Зандштрём. — Да еще «сектор Европа» — так, будто мы что-то вроде клуба альпинистов, чем, конечно, по сути, и являемся.

— Но тем не менее это именно европоцентричный взгляд, — справедливо определила поэтичная банкирша.

Прежде чем Мы успели рассказать ей несколько забавных историй из государства Гана в верховьях реки Нигер или империи Канем на озере Чад (разве только несколько обрывочных, которые Нам удалось подслушать у барной стойки в Красшгатхоре… от Нашего агента в Африке… агента или агентки… этого за покровом ослепления Мы определить уже не в состоянии), она отмела собственное возражение восхитительно дородной ручищей, тщательно обработанные ногти которой были покрыты вишневым лаком:

— А разве не происходило ничего другого, кроме войн и массовых уничтожений невинных

людей во имя христианства?

— Отто Благочестивый никак не мог расстаться с Бертой Саксонской, — с готовностью отозвался Манфред. — По приказу папы им пришлось развестись. Несмотря на то что около тысяча десятого года он уже произвел на свет четверых или пятерых из семи их общих детей с Констанцией Прованской, его беззаконная троюродная сестра снова и снова заманивала его в свои покои.

Именно эта необузданная и непростая Берта с ее саксонским упрямством и пристрастием к математической астрономии однажды вызвала у Нас некоторое беспокойство, которое Нам все же удавалось держать под контролем, постоянно разжигая новые приступы любви к благочестивому Отто (вожделение и раскаяние, грех и наказание — ее творческий дух уже не знал покоя).

— Мой дорогой Манфред, это весьма пикантно, но я задаюсь вопросом, правду ли вы нам тут рассказываете, — усомнилась мадам Зандштрём.

— Именно потому, что в наши дни очень любят переосмысливать или вовсе намеренно искажать исторические обстоятельства, — добавила миссис Ванденхук.

Разумеется, это могло бы навести Нас на действительно значимую тему, а именно на

Седьмое цивилизационное требование:

Любое цивилизованное общество должно выработать концепцию истины, блюсти которую чувствуют себя обязанными все его члены. К той единственной истории, которая лежит в основе всех возможных точек зрения, необходимо подходить в соответствии с критериями доказуемости, полноты изложения, честного воспроизведения фактов и максимального старания сохранять беспристрастность. Кто перестает отделять ложь от истины или намеренно отдает первенство лжи, теряет в жизни суть и надежду. Миры, не имеющие основы, неизбежно разрушаются.

5

Спустя три раза по полчаса, три в высшей степени странные перемены блюд (начиная с небольшого львиного стейка с лесными грибами и брусникой) и три *bouteillen* шампанского (оно стремительно исчезало в системах труб дам) Мы пока так и не воспользовались ни одним из трех видов таблеток, которые носили с собой в жестянке Манфреда. Голубую для устранения Мы все равно пустили бы в дело лишь в самом крайнем случае, если бы оказалось, что мадам Зандштрём

по интеллекту равна своему племяннику Акселю и к тому же явно вышла на след, ведущий к порталу, чего Мы сейчас с уверенностью утверждать не могли, несмотря на ее академические заслуги и политический потенциал. Мы не исключали возможности использования белой таблетки, в случае если Наш решающий ход конем в этот вечер не удастся. Однако кое-что уже свидетельствовало в пользу скорого применения зеленой, поскольку, невзирая на принятые дамами внутрь нескончаемые потоки игристых вин цвета разных рек, обратно из них не выплескивалось ничего в Нашем понимании содержательного — разве что они все больше веселели… Манфред тоже все энергичнее хихикал с ними, так как из причитавшегося на его долю Мы, очевидно, недостаточно отливали в львиную гриву под столом.

В конце концов Нам уже стало казаться, что, помимо вскрытия сейфа мадам Зандштрём и получения доступа к ее секретному троичному ключу, остается еще лишь внимательно присмотреться к ее столь же внушительной и интересной чернокожей соседке по квартире. За вечер в ту и правда трижды ударила молния, едва Мы приняли решение пойти по зеленому пути (спустя три раза по полчаса, три полные бутылки и три

безумных блюда Мы ожидали, пожалуй, еще только три языка фламинго в меду). Какой-то частью перенапрягшегося мозга Манфред весьма, весьма смутно помнил о ночном действе в тесной лаборатории той аптеки, что находится на первом этаже его дома. И как это он только… Откуда у него оказался ключ… Откуда он знал, из каких порошков спрессовать такие прелестные разноцветные таблетки (голубые, белые, зеленые)? Картина была нечеткой, как эпизод сна, приснившегося несколько месяцев назад. Столь же далекой и фантастической представлялась ему сборка из множества деталей мудреного кубика-головоломки, который он прикрепил к букету роз в качестве дополнительного подарка мадам Зандштрём. В неясном воспоминании он видел, как блестящие детали покоятся на белой столешнице. Его собственная рука необыкновенно спокойно подняла пинцет с длинными браншами, чтобы вынуть с его помощью филигранные предметы (что-то вроде маленьких бриллиантов, крошечных батареек или пластинок) из вскрытого черепа куклы в странной одежде давней эпохи. Он вкладывал детали мозга куклы в кубик, дома, у себя на кухне, под смолками Ван Гога, по меньшей мере в каком-то безумном сне о Фран-

кенштейне. В ту секунду, когда проф., д-р, д-р Зандштрём и миссис Ванденхук, перекидываясь шуткой, поглядели друг другу в глаза, и, казалось, вдруг замерли, почти как трепанированная кукла (Фрэнсис или Франсина, так ее звали… откуда…), он (Манфред) невероятно быстрым движением руки бросил дамам в бокалы с шампанским две малюсенькие зеленые таблетки, во что, однако, не мог поверить, как не верил и невразумительным снам и воспоминаниям, мучившим его в последнее время.

— Если уж мы так много говорим о правде и дружбе, то могли бы и поменяться разок бокалами по братско-сестрински, — сказала в следующую долю секунды опять необыкновенно оживившаяся Лаура — и это потрясло Нас гораздо больше, чем Манфреда, который с готовностью протянул ей свой бокал, чтобы взамен принять бокал от нее.

Почудилось, будто за ее, в сущности, очень добродушным, по-матерински симпатичным лицом ударила первая молния. Так, словно радужная оболочка ее больших глаз цвета эспрессо на какую-то микросекунду превратилась в светящиеся синие сапфировые кольца. Случайность? Может, Нам привиделось в истерике? Или ей действи-

тельно удалось отследить Нашу замкнутую в Малой Лупе Времени манипуляцию с таблетками?

Манфред радостно чокнулся с ней и мадам Зандштрём за правду и дружбу. Они решили перейти на «ты», как это принято между братьями и сестрами. Лаура. Манфред. Эльке. Он с удовольствием выпил глоток, и еще один, и даже третий, поскольку Лаура не спускала с Нас глаз (вновь ставших кофейно-карими). Наша спрессованная в зеленую таблетку сыворотка правды, дивно незаметно растворившись в бокалах с шампанским, и обещала, и грозила быстро подействовать. Уже через несколько минут Мы ощутили новую, прямо-таки собачью, виляющую хвостом и шумно дышащую, высунув язык, симпатию Манфреда к мадам — к Эльке, да, она представлялась ему ходячей или, лучше сказать, шатающейся исповедальней, где он мог избавиться от всего, что его тяготило, а еще поведать о некоторых странностях, случившихся с ним за последнее время.

— Давайте сыграем в игру на тему «Правда и дружба», между нами, сестрами, — как ни странно, предложила в эту минуту блистающая фиолетовым, красным (губная помада, лак на ногтях) и черным Лаура столь сердечно, что Мы

только и смогли, что кивнуть Манфредовой головой. — Три вопроса — каждый должен честно ответить на три вопроса, которые ему зададут остальные, даже если они очень личные.

— Ну хорошо, во-первых, — быстро сказали Мы устами Манфреда, подняв Наш бокал в направлении мерцающей в своем сером одеянии Эльке. — Насколько на самом деле важен для вас… сорри, для тебя проект CDV? То есть для тебя как министра научных исследований.

Мадам Зандштрём весело склонила тяжелую голову, словно воспламененную короткими светлыми волосами, и подмигнула Нам сквозь стекла очков.

— Очень важен — но не настолько, как нашему другу Рональду и моему племяннику Акселю.

— Во-вторых, — уточнили Мы, — ты действительно понятия не имеешь, где твой племянник?

— К сожалению, действительно. Он может быть где угодно, этот призрак электронной почты. Но… — Мадам Зандштрём по-детски приложила указательный палец к плотно сомкнутым губам, а затем внезапно превратила его в дуло пистолета, направленное на Нашего клиента. — Но я знаю, что он близко — возможно, даже очень близко. У женщин на такие вещи чутье.

Прежде чем Нам удалось проникнуть в это чутье глубже, в словесное состязание с Нами, продолжая игру в правду, вступила хитрая Лаура. В ответ на вопрос, представлял ли он вечер у мадам Зандштрём таким, как он проходит, Мы заставили Манфреда для начала искренне покачать головой, чтобы затем (на самом деле с некоторым усилием, слегка оскальзываясь, словно двигаешь по очень гладкому льду нагруженные сани — где же у Нас была эта проблема… на Рейне или Дунае, тогда, с Картезием?) рассыпаться в ожидавшихся комплиментах кулинарным изыскам, превосходным игристым винам и, прежде всего, очаровательной и неожиданной компании втроем.

— А что, то есть как много значит для тебя на самом деле Сабина Мэкинсон? — Эльке Зандштрём ни в коем случае нельзя недооценивать!

— Я всегда восхищался ею. Со школьных времен, — подчиняясь Нашей воле, вздохнул Манфред и, буквально как вода по капле сочится в маленький желоб, пустился в признания, краснея, с дрожащими руками, тараторя и заикаясь, выдал несколько эвфемизмов об уме, красоте, сердечности и поразительных организаторских способностях Сабины, однако не особо давая

слово нижней части своего тела, поскольку Мы хотели еще намекнуть величаво-значительной черно-белой паре сестер-королев по другую сторону стеклянного стола, увенчанного теперь тремя пустыми бутылками из-под шампанского, что они могут разжечь в бедном молодом программисте невыразимые, бурные, даже запретные страсти, когда им заблагорассудится.

— Мой маленький кубик… я заложил туда много всего, — вдруг пояснил Манфред (будто внутренний голос, если не какая-то неодолимая сила, прервал его противоречивые дифирамбы Сабине и безмолвное восторжение Эльке и Лаурой и призвал его к порядку). — Там собраны последние и лучшие алгоритмы для Акселя. Чтобы его открыть, нужно просто установить все грани в шахматном порядке. Вы, то есть ты — и это мой третий вопрос, — из тех, кто хранит ценности в сейфе в спальне?

Мадам Зандштрём, покраснев, слегка коснулась подбородка, а затем внезапно улыбнулась и, схватив Наш блестящий кубик, быстро и удивительно уверенно поднялась, чтобы спуститься с возвышения. Она пересекла просторную гостиную со все еще мерцающим огнем в камине и красно-белой мягкой мебелью и исчезла за раз-

движной дверью под витыми рогами антилопы.

— Она абсолютно точно получила что хотела, — сказала Лаура, похоже искренне удивленная. Сидя теперь напротив Манфреда одна, она еще раз подняла свой бокал с игристым вином (будто для того, чтобы навязать Нам еще один глоток, который Мы послушно сделали). — Кстати, большое спасибо, что ты и третьим вопросом не коснулся ее покойного супруга.

«Неужели его сожрал лев, лучшие части которого Мы только что с аппетитом вкусили?» — чуть было не спросили Мы, но Манфред учтиво улыбнулся:

— Не за что. А как ты, кстати, относишься к Рональду и Сабине Мэкинсон и ко всему этому сомнительному проекту «Cleansmile Deep View»?

— Если говорить честно… как того требует наша игра… я помогаю с финансами, но все это меня очень мало интересует. Я больше люблю заниматься земными вещами, чем заглядывать в глубины космоса. Но кое-что в последнее время все же привлекло мое внимание. Уж очень изощренным способом кто-то, возможно одиночка, но, вообще-то, скорее группа, устроил атаку на бизнес Рональда. Все эти рейдерские захваты исключительно тех компаний, которые сейчас,

в условиях эпидемии или пандемии, получат большие деньги! Будто кто-то, какая-то группа поистине прожженных инвесторов сумела заглянуть в будущее.

— Мечта всех позиционных трейдеров, — согласился с ней Манфред, наверху пожав плечами, в то время как внизу Мы уже расслабили ему бедра и вытянули ноги, чтобы способствовать кровообращению. — Заглянуть в будущее хотя бы на два года вперед.

— О да, что случится 20.02.2022? В этот день через два года?

В Лауру, казалось, во второй раз ударила молния, и на полсекунды цвет ее глаз вновь сменился на пронзительно-синий, а сама она мало того что четко сформулировала вопрос, но и, обладая быстрой реакцией, сквозь стекло столешницы беспрепятственно отметила, как расслабилась у Нас нижняя часть тела.

— Добавим еще дважды два дня, и в Европе вспыхнет война, — услышали Мы свой голос так, словно это не Мы развязали язык Манфреду, а он — Нам.

— В феврале две тысячи двадцать второго года война в Европе? Начнется двадцать четвертого? И как такое возможно? Ведь этот континент набит

ядерным оружием!

— Именно поэтому, — вырвалось у Нас (зеленое, жгучее, как мокрота, которой уже не сдержать). — В нарушение

Восьмого цивилизационного требования:

Любая цивилизация, которой удалось разработать идеальное оружие, способное уничтожить большую часть или даже всю цивилизацию, включая доставшуюся ей планету (или систему планет), обязана в согласии с остальными вновь избавиться от этого оружия и решительно и мирно препятствовать его повторной разработке.

— Цивилизационное требование? Идеальное оружие? О чем это вы? — Надежно спрятав кубик у себя в сейфе, из африканской гостиной к Нам на возвышение поднялась мадам Зандштрём, Эльке, явно довольная и расслабленная, но и подавляя зевоту.

Лаура (несколько снисходительно-самодовольно) объяснила, что Манфред только что смело заглянул в будущее, хотя и кажется очень скромным и осторожным. Возможно, однако, он стоит на плечах гигантов, в чем до него признавались

многие великие мужи[69].

— Или, как египетская цапля, на слоне[70], — вспомнилось мадам Зандштрём.

Когда она предложила приготовить эспрессо, Мы с благодарностью согласились и быстро подняли шатающегося Манфреда на ноги, чтобы отвести его к туалету для гостей (здесь, вокруг стола и сразу направо). Оказавшись в одиночестве в белом или, точнее говоря, оформленном отчасти в цвете слоновой кости, отчасти в сером цвете слоновьей же кожи помещении, Мы смогли наконец, сначала позволив Манфреду быстро помочиться, а затем дважды с глухим стуком ударив его лбом о кафельную стену, выполнить короткое медитативное упражнение для восстановления самоконтроля. Что бы (яростное, вспыхнувшее сапфирной синевой) ни вселилось в эту Лауру, Мы попали в сейф мадам Зандштрём, и тем самым цель этого опасно-веселого вече-

---

[69] Примечания: 69

«На плечах гигантов», «стоя на плечах гигантов», «карлики на плечах великанов» (*лат.* nanos gigantum humeris insidentes, *англ.* standing on the shoulders of giants) — известная метафора, означающая, что новые достижения в познании, науке и искусстве возможны благодаря открытиям, сделанным предшественниками.

[70] Примечания: 70

В живой природе египетские цапли часто садятся на спины африканских буйволов, зебр, слонов и других крупных млекопитающих, выискивая в их шкурах насекомых или высматривая иную добычу.

ра, похоже, была почти достигнута. Оставалось лишь несколько раз бегло пройтись пальцем по экранчику Нашего мобильного телефона. И тогда среди драгоценностей хозяйки дома, в темноте сейфа, скрытый от глаз, беззвучно и элегантно раскрылся Наш волшебный кубик, подпрыгнув, точно свернувшийся перед этим во сне клубком паук. На хрупких лапках, оснащенный чуткими щупальцами, выскочившими из недр кубика, информационный зонд ощупью продвигался вперед. Он быстро обнаружил маленький жесткий диск со множеством документов проекта CDV и флешку, на которой хранился цифровой ключ мадам Зандштрём. Если бы кому-то посчастливилось заглянуть в зандштрёмовский табернакль, как следует его осветив, он, должно быть, подумал бы о причудливом соитии хайтековских насекомых, когда наш паук набросился на все же скорее древние носители информации человеков с помощью тех особых сенсоров и эффекторов, которые Мы изъяли из головы картезианской куклы-Франсины. Это была *dirty play*[71], абсолютно, не очень-то *gentlemanlike*[72], вероломное и,

[71] Примечания: 71
Нечистоплотная игра *(англ.)*.

[72] Примечания: 72
По-джентльменски *(англ.)*.

несмотря на изящество механики, грубое частичное решение в пазле Нашего сотого дела. Уже скоро на Нашем маленьком экране показалась алая, как заря, полоса индикатора загрузки. Теперь оставалось лишь преодолеть препятствие в виде почти двухчасового скачивания из-за металлических стенок сейфа и довольно большого расстояния до спальни, которое Нам не следовало увеличивать без нужды. С этой целью Мы придали Манфреду интригующий полусонный, полусладострастный *appeal*[73] и отправили его, качающегося, назад к празднично накрытому стеклянному столу.

Сейчас там сидела одна мадам Зандштрём с двумя чашечками благоухающего эспрессо. Мы чуть не попросили ее о маленькой порции мятного ликера (или, может, в ее запасах есть даже стрегацотти?). Лаура, как сообщила Нам Эльке, уже ушла к себе, но передавала большой привет. Вероятно, предположила хозяйка дома, после всего радостно употребленного шампанского Манфреда тоже клонит в сон. Эльке не хотела брать на себя ответственность за то, что он в таком приятно-расфокусированном состоянии рискнет

---

[73] Примечания: 73
Очарование, привлекательность *(англ.)*.

в одиночку возвращаться домой. Поэтому, после того как они оба влили в себя немного горячей кофейной бурды, она сопроводила лихорадочно скачивающего в левом кармане брюк Манфреда через всю *living room* и раздвижную дверь под рогами антилопы в очень комфортабельную гостевую комнату с собственной ванной комнатой. Там, по словам Эльке, были прекрасные новые зубные щетки, а после освежения рта «госпожа министр» (Эльке, галантным поворотом мягкой белой ручищи) рекомендовала принять горячий душ, после чего Манфред, возможно, обнаружит еще чудесное *лакомство на сон грядущий*.

Послушно совершив освежение рта и омовение тела, Наш клиент слегка разочарованно взглянул на подушку на его гостевой кровати, где, очевидно, ожидал увидеть какую-нибудь шоколадку или нечто в этом духе. Еще не решив, ложиться ли в естественном состоянии или сначала облачиться в полосатую наподобие зебры пижаму, разложенную для него на спине высоколапого деревянного крокодила, он внезапно услышал, что брякнул его тесно связанный с сейфом мадам Зандштрём, энергично скачивающий информацию мобильный телефон. Текстовое сообщение испугало его не на шутку, Нас же, напротив, развеселило:

Отсюда уже недалеко.

Бодро пересеки коридор.

Третий вопрос: ты осмелишься?

Ни секунды не колеблясь, Мы оставили полосатую, как зебра, пижаму на спине крокодила нетронутой. Одна из дверей в коридоре была приоткрыта, и в щелочку мерцал красный свет. Когда Манфред с бешено бьющимся сердцем, совершенно не в силах понять, на что он в данный момент способен, осторожно открыл дверь чуть шире, вид хозяек потряс его, как внезапный трубный клич слонов. В закатных лучах над саванной, весьма художественно освещенные, на просторной кровати сидели Эльке с Лаурой, спинами прислонясь к выдвижному ящику — мощный двойной конус, белый и черный мрамор, обнаженный в барочном великолепии. В голову Манфреду приходило лишь одно: отказаться, развернуться, отбиться и бежать, стремительно, сломя голову бежать.

Заметив это тело жалкого грешника, мадам Зандштрём широко улыбнулась и, энергично перегнувшись, нырнула головой в сокрытый внизу у Лауры мир, словно обнаружила там темный хоботок или маленькую гаргулью. Манфред ошарашенно уставился на ее мерцающую, как

марципан, раздвоенную мощь, собираясь дать деру. Однако, если слониха замирает, подогнув передние ноги, то ожидает она не фламинго и не прозорливую египетскую цаплю, а половозрелого самца. Мы полностью отключили Манфреда и радостно подступили ближе, что от Нас и требовалось. В глазах теперь почти совсем черной Лауры полыхнула третья сапфировая молния, будто ей были знакомы все сомнительные удовольствия Красшгатхора.

VIII. (Как бы) отлет

1

Она проснулась в Наших объятиях и сразу заговорила с Нами стихами:

—«Искусством лицемерить, тем злорадством,

С которым смотришь ты на скорбь других,

Безжалостным коварством ков твоих

И с Каином твоим позорным братством,

Кляну тебя – чтоб трепетом объят,

В себе самом носил ты вечный ад»[74].

Неужели она хотела, чтобы Мы сами себя терзали? Или просто описывала собственное состояние? Учитывая все то наслаждение, которое она Нам (Манфреду вокруг Нас) подарила, хотелось предположить, что она говорит скорее

---

[74] Примечания: 74

Цитата из драматической поэмы Байрона «Манфред», перевод П. Козлова.

о своем самоощущении, чем о Нас, повергавших Манфреда-Авеля во всякие странные ситуации не из Каинова недоброжелательства, а лишь во исполнение Нашего почетного долга предотвращать опасность.

— Что это тебе вздумалось именно сейчас цитировать лорда Байрона? — спросили Мы, хотя рисковали этим добавить Нашему клиенту, маленькой египетской цапле, еще одно неожиданное, загадочное измерение (понимание поэзии при полном отсутствии томиков стихов в его шикарной холостяцкой квартире).

— Но ты же сам начал — когда сказал, что то, о чем больше всего хочется забыть, сидит внутри тебя самого!

Мы так сказали? Неужели Манфред позволил себе бунтарское замечание, пока Мы ненадолго предались медитации (например, можно мысленно соединять двадцать пять тысяч мелких деталей, которые Бэббидж собирался изготовить для своего механического компьютера, и смотреть, сложится ли пазл)? Закончив сборку машины Бэббиджа (если не считать несущественных неполадок с заеданием, она работала бы безупречно), Мы вызвали в памяти воспоминания о веселой черно-белой кутерьме с

величественными телами Лауры и Эльке, которые скорее ужаснули, чем обрадовали Манфреда (ему казалось, что он чуть ли не в каком-то преступлении участвует). Может, по этой причине он позволил себе бунтарское высказывание о Нас, присутствующей в нем высшей инстанции, немного дал козла[75], как это называется у профессионалов?

Раз уж так случилось, Мы оставили все как есть и с удивлением слушали, как Наша подруга детства в теплой постели, благоухающей дикорастущими травами, продолжала говорить о трагической судьбе английского поэта. У нее сложилось впечатление, что, должно быть, еще до того, как Байрон прибыл в Италию, чтобы писать и, по обыкновению, причинять зло (та веселая, грациозная девятнадцатилетняя Тереза, на сносях, замужем за человеком намного старше себя, — в общем, Байрон нашел достаточно причин, почему она встретилась ему как раз в нужное время), с ним произошло нечто, сильно его впечатлившее или, лучше сказать, испугавшее. Под этим «нечто» она имела в виду не короткую интрижку с Клэр, сводной сестрой

[75] Примечания: 75

В конном спорте так говорят, когда лошадь делает резкий прыжок, взбрыкивая задними ногами.

Мэри Шелли, в результате чего почти год спустя после рождения Ады появилась вторая дочь, Аллегра, а что-то поистине нездешнее, ужасное, какую-то встречу, чрезвычайно смутившую Байрона, ужаснувшую, обратившую его в бегство, хотя избежать последствий этой встречи ему так никогда и не удалось. За все годы, проведенные в Италии, несмотря на Терезу, кочевавшую вместе с ним и даже получившую с разрешения папы развод, и прочие радости (та чувственная, мягкая, как тесто, белая булочница в Вероне с влажными красными руками, тот юноша в дальней комнате притона в Милане), он, видимо, уже не знал покоя, пока, гонимый страхом смерти, не умер (довольно бесславно) от переохлаждения в борьбе греков за свободу от турок. Похоже, это случилось в туманные франкенштейновские ночи на Женевском озере, в час, когда среди намеренно упивавшихся поэтов появлялись чудовища. Пугающая фигура с закрытым лицом, которая поднимается из-под земли, подобно богу преисподней! Она неизгладимо врезалась ему в душу, глубоко запечатлелась в памяти, превратилась в постоянно угрожающую внутреннюю силу разрушения, неустанно толкающую его к пропасти, к безумию, к самоубийству, именно к

той преисподней внутри себя самого, о которой он писал и говорил снова и снова.

Как Нам было ей объяснить то, чего Мы не имели права раскрывать ни в коем случае: лорда — опьяненного, необузданного, возвышенного, отринувшего все границы — стремительно вознесло озарение, столь близкое к ПРАВИЛЬНОЙ МЫСЛИ, что Наша коллега Ысстх! которой поручили заниматься делом Байрона лишь походя (и с нарушением хронологической последовательности по отношению к делу Картезия), была вынуждена реагировать крайне быстро и прибегнуть к той форме *ultima ratio*, какую использовать разрешается лишь в экстренных ситуациях: *она явилась ему!*

Человеки, особенно из тех незаурядных изобретательных умов, что, как правило, и составляют Нашу клиентуру, никогда не были способны, увидев одного из Наших, оставаться в живых дольше двух-трех дней. Нам это даже казалось немного обидным: можно подумать, что в зеркалах человеческих глаз Мы отражаемся донельзя отвратительными, донельзя мерзкими, ужасающе уродливыми и душераздирающе страшными. Но дух из их тесной оболочки выпускают (и чем этот дух значительнее, тем быстрее) исключительно

Наша комплексность и замысловатая, роскошная размерность. И своей способностью так надолго оттягивать собственную гибель после встречи с Ысстх! лорд удивил даже экспертов Внешнего министерства. Можно предположить, что выносить запечатленный в его душе, сжигавший дотла гигантский образ Ысстх! ему помогала неугомонная сексуальная и писательская активность, чудодейственный эликсир из спермы и чернил, изливание вместо вливания внутрь. Да и его внук Ральф, граф Лавлейс, полагал, что дед почерпнул идею предсуществования из определенных восточных легенд и считал себя существом с какой-то другой звезды, падшим и сосланным на Землю, за некое совершенное на небесах преступление осужденным губить собственную жизнь и жизни окружающих.

— Он думал, что принужден разрушать или даже убивать именно то, что любит,– пробормотала Наша возлюбленная, словно была способна ясно читать Наши мысли.– У него написано: «Но гибельны мои объятья были»[76].

Прекрасный, хотя и косолапый, обладающий глубокими умом и внутренним миром лорд, вне

[76] Примечания: 76

Цитата из драматической поэмы Байрона «Манфред», перевод И. Бунина.

всяких сомнений, преобразил открывшуюся ему Ысстх! в деструктивное представление о самом себе — и, возможно, именно поэтому прожил еще несколько лет после встречи лицом к лицу с одним из Наших. Радикальный (и не только в этом деле) подход Ысстх! привел к тому, что Нам, Цорргху, поручили заниматься дочерьми лорда Байрона. В случае сумбурно-самовольной бедняжки Аллегры делать ничего не пришлось, тем более что, едва ей исполнилось пять лет, ее, как и малютку Франсину, дочь Картезия, унесла болезнь (в данном случае тиф) в одном монастыре в Баньякавалло. Зато ее сестра Ада, на которую так невероятно похожа Наша возлюбленная (пассия Манфреда), доставила Нам позже изрядные и печальные хлопоты. Только вот откуда Сабина так много знала об опасно-блистательном клане Байронов?

— Меня натолкнула на это Лаура, — тут же ответила она на вопрос, заданный Нами как бы между прочим. — Подруга госпожи профессора Зандштрём. Она банкирша и поэтесса и хорошо разбирается в самых деликатных подробностях.

Тут Мы могли бы согласиться с Сабиной в самых разных отношениях (опять постыдные воспоминания для маленькой египетской цапли). Однако

Мы лишь вызвали улыбку на простодушной физиономии Манфреда, в растерянном удовлетворении блуждая Нашим/его восхищенным взглядом по его собственной спальне, начав от настенной вешалки и белого стула под ней, где сейчас вместо вещей Майке-Изабель расположилась одежда Сабины. С тем же восторгом, с каким глубокие знатоки искусства любовались бы красующейся в золотой раме справа от шкафа единственной обнаженной натурой живописца Вермеера, позирующей на синем с золотом шелковом покрывале, так же воодушевленно разглядывал Манфред давнюю школьную подругу, лежащую под ней равным образом неприкрытой на его весьма пригодной для этих целей (купленной Нами намеренно очень широкой, поразительно напоминающей зандштрёмовскую) кровати. В то время как, на Наш, видимо все еще вдохновляемый Красшгатхором, вкус, приз без труда завоевала бы огромная, молочно-белая, восхитительно фарфороподобная, с голубыми прожилками горничная Вермеера, Манфред таял, глядя на длинные ноги, изгибы бедер и спадающие на яблоки грудей волосы цвета эбенового дерева, так что стоило опасаться, что скоро от него ничего не останется. Он не мог постичь, как

ему удалось переместить сюда эту великолепную Сабину в том виде, в каком ее создала природа, — и не зря, поскольку без Нашего содействия это не удалось бы ему ни за что и никогда.

Смешно вспомнить: вчера вечером, через два дня после успешной операции у госпожи проф., д-ра, д-ра Зандштрём и миссис Ванденхук, операции, обременившей и обогатившей Наш маленький мобильный телефон весьма интересными данными из сейфа, а Манфреда — в его понимании ужасающими помпезно-византийскими картинами оргии, Нашего клиента у двери в его квартиру вновь застала врасплох заметно вымотанная давняя школьная подруга, почти как в повторение сцены из студенческих времен, когда Сабина, чтобы ускользнуть от своего агрессивного драматурга, искала прибежища в Манфредовой старой берлоге. В нынешней ситуации она казалась не менее взбудораженной. Она наняла человека вести слежку за Рональдом, который тоже следил за ней (только не так умело). Мало того, что из-за чудовищных атак на концерн «Cleansmile» он был совершенно вне себя и теперь, несмотря на весь ее опыт и организаторскую сноровку, просто игнорировал ее, если вообще не пикировался с ней и не действовал ей

наперекор, так он еще и завел интрижку именно с той таинственной блондинкой, что сопровождала Манфреда на презентации для экспертов. Правда, он это скрывал и врал напропалую, но ночами где-то пропадал, а в ответ на расспросы спасался тем, что яростно хулил анонимных посягателей на их концерн, которые якобы еще и сводят его с ума и вынуждают отправляться в непредвиденные командировки.

Разумеется, прежде всего Манфред стремился заверить ее, что разделяет ее чувства, сострадает ей и понятия не имел о последствиях того званого вечера. Утверждал, что едва знает эту Зильке-Марину, с блеском сопровождавшую его тогда. Он вышел на нее только через Майке-Изабель, которая сама в тот день пойти с ним не смогла. Просто он не хотел сознаваться — вот первое к месту ввернутое признание — в том, что он одинокий холостой джентльмен, чья горячо любимая женщина принадлежит другому.

Вчера вечером, когда было пролито много слез, Сабина в его хорошо отапливаемой *living room* утратила кое-что из одежды, поскольку вскипела от возбужденегодования. В конце концов она, босая, с распущенными волосами, оголенными руками и сползшей с левого плеча костюмной

бретелькой, сидела на коленях у Нашего героя, который, с одной стороны, едва не падал в обморок, находясь под впечатлением, будто на него всей тяжестью свалился готовый согрешить могущественный ангел, а с другой, ощущал, как в нем просыпается и не дает покоя та совершенно чуждая ему гордая сила Пана, каковая еще совсем недавно возносила на вершины блаженства банкиршу Лауру. В последний миг — у Сабины уже проявлялись симптомы, показывающие, что она сбита с толку и неприятно удивлена, — Мы осознали самый важный элемент игры в этих отношениях, а именно, что Сабина должна оставаться в ней милостивой господствующей стихией, снисходящей к совершенно обезоруженному, восхищенному Манфреду. И тогда Мы поступили очень мудро, сделав самое необходимое: Мы отключились. Подобно тому, как тогда вывели из игры с двумя мощными ферзями Манфреда, дрожащего коня, который только мешал, теперь Мы на время устранились сами. Просто влюбленным человеческим детям нужно иногда оставаться наедине.

2

— Ты, наверное, знаешь, как Байрон описывал это ужасное расположение духа: *не умираешь, не спишь и не испытываешь никаких желаний, никакого любовного влечения ни к чему на свете.*– Сабина перевернулась на живот, обняв подушку, как плавательный круг, и глядя в загадочную даль, словно голышом уплывала в открытое море.

— Состояние машины, — сказал Наш храбрый клиент, отсутствующим взглядом неуверенно спускаясь вниз по ее позвоночнику. (Чем они тут вообще занимались, пока Мы медитировали?)

— Много лет я провела в таком состоянии — деловая женщина, закоченевшая насквозь, до самого сердца.

— А потом?

— Вновь встретила Акселя и начала осмысленный проект, а еще встретила тебя. И я с тобой именно в тот момент, когда все опять становится проблематичным.

— Как тогда с твоим театральным другом.

— Да, нет — ведь сейчас все еще хуже. Мы с Рональдом женаты много лет, мы создали предприятие, мы активно занимались благотво-

рительными проектами, хотя отношения между нами сильно охладились, ничего уже не складывалось. Два трудоголика. Но тут появился проект «Deep View», вместе с Акселем и профессором Зандштрём и с тобой, и я опять стала мыслить позитивнее. Привнести в мир нечто совершенно новое, взгляд во Вселенную, которого никогда прежде не бывало. — Казалось, что Сабина обнаружила вдалеке интересные объекты в своем море — может, айсберги или выдуваемые китами фонтаны. — Запертый в ящике, в клетке или, точнее, в изолированном боксе с черными стенами, который едва освещается сквозь узкую смотровую щель. Жить так годами. Что будет с таким человеком?

— Ты не живешь и не умираешь, ты не испытываешь никаких желаний, — предположил Манфред (вовсе не так уж глупо).

— Вот именно.– Сабина по-прежнему лежала в той же позе, словно на надувном матрасе. Ее можно было бы замечательно вписать в одну из висящих в гостиной картин живописца из Босха.– Когда вы устроили соревнование «CARTESIO», ты и Аксель, речь все время шла лишь о том, чтобы имитировать человеческий разум, *the imitation*

game[77]. Вы задавались вопросом, как запрограммировать машину таким образом, чтобы ее ответы или участие в беседе уже нельзя было отличить от таковых какого-нибудь человека. А еще вам больше всего хотелось бы создать человекоподобного робота, как в научно-фантастическом фильме. Или что-то вроде этой куклы…

— Куклы, вот как…

Мы попали в затруднительное положение, когда Сабина неожиданно заглянула в рабочий кабинет Манфреда. Там еще сидела Франсина, искусное подобие дочери Декарта, с раскрытым черепом, из которого Мы изъяли несколько основных деталей, чтобы поместить их в Наш маленький подарок для госпожи Зандштрём, похожий на паука кубик, очень успешно поработавший в ее темном сейфе. По Нашему наущению Манфред поспешно объяснил, что из этого должен получиться игровой робот с эффектом под старину для детей Донателлы, говорящая кукла, будто из семнадцатого века.

— С помощью машины собезьянничать человеческий разум — «обезьянничать» хорошо сказано — это одно, это то, что все пытаются сделать, то,

---

[77] Примечания: 77

Букв.: имитационная игра *(англ.)*, тест Тьюринга.

чего вы хотели добиться своими программами «CARTESIO». Вы хотели опровергнуть возражение дочери Байрона, леди Лавлейс, будто подобная программа не может быть ни оригинальной, ни изобретательной. — Леди Сабина, лежа на животе, подняла голову и, вытянув руки, посмотрела на свои ладони с неприятным удивлением, словно они принадлежали киборгу, которому придали вид Ады. — Но наоборот, даже если все так, как ты однажды прекрасно выразился: что разум без тела, как птица в космосе, которой негде приземлиться, или как птица в небе без земли… Что, если у кого-то есть полностью функционирующий разум, возможно даже выдающийся, и ему нужно дать новый дом в каком-нибудь ящике, я хочу сказать — в машине? Поймать птицу, спасти ее, посадить в клетку…

— Клетка может оказаться для нее слишком тесной, — почти непроизвольно сказали Мы; в конце концов, Мы ведь торчали в курином умишке этого Манфреда, чьи окуляры то и дело скользили вниз по мягкой белой спине Сабины до красиво изогнутого расширения, чтобы сфокусироваться там на маленькой родинке.

— Слишком тесная клетка. Не теплое собственное тело, вообще не тело, а всего лишь холодная

система машины, за которую вынуждена цепляться… птица Разум. Как думаешь, птица или животное знают, что это такое? У них есть самоосознание?

Манфред вспомнил двух собак, с которыми вырос, — шуструю черную дворнягу с шерстью, как у пантеры, и меланхолично пускающего слюни и вздыхающего боксера.

— Да, в каком-то смысле есть. Но вероятно, неясное или расплывчатое.

— Однако человек осознает себя ясно и четко. И не только в моменте, но и через много дней и лет… так сказать, в совокупности, как результат своего бытия.

Манфред согласился с такой точкой зрения. Он сказал, что, по его мнению, именно этим повышенным самоосознанием люди и отличаются.

— И все же это обоюдоострый меч. Ведь можно сделаться и адом самому себе, на что жаловался Байрон. — Похоже, в это зимнее утро, после этой довольно-таки (судя по всему, Мы сильно углубились в медитацию) отрадной ночи любви что-то по-прежнему наводило Сабину на мрачные мысли.

— Пожалуй, можно сказать, что способность убить самого себя является наивысшим вы-

ражением или абсолютным доказательством самоосознания. Так не поступает ни одна машина и ни одно животное, — провокационно заявили Мы, чтобы вернуть Сабину к веселым темам.

Между тем эта мысль только впечатлила ее, и она всерьез над ней задумалась.

— Возможно, суицид — это последняя свобода, которой люди ни за что не хотели бы лишиться.

–Ultima ratio.

— Если такое сознание… такую переливающуюся разными цветами райскую птицу засунуть… запихать в машину… в компьютерную коробку без рук без ног… У него уже не было бы тела, но, может, оно смогло бы жить там вечно или очень-очень долго.

— Тогда, в случае если речь шла бы о моем разуме, я выговорил бы для себя возможность самому установить срок, когда меня отключить, — например, дав определенное указание, сообщив заранее установленное ключевое слово.

Сабина вновь притянула руки к себе и повернулась в кровати на бок, лицом к тоже лежавшему на боку Манфреду.

— Если ты разум в инородной машине, как джинн в бутылке, то не можешь знать, как все обернется.

— В долгосрочной перспективе — ненормально, — предположил Манфред по собственному почину, но тут Мы были полностью с ним согласны.

Внезапно, словно речь шла о близко связанных между собой темах, Сабина вновь начала жаловаться на своего неверного мужа Рональда. По ее словам, она с ним уже распрощалась! Раз она здесь! Если бы ему не давали покоя только терпящий крах бизнес, рейдерские захваты, загадочные обвинения в налоговом мошенничестве. Так ведь он вовсю и весьма странным, скотским образом крутит с этой Зильке-Мариной, которую притащил с собой Манфред. Якобы есть ужасающие снимки, сделанные с помощью телеобъективов через окно гостиничного номера!

Выражать ей Наше полное сочувствие, Наше раскаяние, Наше изумление и негодование по поводу язвительной блондинистой коллеги Майке-Изабель Мы предоставили Манфреду, которому эта хостесса-стюардесса казалась еще более зловещей, чем Нам. (Или все же наоборот?)

— Одну любезность я ему еще окажу, ведь у нас же длинная общая история. Проект CDV — Рональд увлечен им, как и все мы. Он непременно хочет представить его и осуществить. Госпожа

Зандштрём сообщила ему, что рассчитывать на дальнейшую поддержку он сможет, если предъявит большую убедительную презентацию. Аксель согласен, он считает, что с твоими алгоритмами это возможно, и поэтому я принесла код. — Сабина указала в сторону «Лежащей» Вермеера, но имела в виду, похоже, один из предметов своей одежды, разложенных рядом с картиной.

— Тогда нам стоило бы довести дело до успешного завершения!

Манфред, удивленный своим энергично-уверенным и в данной конкретной ситуации, похоже, двусмысленным заявлением, вздрогнул, когда высокая черноволосая женщина с длинными конечностями и благородными изгибами, сияя глазами, придвинулась к нему еще ближе и медленно приподняла правое колено. Сейчас, пока он, задыхаясь от усердия, полностью не лишился сил или не сморщился, Нам показалось разумным вселиться во все его члены и бодро продемонстрировать то же мастерство, которое Мы две ночи назад явили восхищенной Эльке и деятельной Лауре. Однако что-то в этой умелой решимости, в этой свободе действий, уверенности в себе и откровенности, казалось, беспокоило,

если не отталкивало Сабину. Мы притормаживали, замедлялись, немного смягчались, но и это вроде не очень помогало, и Мы уже всерьез опасались, что никоим образом не сможем ей угодить. Поэтому Нам ничего не оставалось, как вновь послать в бой Нашего жалкого заместителя, всецело предоставив действовать Манфреду со всей его бестолковостью, неуклюжестью и крайне загадочным талантом все же превосходить Нас не пойми в чем.

3

В крайнем удивлении Мы задаемся вопросом, как Рональду удалось направить машину в пропасть столь неожиданно, что сидевшая рядом спутница, даже будь у нее в распоряжении Малая Лупа Времени, оказалась бы не в состоянии предотвратить аварию, например решительно вцепившись в рулевое колесо. Они неслись к мосту по и без того очень крутой дороге, возможно, еще и по взаимному согласию, поскольку машин было мало, и Рональд притворился, что хочет показать высший пилотаж. Если кто-то решается лишь в последний момент, так что и опытный наблюдатель едва ли отметил бы малейшее колебание, трепетный миг принятия решения,

чрезвычайно быструю и краткую мысленную подготовку финалиста (как Мы обычно называем оказавших Нам услугу суицидентов)… Если задумка появилась лишь при виде низкого ограждения, временного отбойника вдоль встречной полосы, который, возможно, остановил бы едущую там машину, но не «ферруччи», мчащийся на него из-за крутого поворота с противоположной стороны дороги…

Над Волчьим ущельем вблизи Фекса-на-Ваксе тянется мост длиной двести метров. Красная машина, совершившая побег в никуда сразу за его южным устоем, отклонившись от курса, поначалу, казалось, парила горизонтально на уровне проезжей части, словно обнаружила альтернативную дорогу в воздухе. Стоял солнечный мартовский день, так что еще за несколько минут до отлета Зильке-Марина подумывала откинуть люк в крыше. Но к сожалению, этого не сделала. Наверняка она прокляла ту минуту, когда уговорила Рональда провести ночь после катастрофы в пятизвездочном отеле «Скачущий олень». И то, что уступила Рональду руль Нашего «ферруччи» на время непродолжительной прогулочной поездки, теперь ей наверняка тоже казалось более чем неприятным — но обратимся к самому

водителю, который все еще крепко держит руль в руках, будто тем самым управляет рулями направления и высоты и мог бы элегантно плыть по воздуху.

Решающим — последним и заключительным толчком — стал, должно быть, вечер накануне этого солнечного мартовского дня, вечер большой презентации. В этот раз на вилле «Матильда» собралось больше ста гостей. На покрытом уже не снегом, а первыми цветами газоне стояли сразу два вертолета титулованного повара ДУРШЛАГА. В дополнение к экспертам Трику, Траку и Рите пришли еще тридцать специалистов, к одному политику (мадам Зандштрём) — еще целых десять, помимо того телохранители, журналисты, команда телевидения и радиовещания, влиятельные промышленники, их еще более влиятельные супруги (и самые влиятельные из всех — блестящие хостессы-метрессы с загадочно-мрачными улыбками), а также непонятные, благородного вида личности, производящие друг на друга глубокое впечатление импозантными гардеробами и неясными функциями. На полчаса Рональду показалось, что он действительно все забыл, отринул все невзгоды — как на самом деле только теперь, в полете высоко над Волчьим

ущельем, когда колеса «ферруччи», словно испытывая огромное облегчение, крутились еще быстрее. Атаки на концерн «Cleansmile», стоившие ему десятки миллионов! Его отчаявшиеся управляющие, руководители дочерних предприятий, чьи тревожные сообщения наводняли его телефоны и компьютеры! Лысоголовые, похожие на арестантов помощники прокурора в дешевых серых костюмах, заталкивавшие в его офисах папки с документами в белые картонные коробки с отверстиями для переноски! Все это можно было вытеснить, умалить, отодвинуть подальше, заслоненное блеском того часа, когда будет представлен проект CDV как техническое чудо, которое он анонсировал в эксклюзивной брошюре-приглашении: орлиный глаз человечества!

Взгляд во Вселенную с такого необычного ракурса, как сейчас, из летящей машины, капот которой медленно опускался в зубчатые зеленые глубины Волчьего ущелья, с сидящей рядом Сабиной — нет, но, возможно, он, Рональд, потому и увлек с собой в пропасть потерявшую дар речи (беззвучно визжащую?) Зильке-Марину, что благодаря ее спасительно-разрушительному влиянию окончательно расстался с Сабиной. Казалось, он опять (словно клонящаяся к нему про-

пасть — просто расписанный занавес, который он легко может раздвинуть, чтобы вторгнуться во тьму собственного прошлого) семнадцатилетним входит в класс немецкой гимназии, где, непредсказуемым образом и, как видится спустя время, гротескно обособленные, уже собрались главные люди в его жизни. Ему, представленному, как экземпляр какого-то экзотического растения, полуамериканцу, которому предстояло провести в классе несколько месяцев, сразу бросилась в глаза только Сабина. Как в *Old Germany*[78] могла быть такая девушка? Разумеется, у нее уже не раз случались романы с соперничавшими между собой студентами близлежащего университета, щеголявшими собственными автомобилями. Но Рональд знал, что он непременно наверстает упущенное. Если оставить в стороне, в безупречном (матовом) сиянии тьмы то обстоятельство, что источником растущего у него как снежный ком богатства были придорожные туалеты, химчистки и клининговые компании его родителей, то на первый план незаметно выйдет зеленый доллар, и он, Рональд, как мужчина *of the American*

[78] Примечания: 78
Здесь: старушка Германия *(англ.).*

Dream[79], с каждым годом будет все более интересным и заметным, будто у него вырастет подбородок какого-нибудь палящего из кольта героя вестерна или он изобретет совершенно новую операционную систему для вычислительных коробок в Кремниевой долине. Именно таким он и вернулся к Сабине несколько лет спустя, когда снова увиделся с ней у театра в родном городе своей матери Дейзи. Зато он никогда не думал, что вновь встретится с долговязым безумно-гениальным Акселем с предпоследней парты, да еще и в качестве создателя проекта, с которым однажды будут связаны все его амбиции. Этот бледный фрик положит начало их самому мирному и вдохновенному сотрудничеству с женой, самой затратной и многообещающей кампании Рональда по поддержке науки, его чистосердечному вкладу в расширение человеческих горизонтов. По поводу роли Манфреда, этой блеклой, почти невидимой фигуры, чье место где-нибудь на задворках, оставалось лишь молча качать головой.

Сабина по-прежнему оставалась рядом — в его последнем полете. С грустью думал Рональд и о том, что инвестировал сотни тысяч в разработку

---

[79] Примечания: 79
Американской мечты *(англ.)*.

летающих автомобилей, но, возможно, лишь потому, что его жена обычно энергично отклоняла такого рода проекты. Только представить себе, что достаточно было бы просто нажать на приборной панели рядом с навигационным экраном на кнопку с профилем парящей чайки, чтобы пролом дорожного ограждения не сделался столь решительно неотвратимым, чтобы вновь выправить «ферруччи», взмыть, как альбатрос, и развернуться над Волчьим ущельем, а затем, следуя вдоль по течению Вакса, рулить над равниной, изящно снижаясь. Меньше чем через полчаса он добрался бы до нашпигованного церковными башнями города Р., чтобы мягко приземлиться там в саду виллы «Матильда», на излюбленной посадочной площадке вертолетов ДУРШЛАГА.

Признаться, нелепо было рисовать в воображении, как Сабина выйдет ему навстречу, растроганная и восхищенная, потому что он все-таки не убил себя, а втайне продвигал разработку летающего автомобиля. Однажды она спасла его, сразу после свадьбы, когда Дейзи и Закария Мэкинсон погибли под Филадельфией в своем малогабаритном самолете. Рональд далеко не сразу осознал, что энергия и страсть, с которыми Саби-

на вытаскивала его из иловых осадков депрессии и создавала концерн «Cleansmile», были связаны с его фирмой и с ним как предпринимателем, но не (в удовлетворительной степени) с его природными качествами рослого, привлекательного мужчины (из вестернов). Его высокая, статная немецкая жена, вызывающая всеобщее восхищение благородной красотой и манерой держаться, хотя и выказывала ему расположение, но именно что лишь выказывала. Чаще всего она оставалась холодна, иногда дружелюбно вздыхала и всегда устало отмахивалась, если он просил выдать секрет ее (не очень-то разжигаемой) страсти или какой-то особой женской механики. Она принимала его при своем дворе Снежной королевы, удостаивая редких аудиенций, позволяла ему по-рыцарски вскакивать на коня, вонзать свое копье, бряцать своими кимвалами — и *отправлять свою надобность*, подобно маленькой собачке!

В эти секунды стремительного падения над зияющим ущельем Рональд в душе еще раз чуть не взбунтовался и — как будто Сабина, съежившись, сидела на крайне узком прокрустовом заднем сиденье «ферруччи» — обвинительно-торжествующе указал на соблазнительную блондинку справа от себя (которая почему-то, отчаянно

жестикулируя, готова была вот-вот впасть в панику). Женщины вроде этой помогали ему выносить фазы наибольшей неприступности, малые и средние ледниковые периоды его супруги, при сильном возбуждении — еженедельно, обычно же — с незатейливой периодичностью раз в месяц. Параллельное сосуществование с женой вскоре вошло у него в привычку, установился своеобразный баланс, порой вполне гармоничный (ибо он всегда благоговел перед ней и восхищался ее самообладанием и дисциплинированностью). Сабина выполняла основную работу, ежедневную, тяжелую, изобилующую конфликтами, Рональд мог сосредоточиться на самых важных управленческих задачах и своих филантропических наклонностях, которые часто приводили его на белые пляжи в изумрудно-зеленом море в тропической местности с едва знакомыми ему секретаршами. Метод сосуществования в неведении о делах друг друга при напускном благополучии *(Glamour & Charity)*[80] долгие годы служил им опорой, позволял жить довольно безмятежно и все же по нисходящей, вроде бы без особых препятствий и конфликтов, и

[80] Примечания: 80
Внешний блеск и благотворительность *(англ.)*.

все же продвигаясь к некрасивому финалу, точно как на этом участке параболической траектории полета над выступами скал и зазубренными углублениями Волчьего ущелья, которое теперь, похоже, неуклонно приближалось.

Аксель тогда совершил чудо. Дружеские отношения в семье Сабины и Рональда восстановились, и время от времени между ними даже вновь вспыхивали искры былой любви. Незабываема их первая встреча в старом немецком городишке (родине всей семьи Сабины и матери Рональда), куда они отправились, чтобы еще раз обдумать строительство виллы «Матильда». Решающую роль сыграл слишком высокий, худой, белый как бумага мягкий человек, наведавшийся к ним в конференц-зал гостиницы, их старый школьный приятель, чьи достижения в математике стали такой же легендой, как и его уединенность. Отмеченный печатью близкой смерти, исключительно сдержанный и дружелюбный, словно осиянный высшим разумом, он изложил им за долгим ужином свой план подарить человечеству новейший, более глубокий взгляд на Вселенную — в качестве своего завещания и уникальной возможности для Рональда и Сабины воссоединиться как блестящая и связанная

общей целью пара меценатов.

Во многом надежды оправдались. В то время как Сабина очень энергично занималась научно-технической стороной проекта и поддерживала зачастую сложную связь и сотрудничество с вновь залегшим на дно Акселем, Рональд вкладывал капиталы, привлекал других инвесторов, завязал контакт с проф., д-ром, д-ром Зандштрём, как только узнал, что она приходится Акселю тетей, и в кратчайшие сроки побудил ее присоединиться к проекту со всеми ее политическими возможностями. Только раз в два месяца Рональд искал еще помощь и облегчение в укромных эксклюзивных домах. Вилла «Матильда» (великодушно названная в честь матери Сабины, а не Рональда!) росла и процветала, пока не созрела для блестящих приемов. Правда, Аксель полностью пропал из поля зрения (по слухам, над ним хлопотала команда из пяти хирургов), но контакт с ним не прерывался. С помощью электронных средств связи он общался с Сабиной настолько часто, настолько по-свойски и с таким мощным эффектом, что впору было бы ревновать, если бы в его случае телесность еще имела какое-то значение. Но по сути, он был только головой.

Все изменилось к худшему, лишь когда эта

одаренная голова столкнулась с определенными препятствиями, заключавшимися, похоже, в замысловатой природе проекта, когда дело застопорилось, когда мадам Зандштрём начала терять терпение и им вдруг пришлось полагаться на помощь этого сомнительного программиста Манфреда. Роковой полет сверкающего на солнце красного «ферруччи» с притихшим мужчиной за рулем и яростно жестикулирующей спутницей по правую руку от него, вообще-то, начался с первого посещения пижонской, в духе Казановы, квартиры давнего школьного приятеля. Рональд вновь увидел, как в сопровождении телохранителей стучится в дверь, а затем сидит, будто бедный студент художественной академии, рядом со своей женой под дорогими копиями средневековых картин сплошь с изображением странных увеселений. Он и представить себе не мог, что в чем-то не сумеет обойтись без Манфреда, трешевого лузера, неприметного, нескладного, робкого. В это все еще не верилось, даже когда стало очевидно, что навыки программирования бывшего одноклассника, обретшего к этому времени деньги, «ферруччи» и умопомрачительных женщин, имеют решающее значение для успешного возобновления и дальнейшего развития проекта CDV.

What the fuck[81] вселилось в это жалкое существо и сделало его теперь столь привлекательным для Сабины и столь незаменимым для всей команды проекта?

Когда Рональд уже не мог не заметить, — вероятно, это случилось секунду назад, — как отчаянно или панически яростно жестикулирует сидящая рядом блондинка, в то время как на них опрокидывается глубокое Волчье ущелье, а видимый участок неба непрерывно сокращается, ему все же пришлось отчитаться и об этой последней интрижке. Прежде всего: это было больше чем интрижка! После того как на той презентации с тремя экспертами на вилле «Матильда» Зильке-Марина так откровенно и бесстыдно атаковала Рональда, шансов у него уже не оставалось. Красивая женщина хочет его и не скрывает этого! В этой схватке полов или любовной интриге направляющее ограждение было пробито в мгновенье ока, и падение в ущелье началось раньше, чем гости успели уничтожить десерт в форме телескопа на шоколадной крошке, с большой фантазией приготовленный кулинаром ДУРШЛАГОМ. А с каким почти медицинским профессионализмом

---

[81] Примечания: 81
Что, черт побери *(англ.)*.

она под скатертью водила зубьями своей дочиста облизанной вилки по его причинным местам! Хорошо, хорошо, хорошо (три зубца) — он мог сказать в свое оправдание, что, если бы не беспрецедентный стресс из-за атак на «Cleansmile», не направленные против него безумные спекуляции на фондовом рынке, не рейдерские захваты и не вторжение помощников прокурора с белыми упаковочными коробками, подцепить его на вилку было бы не так просто. А еще — если бы его жена не погружалась с головой во все более продолжительные и душевные диалоги с гением Акселем, пусть даже диалоги эти разыгрывались только в ноутбуке и накаляли только клавиатуру. И наконец, если бы не Манфред, с которым Сабина, по отчетам солидного частного детективного агентства, регулярно встречалась во все более интимной обстановке.

Зильке-Марина (хотя прямо сейчас она билась в истерике, уже крича и колотя по встроенным приборам управления, будто там и правда была кнопка с символом «чайка») заступила Рональду дорогу с неизвестным ему доселе холодным, обдуманно хватким сладострастием, которое вырвало его из всех забот, страданий, размышлений, как великолепный салат из раскаленной черной

земли. Как никакое другое женское внимание прежде, Рональда делало счастливым то, что его и только его, в его соблазнительно-хрустящей (еще не опаленной) свежести, она хотела мыть и разделять на части, срывать верхние листья и перемешивать, ворошить голыми руками, сбрызгивать пряными соками, умащать густыми маслами, приправлять солью своего пота и перцем своих шлепков и укусов и с хрустом разгрызать, бережно вобрав в себя между языком и зубами. В ее руках, под их прикосновениями он вновь превращался в ликующего мальчишку, восторженного подростка, всегда готового юношу и, наконец, в ревущего марала, какового все-таки и хотел представлять собой в середине жизни. Это была не то чтобы любовь, но страсть, возможно даже зависимость. В этих, казалось бы, чисто физических отношениях с самого начала заключалось что-то разрушительно потустороннее, поскольку Зильке производила впечатление чрезвычайно умной, но и закрытой, как сейф. Возможно, к тому времени, когда он наконец объявил и устроил большую презентацию, он уже и был лишь сорванным, выдранным, выкорчеванным — отрезанным от матери-земли кривым ножом порока — салатом, которому сохранял

жизнь и свежесть только ледяной холод этой возлюбленной. Ключевые алгоритмы предоставил именно причудливый Манфред. Не важно. Зильке-Марина, которая могла разделить с Рональдом момент славы разве что в качестве спутницы этого фрика-программиста, в этой роли и появилась. Удивительно, как ей удавались такие вещи — как вот, например, сейчас, крича и трепыхаясь в летящем «ферруччи», она умудрилась (но вот только зачем?) опустить боковое стекло, словно хотела беспрепятственно вглядеться в синее мартовское небо, в одно маленькое темное пятно.

4

Пришли все. Несмотря на тысячи зараженных в Италии, на первого умершего от коронавируса в Германии, на заявление Всемирной организации здравоохранения о том, что сейчас действительно разразилось что-то вроде пандемии. Некоторые уже не здоровались за руку, другие в разговоре отклонялись назад, принимая совершенно неестественные для позвоночника позы, но масок никто пока не носил. Рональд еще раз с наслаждением проплыл в толпе гостей. Он приветствовал экспертов, полуэкспертов, принимавших себя за экспертов или принимаемых за таковых — каж-

дого с одинаковой сердечностью и признаками предпремьерной лихорадки, которая поверхностному наблюдателю могла показаться похожей на волнение подростка перед конфирмацией, опытному же — преувеличенной или даже внушающей опасения. Группа политиков вокруг госпожи проф., д-ра, д-ра Зандштрём именно такого экзальтированного расшаркивания от сверхбогача и ожидала. Однако более близкие знакомые из бизнесменов и филантропов, в кругах которых Рональд обычно вращался, недоуменно хмурились или, видя его возбужденность, советовали определенные напитки (стрегацотти расслабляет — исключительно окрыляет!).

От жены Сабины, разумеется, не ускользнуло крайнее внутреннее напряжение супруга. У нее могло сложиться впечатление, что виной его перевозбуждению не только большая презентация проекта CDV, но и некие неясные личные обстоятельства. Однако, если она что-то и знала об интрижке Рональда с Зильке-Мариной, о его маниакальной зависимости от властной новой возлюбленной или даже о его намерении (высказанном за несколько дней до этого в баре двум близким деловым партнерам, непьянеющим, но необязательно способным держать язык за зуба-

ми) сразу после презентации предложить ей в их браке взять своего рода паузу на размышления, она никак этого не показывала. Она подводила Рональда ко всем тем, кому он чуть не забыл уделить особое внимание, напоминала ему их имена, а также имена их детей, собак, мужей и жен (лысого Трука госпожи профессора Риты зовут Хубертом). Между делом она мягко давала указания команде ДУРШЛАГА и интригующе, как сфинкс, отвечала на преждевременные вопросы по большой презентации.

Такой Рональд, должно быть, и хранил ее в памяти еще недолго, пока пролетал над Волчьим ущельем,– великолепной и четкой, словно она, подобно президентам США, была вырублена в отвесной скале[82] или парила в исчезающем голубом небе видением богини. *Goddamn!*[83] Силы небесные! Он ее все-таки когда-то любил! Ошеломленно, беспомощно, будто тень его стремительно падающей души в тихом отчаянии еще раз скользила в толпе гостей на вилле «Матиль-

[82] Примечания: 82

В гранитной породе горы Рашмор (Южная Дакота, США) высечен барельеф «Святыня демократии» высотой 18,6 метра с портретами четырех президентов США: Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Теодора Рузвельта и Авраама Линкольна.

[83] Примечания: 83

Проклятие! *(англ.)*

да» в тот мартовский вечер накануне его смерти, Рональд наблюдал за весело болтающими, жестикулирующими и пьющими гостями, среди которых были многолетние деловые партнеры и живущие одним днем позиционные трейдеры, благовоспитанные ученые и бесцеремонные журналисты *(et vice versa)*[84], карьеристки с репутацией и надменные девицы, которые, надев костюм в обтяжку, встали бы на фоне любого штурмуемого здания парламента, любых дымящихся обломков самолета или любого горящего поля боя, если бы только им дали съемочную группу и похожий на соцветие тростника микрофон. Спасающейся бегством душе Рональда нужно было попрощаться не только с его супругой, которая в эту секунду чокалась бокалом шампанского с экспертами Триком и Траком, но и с поваром ДУРШЛАГОМ, ненадолго выглянувшим в кухонную дверь (он, истинный *sportsman*[85], уже давно приятельствовал с Рональдом; они обычно встречались для всяких мальчишеских забав, даже планировали на апрель совместное сафари, чтобы настрелять, так сказать, вручную

---

[84] Примечания: 84
И наоборот *(лат.)*.

[85] Примечания: 85
Здесь: обладатель спортивного духа *(англ.)*.

совершенно особенных деликатесов). Непросто было и окончательно расстаться с проф., д-ром, д-ром Зандштрём, ведь он остался ребенком без матери, после того как его родителей поглотила иловая площадка под Филадельфией. Эльке всегда ободряла его и придавала уверенности, порой так интимно, будто, образно говоря, плевала на пальцы, чтобы пригладить ему волосы.

Ему будет не хватать и миссис Вандерхук, сведущей в поэзии и расчетах Лауры, чья бухгалтерская легкая тяжелая рука с вишневым маникюром контролировала и ускоряла все финансирование проекта CDV и к тому же всегда тайком умело протаскивала в баланс строки Шекспира, Гёте или Сапфо. Только вот стремительно уходящему в пике Рональду причиняло непонятную боль то, что в минуты окончательного расставания она, как и мадам Зандштрём, в толпе гостей оказывалась очень близко к этому долговязому, отвратительному, неуклюжему Манфреду. Обе корпулентные дамы в переливчатых костюмах окружали тщедушного программиста буквально со всех сторон, брали его, радостно потягивая шампанское, справа и слева, сзади и спереди в большие, мягкие клещи, словно собирались поднять или нежно придушить без помощи рук.

Собственное краткое приветствие толпе гостей Рональд пропустил. Он слишком нервничал, ощущая мучительную неловкость. Когда его тень как бы отвернулась от него, чтобы вместе со всеми приглашенными посмотреть на большой экран, ярко вспыхнувший после следующего очень короткого и удачно интригующего объявления Сабины, взгляд его еще скользнул по грубовато-гламурной паре Майке-Изабель и Зильке-Марины. В довершение ко всему теперь они приехали с Манфредом обе; втроем в красном «ферруччи» им было, пожалуй, тесновато. Возможно, и правда лучше было бы отвернуться, чтобы, опустив правое боковое стекло, упорно смотреть, как быстро приближается темная точка в небе, а не на экран в гостиной для приемов на вилле «Матильда».

А там можно было еще раз полюбоваться на виды чилийского высокогорья, напоминающие марсианскую поверхность, в то время как на звуковой дорожке голос Сабины восхвалял исключительные атмосферные условия для больших белых телескопов, показанных сперва с высоты птичьего полета, а затем снизу вверх, будто бы глаз наблюдателя находится у самой земли. В отличие от презентации для экспертов,

этот рекламный видеоролик также представлял создателей и спонсоров проекта CDV, в частности скрывшегося от всех Акселя (трогательными детскими снимками и смазанными документальными кадрами его ранних и редких выступлений перед специалистами), математического гения, чья причудливая тайная карьера представлялась похожей на карьеру овеянного легендами основателя какой-нибудь религии. На экране появилась мадам Зандштрём, яркая и пышная, а следом — таблицы, обзоры и графики, иллюстрирующие сеть организаторов и спонсоров. За этим последовало интервью с Рональдом и Сабиной Мэкинсон, которое ввиду отлета, стремительного падения, несомненности скорого столкновения с землей представлялось немного неловким и все же печально уместным, чем-то вроде китчевого изображения на могильной плите.

Наконец продемонстрировали достижение: изобретательную, изощренную с точки зрения математики и алгоритмов стыковку восьми внушительных телескопов с одним-единственным супертелескопом (от идеи назвать его САБИНА или ЭЛЬКЕ они все же воздержались). ГЛУБОКИЙ ВЗГЛЯД устремился вверх, в космос, натолкнулся на него, проник внутрь и, раздавшись, стал об-

шаривать координаты тьмы. Мимо проносились завораживающие тени и силуэты в черно-серебристую полоску, из утомленных динамиков раздавался мощный, прямо-таки инфернальный шум — на грани того, что могут вынести глаза и уши. И наконец…

Если Рональду приходилось вспоминать вызывающие чувство неловкости злоключения в своей жизни, первом делом на ум приходили непристойные шуточки одноклассников, связанные с армадой управляемых его родителями придорожных туалетов вдоль хайвеев Пенсильвании, Вирджинии, Северной Каролины и Теннесси. После того как к ним прибавились Южная Каролина, Алабама, Миссисипи и Луизиана, злопыхатели постепенно притихли и стали сражаться за места у все расширявшихся бассейнов на равным образом разраставшихся виллах семьи Мэкинсон. Однажды там у него, шестнадцатилетнего подростка в мокрых плавках, на глазах у не слишком малочисленной публики эрегировал *membrum virile*[86], как назло, из-за дамы богатырского вида, которая могла бы трижды быть его матерью… Стыд вызывало и то,

---

[86] Примечания: 86
Половой член *(лат.)*.

что он первое время выглядел бестолковым штатовским американцем с «техасским» акцентом, который передразнивали все в гимназическом классе захолустного городка, где родились матери его и Сабины, Дейзи и Матильда, пока и тут не возымел действие аргумент бассейна, поскольку родители арендовали один из четырех домов в городе, которые вообще могли похвастаться наличием бассейна. Мучительными были и сновидения, которые внушала ему дочь Матильды, крайне заносчивая и насмешливая ученица. Даже в лучшие минуты их будущего брака он был не в состоянии рассказать ей об этом весело и непринужденно. Жуткие циничные замечания по поводу смерти его родителей в отстойнике… Мало-помалу страдания все усугублялись, перечень страданий, вызванных необъяснимой холодностью и пассивностью, отстраненностью, безучастностью, даже словно заранее просчитанной фригидностью его жены. Жгучий стыд до, во время и после первых визитов к шумным дамам в тихих домах. Несколько серьезных промахов на фондовом рынке, немало досадных оговорок в интервью на телевидении и в экономических журналах (пока он не потребовал согласовывать с ним каждое его слово и каждую фотографию).

Все неожиданные неприятности последних недель в бизнесе… Однажды на приеме в кругу топ-менеджеров и топ-моделей он встал, особенно широко расставив ноги, однако с расстегнутой молнией на брюках. («Ваши воротца…» — шепнула ему на ухо с добрыми намерениями одна молодая журналистка, на что он громко ответил: «В мои воротца прыгает много зайчиков!») Что еще? Какие провалы, значительные катастрофы, тяжелые утраты (два близких друга погибли при восхождении на гору) могли сравниться с тем вопиющим, потрясшим до глубины души циничным обстоятельством, вдребезги разбившим проект CDV, так сказать, о бетонный пол Вселенной?

Изображение на экране стало четче. Шум утих, расчистился до отдельных групп частот, наводя на мысль о том, что происходит своего рода общение,– казалось, уже можно было уловить обрывки разговора. Затем все увидели объект, белый, круглый, медленно скользящий в мерцающем звездами космосе. Что-то вроде плоской суповой миски или гигантского диска, установленного на фюзеляже самолета с двумя реактивными двигателями, высокой посадкой напоминающими крылья летучей мыши. В толпе зрителей разда-

лись первые смешки. Объективы телескопов, мощность которых была взвинчена за счет алгоритмов стоимостью в тридцать миллионов евро, приближая, увеличивали изображение. Синхронно усиливался смех зрителей. Наконец прибор визуализации, совершенно невероятным скачком преодолев внешнюю оболочку космического корабля, показал на командном мостике двух человек в пижамах с напоминающей утюг эмблемой на уровне левой грудной мышцы. Казалось, они, в свою очередь, пристально вглядываются в интерьеры виллы «Матильда». Тот, что поменьше ростом и немного полнее, с детскими или юношескими чертами лица, обернувшись к своему мрачному соседу со своеобразно заостренными и вытянутыми кверху ушами, громко и хорошо слышно для всех присутствующих сказал: «Мистер Шпук[87], похоже, у нас проблема!»… и слова его потонули в оглушительном, пронзительном гоготе, издевательском ржании, под которым было погребено все.

Позднее, в тот короткий промежуток времени,

[87] Примечания: 87

Персонаж комедийного фильма «Космический дозор. Эпизод 1» («[T]Raumschiff Surprise — Periode 1», 2004), пародии на популярные фантастические эпопеи, в первую очередь на «Звездный путь». В российской версии вулканит Чмок.

который еще оставался в его распоряжении, Рональд уже не мог сказать, как ему удалось так быстро протиснуться сквозь плотную толпу улюлюкающих гостей и беспрепятственно выйти из дома. Слышал он лишь собственные торопливые шаги по гравию подъездной дорожки, заставленной множеством машин. Несколько раз он на что-то натыкался в темноте, на крыло какой-то машины, столб, стержни, задел строптивый куст, толкнул в плечо парня в форме шофера, добрался до ворот своего сада, до узкой, темной дороги, прошел по ней метров двадцать, пятьдесят, как сквозь черный, пронизанный красными искрами туман, пока его не высветили фары приближавшегося сзади с ревом автомобиля, который, вскоре поравнявшись с ним, резко затормозил. Сильно выгнувшись вправо, Зильке-Марина распахнула переднюю пассажирскую дверь «феррученни», и Рональд без комментариев второпях забрался внутрь, как механик-водитель танка на пути к сражению.

Лучше представим дело так, будто ничего не видели последней ночью в отеле «Скачущий олень», которую он провел рядом с обладающей мощной потенцией — как в делах, так и в сексе — Зильке-Мариной фон Мутниц, у нее на животе и на

спине. Чтобы исчерпывающе объяснить его свободный полет через строительное ограждение в глубины Волчьего ущелья, достаточно, пожалуй, заключительного эпизода. В нем утром своего последнего дня в гостинице и вообще в жизни, пока Зильке плещется по соседству, в украшенной оленями ванной комнате, Рональд находит в мобильном телефоне своей спутницы текстовое сообщение от Манфреда, который благодарит ее за «решительные действия после мощного хакерского взлома проекта CDV» и обещает «солидный гонорар за окончательную обработку Р.». RIP![88], как любят выражаться человеки.

Прощальный взгляд на «ферруччи», теперь направивший блестящую красную носовую часть круто вниз, следовало бы бросить с той мчащейся к нему темной точки, к которой столь завороженно присматривалась, опустив стекло в машине, дама фон Мутниц в секунды, когда приближалась смерть. Только сокол-сапсан, предугадав, что «ферруччи» отклонится от курса, мог успеть в бешено ускоренном пикирующем полете добраться до визжащей и размахивающей руками Зильке. Поначалу выгнув крылья серпом, а затем

[88] Примечания: 88

Requiscat in pace — покойся с миром *(лат.)*, распространенная надпись на надгробных памятниках.

плотно прижав их к похожему на торпеду телу, сокол ринулся прямо к открытому пассажирскому окну. Во Внешнем министерстве всегда старались находить способы спасать Наших и в тех случаях, когда клиент, или ездовое животное, погибал слишком внезапно, так что уже вряд ли представлялось возможным подготовить прыжок в кого-нибудь поблизости. Разумеется, среди земных живых существ (не считая некоторых дельфинов) человеки — наиболее приятные пристанища, даже если в сером влажном орехе их мозга под маленькой твердой оболочкой заросших шерстью голов ужасно тесно. За неимением такового в крайне затруднительном положении как минимум на несколько часов подойдет и еще более мелкий живой орган управления. Высокий пронзительный крик, вырвавшийся из распахнутого клюва сокола, едва тот коснулся кончиком крыла высунутой из окна головы Зильке-Марины, возможно, был криком боли ее гиперразума, внезапно втиснутого в мозг птицы. Ненадолго, пока не найден следующий, более комфортный приют, могло помочь наслаждение стремительным полетом — и взгляд назад, на огненный шар на дне ущелья.

IX. Сыворотка, ослепление, символ веры

1

Должно быть, это случилось после похорон или до начала времен. Будто бы Вселенная началась с его кремации (мысль не нова). Я вижу, как влетаю в жалкую берлогу Манфреда. Вот я уже засел пулей в его голове и смертельно ранен. Начал вести записи, с самого начала (этого дела). КО!ЩЩЩуНСство! Будто только так я мог сохранить рассудок и выжить. Будто я подобен сумасбродному английскому лорду, отцу Ады: «Если не пишу, чтобы опустошить разум, схожу с ума!»

Вновь с самого начала — в небытие. Какое дело было перед этим? Ни одному агенту не разрешается составлять записки, отчеты, примечания или сообщения. Если никакая информация не передается, то ничего нельзя подслушать, раскрыть, расшифровать, разоблачить. Однако я пишу и писал раньше. Похороны Рональда,

большой вокзал, *stazione termini*[89]. Я иду рядом с черной вдовой. Сабина Мэкинсон в костюме, под плотным пальто кружева и тюль, в шляпке, с вуалью, и все же с высоко поднятой головой. Она справляется с ролью вдовы человека, ринувшегося в смерть с сомнительной возлюбленной (и Нашим прекрасным «ферруччи»). На глазах у двухсот участников похорон, которые вместе с чашей (урной) Рональда, похоже, опускают в землю и его грандиозный проект. Выстроившаяся в очередь толпа на узких дорожках между надгробными памятниками медленно, толчками продвигается вперед. Моросит мелкий дождь, затем ненадолго проглядывает мартовское солнце, словно для того, чтобы блеснул панцирь многоногого черного дракона. Перед этим в поминальной часовне трое выступающих и камерный оркестр. Лучшие прощальные слова нашла и твердым голосом произнесла мадам Зандштрём. Рональд Мэкинсон, превосходный организатор, созидатель, человек, превзошедший самого себя, визионер, которого убила злая шутка, поскольку его глубокую чувствительность прикрывал лишь

---

[89] Примечания: 89

Здесь: конечная станция *(ит.)*; так же называется вокзал в Риме.

липовый листок[90]. Вздохи в толпе, на две трети с лицами, спрятанными за белыми и черными масками, будто никто не хотел быть узнанным, особенно тот роковой проказник, кто тайком вставил в презентацию проекта CDV кадры из популярного телевизионного сериала.

Никаких поминок, даже в самом узком кругу. Вирус, нельзя рисковать. Только соболезнования, выражаемые издалека, в дефиле на расстоянии, словно переброшенные через изгородь. Я, Манфред, рядом Сабиной, непосредственный участник проекта, давний школьный друг и бог знает кто еще. Мы принимали соболезнования у выстланной зеленым искусственным газоном трубы, в которую опустили чашу с останками Рональда, словно в пасть какого-то подземного растения, пожирающего плоть, а точнее, пепел и дерево. В конечном счете Нас тронули только некоторые родственники Рональда, поскольку, несмотря на опасность заразиться, проделали долгий путь на холодные похороны без утешительных поминок, и повторная встреча с Эльке

[90] Примечания: 90

Герой «Песни о Нибелунгах» Зигфрид, победив дракона Фафнира, обмазался его кровью и жиром, что сделало его неуязвимым. Незащищенным осталось лишь место между лопаток, куда налип липовый листок. В данном контексте за липовым листком отчетливо прочитывается и фиговый.

и Лаурой, чьи двойное черно-белое изобилие, атлетическое достоинство и поэтическая гармония вызвали в моей памяти огромный переполох… Неужели я записал все, что мне довелось пережить с ними? Верная СМХЕЕЕ!РТЬ!

А еще на выходе с кладбища, между планом-схемой и темной живой изгородью, Нас встретил обвиняющий взгляд. Майке-Изабель в баклажановом пальто, в серой маске, будто протестует, так или иначе избегая единообразного черного цвета. Два дня назад я сопровождал ее на те, другие, очень маленькие, очень печальные похороны в глухом, убогом уголке городского кладбища. За гробом (не чашей — Майке-Изабель, несмотря на то что останки ее подруги в искореженном автомобиле имели вид, больше пригодный для урны, настаивала: *она должна сохраниться вся и вопиять к небесам!*) Зильке-Марины мы следовали впятером. Ее немного утешило, что стоимость ее портфеля акций взлетела до неимоверных высот и я вернул ей зеленый спортивный автомобиль, хотя разбитый «ферруччи» сгорел дотла на дне Волчьего ущелья. И все же она потеряла лучшую подругу и половину фундамента своего бизнеса, и ее очень огорчало фатальное влечение Манфреда к черной вдове Сабине, похожее на тяжелую

форму влюбленности, если не на кабалу.

— Насморк! — тихо посетовала она, когда мы закончили наши очень интимные совместные поминки. — Ты мне еще даже не рассказал историю про Альберта Эйнштейна и насморк!

Неужели Мы, неужели я действительно поведал ей об этом деле? Что я тогда сказал… ах да, что насморк подобен одной из этих универсальных постоянных, которые так увлекали Эйнштейна, неизбежно и повсюду. Дело Эйнштейна и правда очень легко уладилось само по себе, как небольшая заложенность носа или субфебрильная температура. Ведь если кто-то в одно и то же время открывает, что догнать свет невозможно, но можно и нужно разбить его на мельчайшие части, то остаток жизни он проведет, сидя одновременно в двух местах и во все горло протестуя против этой безумной возможности — апчхи! Из ноздрей Вселенной можно вылететь со скоростью, превышающей скорость света, вот ведь в чем дело!

Нам сложно было объяснить Майке-Изабель, что тот Альбертль являл бы собой страшную опасность для портала, не запутайся он еще молодым человеком и на всю жизнь в своих же собственных противоречиях. Он поник, так сказать, перед

самым прорывом или на пороге портала и застыл в позе мыслителя, как и сулило ему уже само его имя[91]. Напрасные умственные усилия. Мы вновь слышим злобный хохот, обративший бедного Рональда в бегство в тот вечер презентации. Однако как завороженные или загипнотизированные Мы следуем за его вдовой на виллу «Матильда», Мы возвращаемся к месту преступления. Ни следа не осталось от множества гостей. От Рональда. Черная вдова словно говорила: «Матильда была *моей* матерью!» Жуткое, холодное достоинство Сабины. Ни рыданий, ни вздохов. На кухне серебряный поднос, покрытый прозрачной пленкой, с одной стороны черная лента с надписью. Небольшая поминальная трапеза, фирменные блюда с приветствием от **Скорбящего ДУРШЛАГА**.

Мы могли бы выпить бокал шампанского за неиссякаемое остроумие Рональда. Мы могли бы пройтись по высоким белым комнатам виллы, бродить среди написанных маслом абстрактных картин в глубоких синих и огненно-красных тонах, пока со спокойной душой не зайдем в спальню. Там вдова превращается в торжествующую львицу, раздирающую свои черные

---

[91] Примечания: 91
Фамилия Эйнштейн (*нем.* Einstein) переводится как «один камень».

покровы. Нас опрокидывает ее прыжок, ее лапы прижимают Наши плечи к матрасу, она набрасывается на меня в роскошном неистовстве. А когда я приподнимаюсь словно бы ей навстречу или делая вид, будто собираюсь от нее сбежать, она, обхватив мою голову, добирается до затылка. В том месте, где крепится самый верхний позвонок, мне в мозг вонзается длинная полая игла для инъекций — и это, во всяком случае нечто очень похожее, должно быть, уже случалось со мной до того, как я впервые шагнул в дверь убогой берлоги Манфреда и очутился в этом жалком грешнике, рикошетом отклонившись от настоящей цели своей миссии. Так я и начал писать. *Манфреда Мы обнаружили в ужасающем состоянии…* По полой игле, проникшей в мозг сквозь бестелесного атланта, который держит голову и мир, предположительно течет СЫВОРОТКА (словно в прозрачной жидкости растворили зеленые таблетки Манфреда), принуждая Нас прекратить всё, любое сопротивление, всё, даже запретное и недозволенное, на чем лежит жесточайшее ТХ!АБХУ явить, разгласить, вытянуть из своего нутра на рыночную площадь или выложить на стол — на серебряном подносе на съедение, как если бы Мы были ДУРШЛАГОМ (и подстрелили

сами себя).

2

Наши родители. Наши школьные годы. Первые любови. Первый ребенок. Свадьбы, болезни, сумасбродства. Я, Манфред, рос в скверных квартирах, которые моя слабая и все же сильная (она не пила, не била меня) мать меняла почти так же часто, как любовников — пьяниц, буянов и игроманов, после того как мой никчемный отец бросил ее по прихоти своего нечестивого полового органа. А по ту сторону у Нас есть ТРО!ООЕ ВЗ!РХОООССЛЫХ, мои родители и воспитатели, с безграничной добротой и дружелюбием они поднимают меня ввысь, мягко подталкивают, чтобы я, хихикая, летал между ними по воздуху, подобно парящему в замедленной съемке шару или стойкому мыльному пузырю. Школа Манфреда, где Мы натерпелись, была темницей, куда спустя десять лет сошла первым лучом света Сабина, не считая причудливой подсветки со стороны Акселя, которому Мы всем сердцем благодарны за его гениальность и школьную дружбу, где бы теперь ни пропадал его ум (дела пока что всегда найдутся).

Хотя СЫВОРОТКА развязывает мне язык, рас-

ширяет зрачки, вскрывает вены, расслабляет кишечник, Нас по-прежнему решительно блокирует ОСЛЕПЛЕНИЕ. Волшебным образом память без труда рисует мне портрет измотанной, худой и все же прелестной, как газель, матери, ее карие глаза, длинную, изящную шею. А вот ТРО!ООЕ ВЗ!РХОООССЛЫХ, которые любили и в течение долгих (в понятиях человеков) десятилетий воспитывали и порождали меня, лишь вечно витают надо мной или стоят за спиной, готовые прийти на помощь, никогда не видимыми ясно существами, мощными, добрыми туманными образами. Мы ничего не можем сказать о количестве у них голов, ног, рук, измерений (в Наши глаза льется ослепительный свет), но предполагаем, что они, вероятно, отдаленно похожи на могучих женщин Зандштрём и Ванденхук, подле умных тел которых Мы ощущали себя как дома, — но возможно, что это большое заблуждение.

Если Манфред тринадцать лет страдал, обучаясь немногим большему, чем простому счету, чтению и письму, то Мы в садах, где много занимательного, и в светлых дворцах, гуляя в свое удовольствие и даря удовольствие другим, услаждались занятиями, по меркам человеков, пожалуй, на протяжении секулума. Я потею над

латынью и математикой. Я наслаждаюсь многообразием сотни языков и двух десятков логик. Я дую в кусок металла с дырками, пока мать не осознает, что в долгосрочной перспективе ей не по карману обучать меня извлечению из флейты звуков, доставляющих окружающим настоящие мучения. Я осваиваю БХО!ЛЬШШОЙ ОР!ГХАН, который, будучи обслуживаемым десятью исполнителями, рождает миры звуков неслыханной амплитуды и сложности внутреннего содержания… Неумелость первой любви, тормошение своего генитального недоростка, сопливое отчаяние, мелодраматическая обособленность, лабиринты снов, в которых вскоре за каждым мнимым углом и на каждом темном ложном пути издевательской иллюзией брезжил образ той или не совсем той Сабины. По другую сторону… лишь смутно различимое при бьющем в глаза свете… разнообразное счастье с разнообразными существами самых разных форм. И все же, видимо, и у Нас бывали в жизни периоды верности, душевности и разборчивости в отношениях, в том или ином столетии. Мы видим небольшие группы под гигантскими цветами, в усладительных мясистых листьях заботливых растений, в сверкающих сапфирово-синих прудах, кото-

рые необъяснимым образом пришли в голову мастеру из Босха и на его холсты. Как будто Мы, нагие, стоим в одном из таких бассейнов по пупок в воде между мадам Зандштрём и поэтичной банкиршей Лаурой, угощаемся шампанским с фиолетовым дымком или жаренными на вертеле птичками и декламируем по памяти, нашей неисчерпаемой памяти, стихи из признанного каноническим сборника произведений за восемь тысячелетий, куда внесли вклад поэты со ста планет.

Жизнь представлялась Манфреду узкой, извилистой улочкой его родного города, лишь небольшой своей частью проходящей мимо залитого солнцем парка, чтобы затем привести в низины со скользким булыжником между унылыми фасадами домов. Я не могу поднять его голову, чтобы показать ему полное возможностей небо вместо черного фатума, называемого человеками тьмой космоса. Вместо мрачной улочки — светлые аллеи, сверкающие бульвары, красивые, чистые улицы и чудесные парки, открытые дома, где тебя привечают как долгожданного гостя. Представь себе, что проживаешь не короткую, горестную жизнь, а пять, или десять, или даже двадцать замечательных существований, каждое

в своей сияющей уникальности, заполненное увлекательными путешествиями, захватывающими встречами, значительным опытом самого разного свойства. Стоит Нам самим поднять лик к свету воспоминаний, Нас вновь встречает сверкающий прилив ослепления. Ни один агент не может оглядываться на ДХООО!ЛЫ своей родины, подобно тому, как человеки рассматривают свои трогательные фотографии. Это следовало бы принять к сведению некоему беззастенчивому разуму, на чью полую иглу Наш череп насажен, как жирное насекомое!

Да, разумеется, ТХАМ!.. есть… профессии. В смысле выбора творческих и благородных видов деятельности, опирающихся на знания, приобретенные с радостью. Есть тревоги, еще какие, но есть и всесторонняя помощь. Возможно, есть и беды, несчастные случаи, утраты. Довольно, жестокая Сабина, ты, кто поворачивает Нашу голову на игле к наплыву света. То, что Мы видим, настолько сбивает с толку, рассеивает, разрушает своим искрящимся разнообразием, что скоро Наш затопленный мозг уже ничего не сможет тебе открыть или выдать, потому что разложится. Голову Манфреда (твоего бестолкового одноклассника, наделенного разве что некоторой

арифметической сноровкой) внезапно, в один и тот же час, посетили призраки Эйнштейна, Баха, Канта и Гаусса (это если оставаться только на его немецкой родине), потому что им захотелось, чтобы некоторые из их лучших идей одновременно поработали на этом жалком устройстве, этом церебральном варгане!

Но, поднимая глаза, Мы обнаруживаем не опустошительное копание громадных гениальных кротов в убогом домашнем огороде, а огромный, десять тысяч раз отполированный алмаз, который рассеивает Наш разум по всем закоулкам и спасает ослеплением. Как возможны столь дивные миры, кажется, спрашиваешь ты меня через свою иглу? Тут Нам остается лишь сослаться на уже давно записанные (под твоим немилосердным давлением) восемь цивилизационных требований, к которым стоило бы сейчас добавить еще одно важное, хотя и как бы бессодержательное или абстрактное, а именно

Девятое цивилизационное требование:

Высокие цели восьми предыдущих требований следует не только занести в Книгу Почета или выбить на мраморных скрижалях, но и неуклонно, исправно стремиться к ним всем обществом и претворять их в жизнь. (Принцип действия.)

Пока что все идет хорошо.

3

Однако представим себе, что Мы можем совершенно запросто беседовать с черной вдовой, льющей Нам в мозг сыворотку. Совсем как если бы она, дружелюбная и внимательная, сидела напротив, вместо того чтобы пытаться силой вызнать у Нас, нанизанных на иглу, правду. Например, на красивом садовом стуле. Или на заросшей мхом лесной поляне под сенью высокого дуба. Обнаженная на постели Мэкинсонов, где Нам нужно было бы изображать для нее лучшего Рональда или Акселя, у которого была бы не только голова.

— Так, значит, на твоей райской родине, — язвительно говорит она, — люди доживают всего до каких-нибудь тысячи лет.

— Зачастую и дольше.

— Собственно, они не стареют вовсе, а просто суммируют время?

— Да нет, они стареют, только гораздо медленнее… чем вы.

— И школу они заканчивают только в сто лет.

— Примерно так. Прекрасное начало.

— Но никто не умирает слишком рано, то есть я

хочу сказать, поскольку ваше общество или, точнее, цивилизация соблюдает все эти *требования*.

— Нет в мире совершенства. Бывают несчастные случаи, редкие болезни, та или иная беда. Подобного никто исключить не может. Зачем ты меня мучаешь?

— Чтобы продвинуться дальше. Значит, если с вами не происходит ничего непредвиденного, вы доживаете до тысячи лет и больше. Разве это не ужасно?

— Я… я не знаю. Нет. Первые пятьсот лет совершенно чудесные.

— Разные женщины, мужчины, жизни?

— Что-то вроде того. Я не могу… этого видеть; когда ты меня принуждаешь, становится только больно.

— Но нет птицы без земли, нет мысли без разума, нет разума без тела?

— Нет… кажется…

— Кажется — что?

— Будто даже Мы не решили эту проблему.

— Значит, и вы не сумели полностью отделиться от тела. И вы стареете, пятьсот или тысячу лет. Затем два-три столетия таскаетесь вот так на ходунках или в инвалидном кресле.

— Нас… дополняют.

— Протезами?

— Очень хорошими, очень передовыми протезами. Биоаддуктами. Органическими субститутами…

— Но вам их требуется все больше и больше, раз вы так чертовски долго держитесь?

— Все заканчивается МХУ!МОЙ.

— Мумией?

— МХУ!МОЙ. Тело тогда настолько… заменено, изменено, залатано, гибридно…

— Что-то вроде груды ржавого супербиожелеза! Ужасный конец!

— Это не конец. Во всяком случае, для большинства. Мне кажется.

— Тебе… кажется?

— Я же уже сказал, что ничего четко не вижу. Даже если игла пронзит мой мозг насквозь, я не смогу… увидеть точно.

Сабина, эта страшная охотница, которая держит Нас высоко, как убитую дичь, насаженную головой на копье, будто желая показать свою добычу компании безжалостных преследователей (ее сообщников) в доказательство, что улов того стоит, все еще продолжает наступление. МХУ!МА, спрашивает она безмолвно, но настоятельно. Нас будто вихрем прижимает к стене (увлекает с

дороги, вспомни Картезия) или, словно летящую чайку, подхватывает и неудержимо носит по всему небу. МХУ!МА — это тело с того момента, когда ты уже не выносишь его вида!

— Это означает, что тебе нужна эта… эта штуковина, чтобы думать и чувствовать. Как своего рода фундамент или базовая станция. Но сам ты где-то в другом месте.

— Да.

— Где?

Например, в других мирах. Но я этого не говорю, я не поддаюсь, я сопротивляюсь непреодолимому воздействию сыворотки, распаду, разложению, которые она вызывает. Вдова может уничтожить лишь Манфреда, вокруг Нас, даже если сдерет с Нас шкуру, приколотив за лапы к двери или дереву. Я ощущаю (более, чем знаю), что в момент… расщепления, когда уже невыносимо видеть себя МХУ!МОЙ, у Нас вполне еще есть разные пути и возможности. Великий переход. Спроси меня черная вдова (и почему она этого не делает?), преодолена ли у меня на родине СМХЕЕЕ!РТЬ, я вынужден был бы ответить четким «нет». Но у Нас есть культура перехода. В этом я уверен, хотя в заливающем все свете ослепления не в силах вызвать перед внутренним взором ее церемонии,

ритуалы и мессы.

Спроси она меня: «Значит, ты бежишь от своего тела — реликта с протезами, тела — груды железного лома, но как долго?», я мог бы ответить: «Возможно, тысячу человеческих лет! А тебе лучше стоило бы спросить, куда я бегу».

Мы скорее предполагаем, чем видим, скорее догадываемся, чем чувствуем, но то, что выбор остается, это точно. Конец без боли. Или… прекращение существования, не кончина в ужасных условиях, но — вхождение в некую структуру в смысле добровольного отказа от собственной… Назовем ее ГХИ!ПЕР. Раз уж Мы втиснуты в рамки языка человеков. Более крупная, более могущественная, но абсолютно тихая, бездеятельная, находящаяся в спокойствии, безгранично сложная, океанская и космическая ГХИ!ПЕРСТРУК!ТХУРА! Какое же имя ей дать, если там уже не существует ничего отдельного, никаких отдельных существ, а только тысячелетняя медитация тысяч… вознесшихся… Она меня не спрашивает. Ее не интересуют медитация и религия, не интересует подобное сверхсущество из мириад взаимосвязанных, слившихся воедино умов. Из того, что они достигают, ничего больше не сказать, не спрессовать в слова, не облечь в

жалкие формы какого-нибудь языка.

— Ну тогда — *down to earth*[92], — глумится черная вдова. Имея в виду под этим «earth» загрязненную планету человеков, всего лишь весьма отдаленный регион для работы по Нашей специальности.

— Специальности? — (Ее игла вонзается прямо в Нашу мысль.)

Специальности Мы получаем, когда заканчивается Наша первая, самая прекрасная жизнь, через пятьсот, через тысячу лет. Мы можем войти в БХО!ЛЬШШИЕ СХО!ВЕТЫ, которые управляют государственными делами. Мы можем проводить исследования в регионах Истинной Вселенной, недоступных телесным субстанциям. Мы способны заниматься безграничным множеством вещей, не зависящих от подлинного Нашего тела, отправляясь из МХУ!МЫ в физические, психические, пифические области, где нужно плодотворно поработать на общее благо. И наконец, Мы можем овладеть специальностью агента, чтобы выполнять миссии как универсальные защитники порталов, садиться в корабль и спускаться — при необходимости и *down to earth*.

---

[92] Примечания: 92
Вернемся на землю *(англ.)*.

Пронзающей Нас Сабине Мы пока даже не ответили. Да это и не требовалось, поскольку она, похоже, уже знает, на что Мы должны были тут, внизу, повлиять, и сейчас это высказывает:

— Вы называете это специальностью? Агенты, духи защиты, миссионеры — вы это собой представляете?

Все это. Мы вынуждены исповедоваться, пока по Нашим извилинам течет сыворотка.

4

Испокон веку (и отнюдь не случайно) существуют два способа пересечь портал, с которыми приходится иметь дело агентам. При этом единственно верен и хорош третий способ: любая цивилизация, удовлетворяющая девяти требованиям, становится блистательно-лучезарной частью Истинной Вселенной, полностью, со всеми своими членами, витальными, технологическими и духовными составляющими. Миссии же, оборонительные операции, ре-миссии, как Нам, в сущности, стоило бы их называть, занимаются отдельными случаями первого, чисто индивидуалистического способа. Особо оригинальные, выдающиеся, своевольные и гениальные представители какого-либо вида,

размышляя о своей родине и ее космологическом положении, обнаруживают, что должен существовать какой-то проход, выход из их тесного мира. Как только кому-то из человеков удается задаться ПРАВИЛЬНОЙ МЫСЛЬЮ или опасно приблизиться к ней, поднимается, как говорят человеки, красный флажок, появляется маркировочный знак, с тревожной кнопки поступает резкий сигнал, задействуется спусковой механизм. В таких случаях требуются знания, особые навыки, хитрость и коварство Нашей специальности.

— Ослепление и введение в замешательство, соблазнение и отвлечение, убийство с отягчающими обстоятельствами и без! — перечисляет Сабина в таком возмущении, словно все это ей чуждо.

Что еще ей нужно знать о Нас? Как сильно она, наверное, страдает, раз столь бесцеремонно пронзает мой мозг? Интересно, может ли она превратить меня в несущую всякий вздор говорящую куклу, в нечто подобное говорящему роботу CARTESIO, которого я отправил состязаться с Акселем? *Parlez-vous français?*[93] Еще недавно

---

[93] Примечания: 93
Вы говорите по-французски? *(фр.)*

мы сидели рядом в обшарпанном кабинете, как два до обидного быстро повзрослевших и увеличившихся в размерах школьника, скрючившись на слишком маленьких стульях, чтобы унылая пожилая дама могла учить нас на своем родном языке. Моя соседка по парте оборачивается ко мне, заглядывая на дно моей души: «Tout cela ne vaut pas le poison qui découle de tes yeux!»[94]

Яд твоего взгляда! Мы, Цорргх, могли бы покончить с этим дрожащим телом Манфреда немедленно. *Ultima ratio*. Тогда слабый дух Нашего клиента оставался бы лишь чем-то вроде летящего над Волчьим ущельем «ферруччи» Рональда… Он больше не смог бы вспомнить ни об одном из дел, улаженных Цорргхом.

Игла Сабины продолжает что-то искать, безжалостно ковыряясь в сером веществе-носителе между красными ушами Манфреда. Возможно, принцип Наших земных дел, неопровержимую взаимосвязь между проблемой и решением. Математик из Сиракуз — его голова падает в им самим начертанный на песке круг. Будто споткнувшись о мягкую волну ведьминской кривой, обрушивается с лестницы седовласый

---

[94] Примечания: 94

«Все это не стоит яда, который источает твой взгляд!» *(фр.)*

отец Марии Аньези, так что его гениальная дочь остаток дней проводит в монастыре, всецело посвятив себя благотворительности. Живописец из Босха, которому Я, Цорргх, явился лично, чтобы вывести его из игры, — совсем как Ысстх! проделала это с эксцентричным лордом Байроном, рекордно долго продержавшимся, после того как увидел одного из Наших в его или, точнее, ее истинном измерении. Его дочь Аду, практически твою, Сабина, копию, Мы одолели, подогревая ее честолюбивые планы идеального продвижения Чарльза Бэббиджа и активируя отцовские гены, а именно их самые беспутные последовательности. Крайне способную к умозрительным заключениям Берту Саксонскую с ее поросшей буйной рыжей шерстью упрямой головой в 1010 году Нам удалось отвлечь от портала только раскручивающимся по спирали любовным экстазом. Между проблемой и ее решением зачастую очень сложные взаимосвязи.

Поэтому Мы ожидали, что дело Эйнштейна (Альбертля), играючи удаленного с поля противоречивостью его двойной гениальности (Бог не играет в кости, но играет в рулетку с чертом), окажется равным по сложности делу Картезия, который привел к истощению сил сразу трех аген-

тов и едва не лишил их миссионерской жизни. Там Мы не то чтобы очень продуктивно пересеклись с Ысстх!! После разрешения сотни дел, после своевременного устранения наделенных богатым воображением ничем не знаменитых индивидуумов в Ирландии, Польше, России и Португалии, после стирания следов мела, судеб и записанных на досках теорий в Германии, Франции и Италии, быстрого тушения вспышек пламени в умах у голландцев, британцев и испанцев Мы наконец чувствуем, что Наша норма выполнена и Мы рискуем сделаться сентиментальными и слабыми, если и дальше останемся на этой планете, которая, похоже, и через тысячу лет (в 3020 году по летоисчислению человеков-христиан) не перешагнет порог соответствия цивилизационным требованиям.

Следовательно, Мы могли бы считать наслаждением и удовольствием поездку с Сабиной на почти бесшумном электроприводном «феррруччи» по камням чилийского высокогорья, играющим на солнце красноватым и шоколадным цветом, по гладкой серой грунтовой дороге, чтобы откровенно и со смехом признаться ей во всем, что она еще не сумела вытянуть своей иглой из Манфредова мозга. У Нас больше нет

оснований спешить, это Наше последнее дело. Остановимся-ка Мы в этом поистине комфортабельном отеле, окна которого по ночам можно идеально затемнить, дабы струящимся из них светом не ухудшать видимость расположенным вблизи телескопам. Давай побалуем себя еще половиной ведерка мятного ликера в баре у бассейна или даже несколькими порциями стрегацотти, чтобы еще разок насладиться самым утонченным вкусом, какой только человеки ухищряются извлечь дистилляцией из цветов и листьев своей юдоли. Я знаю, Сабина, что тебе хотелось бы выжать из меня еще больше, все, всю правду (которая как-никак должна существовать, согласно седьмому цивилизационному требованию).

От твоего безжалостного взгляда феи, вероятно, не ускользнуло, что первый способ пересечения портала должен состоять из двух частей. ПРАВИЛЬНАЯ МЫСЛЬ совершает первый скачок: осознает, что портал существует. Второй скачок, а именно идея, как через него пробраться, пройти, прорваться, непременно вызывает сигнал тревоги, становится для Внешнего министерства кризисной ситуацией, как только кто-нибудь из человеков начинает понимать, как это осу-

ществить. Если бы я обладал знаниями об этой второй части, этом изысканном методе, ослепление перестало бы действовать окончательно! Необходимо в абсолютном уединении предаваться крайне своеобразным, в высшей степени извилистым и сложным, многомерным умозрительным рассуждениям, чтобы один или одна из миллиарда человеков внезапно обнаружили запретный выход, который всегда прямо у них перед глазами и потому полностью во тьме.

Неужели Аксель, лучше всех затаившийся утайщик, этот одиноко работающий в ночи мозг, нашел древний хитроумный спиральный путь Архимеда? Этот бледный верзила, который вел Манфреда по вытянутой квартире родителей до своей каморки Франкенштейна, забитой компьютерами и террариумами. А вдруг он даже обнаружил, как сократить путь на этой сложной, опасной для жизни тропе к порталу? — (Едва ли не) более того, (чуть ли не) хуже того, опаснее, чем большинство, да, собственно, все его предшественники, поскольку он грозил открыть для человеков эру Второго Способа. Тот Второй Способ в высшей степени прогрессивен и в то же время до ужаса прост. Его звездная дорога прокладывается гениями, а используется идиотами, построена

в небесах Юпитером, а передвигаются по ней телеги, запряженные быками, и между колесами на золотую мостовую брызжет навоз. Второй Способ чисто технологический, способ инструментов, аппаратов, компьютеров и алгоритмов, который позволит (мог бы позволить) незрелой, варварской, по сути, цивилизации вроде человеков осознать их реальное местоположение в космосе. Будто им, тем, кому до Аньези, Байрона, Лавлейс, Декарта как до луны, достаточно просто таращиться в экран, чтобы осознать, где они на самом деле находятся, считая, что пребывают в настоящей Вселенной.

5

Чилийская обсерватория (ночью и в удушающей тишине), безусловно, лучшее место для того, чтобы бросить во тьму взгляд, которому придают остроту технологии. Поэтому неумолимая игла Сабины ведет меня по дороге внутри моей головы прямо туда.

— Итак, — чудится Нам ее голос, — что бы Мы увидели, если бы ты не взломал алгоритмы Акселя, чтобы вмонтировать смертельную для Рональда шутку?

Мы представляем себе помещение с высоким

куполом, через который пробивается наружу гигантский телескоп — или это ухо (радиоволны), а не глаз? Что бы это ни было, картина для человеков почти та же. Итак, Мы сходимся с Сабиной на темном зеркальном полу, с двух сторон, как на дуэли, и, глядя вверх, смотрим прямо во Вселенную. Это вид на Южное полушарие, так что мозг Манфреда многие созвездия даже не распознает, а другие, к тому же перевернутые вниз головой, улавливает лишь фрагментарно. Но и это не имеет никакого значения. Эти сверкающие мириады! От Жертвенника и Павлина у нижнего края, мимо Мухи, Хамелеона, Южной Гидры и Сетки до Киля, Голубя и Кормы в центре космической ночи, усеянной сонмами сверкающих кристаллов солнц. Рассеянные звездные скопления, сияющие планетарные туманности, мерцающие галактики! Большой Пес и его хозяин, небесный охотник Орион, на западе, на своем световом пути, в нижнем конце которого светятся Сириус, Процион, Альдебаран, Ригель и Бетельгейзе. Выстроившиеся в строгий ряд три сапфира на поясе охотника. Психотическая лента Млечного Пути, казалось бы венчающая все с Востока на Запад. Южный Крест и Центавр, ярко блистающие над Мимозой и Угольным мешком.

Все это великолепие драгоценностей еще гораздо дальше от истины, чем едва различимое Малое Магелланово Облако, до которого свет с планеты человеков будет добираться сто девяносто тысяч лет.

Что же я мог бы ей сказать, когда перед глазами у Нас только потрясающее сияние звезд? Именно это хочет знать Сабина. Она предстает звездной феей в сверкающем серебристом платье.

Нам стоило бы сказать о том, насколько права была графиня Элеонора Альбертина, когда высмеивала рьяных, по большей части мужского рода, наблюдателей за небесными объектами, специалистов по линзам и математических акробатов, которые скрупулезно отмечали мириады блестящих точек во всех их конфигурациях, в любое время года, чтобы, склоняясь над своими чудесными картами звезд, не замечать их простого основного свойства: что, вообще-то, это всего лишь острия гвоздей, заколоченных в крышку их гроба. Эта представляющаяся человекам чудовищно большой, пятнадцать миллиардов лет взрывающаяся Вселенная, оснащенная миллиардами галактик, где, в свою очередь, горят сотни миллиардов звезд, это безумное скопление желтых солнц, красных карликов, белых гигантов,

черных дыр, поглощающих и извергающих квазаров, эти обескураживающе огромные расстояния, гнетущие, вонючие межзвездные туманности, холодные и ядовитые газовые облака, в которых испаряются миры, эти лабиринтообразные воронки, из чьих глубин никогда не возвращается ни одна из всосанных солнечных систем, эти с треском лопающиеся новые и сверхновые, эти хвосты магнитных монстров, эти гиперджеты, которые устремляются сквозь раскаленные спирали, безмолвная непостижимость Черной материи и сверхкосмическая ярость Темной энергии — все это… все это должно…

— Да, скажи, пожалуйста, что все это собой представляет? — спрашивает звездная фея Сабина почти смиренно, сложив вместе большие прекрасные ладони, как бы давая понять, что не может ни задержать, ни остановить грядущее, а может лишь принять его как неизбежность всем своим сияющим телом.

— Комнату, камеру, — спокойно отвечаем Мы, — отведенное вам тесное помещение.

У человеков — и бесчисленных прочих цивилизаций, равных им по мерзости и посредственности, — есть собственное запертое пространство. По мере развития их науки и любопытства оно

может и должно казаться им все более огромным, загадочным и таинственным. Если им недостаточно диска под огоньками тысячи свечей, Мы даем им шар под солнцем. Если им уже не хватает Солнечной системы, Мы бросаем их в море галактик. Если они там не тонут, Мы окунаем море в моря и протягиваем в них черные рифы.

— Мы должны пребывать в иллюзии, что находимся в бесконечности, но в результате наш космос — просто тюрьма?

Сабина сидит теперь напротив Нас, в центре темного купола, где наверху открывается вид на небесный свод. Между нами стоит маленький столик. Мы сели на удобные стулья напротив друг друга. Поскольку Мы точно знаем, что это прекрасная иллюзия, то можем присовокупить и добрую бутылочку стрегацотти с двумя гранеными бокалами.

— Значит, это тюрьма с бесчисленными одиночными камерами, — продолжает Сабина. Металлический блеск ее платья, видимо, должен напоминать Нам об игле в Нашей голове. — Все эти недостойные цивилизации сидят в параллельных застенках, ведь они никогда не встречают никого другого.

Параллельные схемы возможны, но зачастую

излишни, поскольку изоляцию продуктивно обеспечивают уже сами по себе огромные расстояния между обитаемыми планетами. Какие неконструктивные, бессмысленные, скорее всего даже воинственные отклонения могли бы возникнуть, случись в космосе встретиться незрелым и хулиганствующим цивилизациям, не отвечающим цивилизационным требованиям! Человеки уже давно удивляются, что к ним никогда не заглядывают другие, инопланетяне на фантастических космических кораблях. Что ж, потому что это было бы бессмысленно. Потому что это совершенно не помогло бы им развиться и взять на себя ответственность за благополучие их планеты.

— Вот почему мы и не находим в зоне нашей досягаемости никаких других удобных и обитаемых планет, — предполагает Сабина (справедливо и вполне бесстрастно).

Разумеется, какая польза от того, что земное безумие распространилось бы по в два или три раза большей площади?

Сабина берет тщательно имитируемую бутылку и наливает каждому из нас по точно отмеренному глотку стрегацотти.

— Давай оставим размышления о Вселенной…

— О ложной Вселенной.

— Ложную Вселенную побоку. Давай поговорим о семенах надежды.

Она имеет в виду находчивые умы женщин, мужчин и прочих разных, вдохновенных соколов и прокачанных алгоритмами машин, которые способны ухватить ПРАВИЛЬНУЮ МЫСЛЬ. (Машины, проходящие через портал, называются машинами Тьюринга и тут же выкашиваются Внешним министерством.) Первую часть этой мысли Мы уже подробно обсудили, но Сабина с ее въедливостью чувствует, что здесь кроется нечто большее.

— Я не могу сказать, как выйти наружу. Это выясняют только клиенты, которыми я должен заниматься. Знай я это, мог бы выдать, у меня могло бы вырваться… — Мы с некоторой жадностью не сводим глаз с чудесно светящегося слизистой зеленью стрегацотти в Нашем бокале. Однако серебристая Сабина и не собирается с Нами чокаться.

— Мне кажется, что твое так называемое дело еще не вполне завершено. Хотя ты почти подошел к концу… иглы, — предполагает она. — Ты, правда, убил моего мужа…

Мы протестуем, но она хладнокровно отмахи-

вается:

— Но есть еще я — и есть Аксель, вообще-то представляющий наибольшую опасность.

Мы не можем с ней не согласиться. Кроме того, с усвоенной Нами предусмотрительностью Мы думаем и о поэтичном тяжеловесе Лауре Ванденхук, чей сверкающий синей молнией взгляд, чьи выдающиеся таланты и амбиции, вероятно, могли бы побудить мадам Зандштрём возобновить проект CDV. Однако без Нашего Манфреда и без Акселя им не продвинуться дальше мистера Шпука.

— Есть много тюрем, откуда хотелось бы вырваться, — констатирует Сабина, у которой, как Мы видим, прямо над макушкой теперь парит в черном небе Южный Крест. — И прежде всего, это тело, в которое нас засунули.

Разумеется, Мы спешим заверить ее, что уж в этом-то отношении у нее нет оснований жаловаться. Но она имеет в виду сам принцип, для всего вида *homo sapiens*: короткую продолжительность жизни в целом, стремительное одряхление, неприглядную, терзаемую болезнями старость. Мы — Манфред — легко вернули бы ей воспоминание о радостях тела, которое, как ей казалось, она давно утратила. (К сожалению, она пока не

хочет чокаться с Нами и за это.) Мы, Манфред, в некотором смысле как бы почти двое мужчин — такие исполнительные, заботливые и обнимающие, да-да, мне не стоит себя недооценивать.

— Но я давно уже с ним распрощалась, чтобы обрести другую любовь, — объясняет она, нежно касаясь кончиками пальцев края своего бокала.

— Дай угадаю: это Аксель.

Она спокойно кивает. Но и за это чокаться не хочет. По ее словам, с Акселем она познала истинную любовь. Его немощное тело вскоре стало казаться ей не более чем пеленой, легко отодвигаемым занавесом. Она научилась накаляться в огне его разума и сливаться с ним, наконец-то без всякого стыда и абсолютно свободно. И Аксель обнаружил не только в какого рода тюрьме заключены человеки, но и то, что есть шанс совершить большой побег, и не просто из тюрьмы, но и, можно сказать, насквозь, наверх, туда, по ту сторону портала. Никто не знает этого лучше меня, агента Истинной Вселенной, где цивилизованные, жизнерадостные планеты расположены очень близко друг к другу, где жизнь продолжается самое меньшее тысячу лет, где открываются безграничные возможности способствовать развитию искусства, науки, религии и культуры

до таких высот, что девять цивилизационных требований соблюдаются сами собой.

— И что же это за способ побега? Тебе следовало бы знать, что для Нашего брата обзор таких способов полностью заблокирован.

Сабина улыбается, как Нам кажется, слегка презрительно.

— Я говорю о способе Иеронима Босха. Я говорю о Рене Декарте на добрую сотню лет позже. Я ссылаюсь на четыре других твоих дела, которые все вместе, во всех подробностях описаны в этой книге признаний.

Произнеся последние слова, она из одной лишь тьмы купольного помещения (словно располагала ЗАПАСНИКАМИ, подобно кому-либо из Нас!) извлекла записную книжку, показавшуюся Нам на редкость знакомой. Толстую тетрадь в яблочно-зеленом переплете. На двухстах страницах, исписанных ужасающе простеньким, разборчивым почерком Манфреда, по словам Сабины, можно прочесть по меньшей мере полную историю этой миссии. К тому же, поясняет она с наслаждением, здесь имеется и приложение, где Мы якобы запротоколировали об Истинной Вселенной и ее природе все, что сыворотке удалось вырвать у ослепления.

— «Манфреда Мы обнаружили в ужасающем состоянии», — читает вслух сверкающая серебром давняя школьная подруга.

Рвануть книжку на себя и стремглав умчаться прочь через люк в крыше — две в одинаковой степени глупые идеи, ведь на самом деле в данный момент физически не существует ни купола обсерватории, ни записной книжки. Наша Сабина — шантажистка Истинной Вселенной! И вдобавок ко всему у нее есть четкие криминальные идеи: дело Декарта, дело Босха и четыре других описанных Нами дела указывают путь, по которому собираются пойти неповторимый Аксель и серебряная Сабина. Их интересует не что иное, как весьма редко используемая возможность ЗХА!БРАНИЯ! когда через промежуточную стадию разложения человеческого тела Мы перемещаем его интеллект в некий сигарообразный космический корабль, чтобы на нем пробиться к Истинной Вселенной сквозь физический портал (местонахождение которого не должно быть известно никому, кроме самого космического корабля).

— ЗХА!БЕРИ нас, Манфред! — с улыбкой требует Сабина и теперь наконец поднимает свой бокал. — Потому что сегодня твой последний день!

Мы пьем божественный стрегацотти, в пряно-изысканных ароматах которого, кажется, умиротворенно соседствуют все наслаждения земного царства. Так же четко, как чудесное поступление ликера в Наш Манфредов организм, так же четко Мы сейчас чувствуем в Нашей голове блестящую полую иглу, и такое ощущение, будто громко цитируем

Десятое цивилизационное требование

Цивилизации, предназначенные к уничтожению превосходящими в военном отношении силами или принуждаемые участвовать в уничтожении целых цивилизаций, могут сохранить достоинство и престиж во Вселенной путем опережающей полной самоликвидации.

X. Ultima ratio

1

В конце Мы снимаем с голов черный вентиляционный колпак, чтобы проверить результат эксперимента и шантажа. Только мозг Акселя остается скрытым в похожей на бейсбольный мяч темной оболочке. Вопрос не в том, удался ли перенос, ЗХА!БРАНИЕ! на которое надеялись Сабина с Акселем. Разумеется, оно потерпело неудачу. Хотя давний школьный друг Манфреда относился к числу Наших самых талантливых клиентов, он не мог всерьез рассчитывать одурачить агента Истинной Вселенной. Даже если бы ему удалось силой добиться ЗХА!БРАНИЯ! совершить великий скачок из земной юдоли к ДХООО!ЛАМ Красшгатхора, это не означало бы, что он победил. И если бы он, ожесточенный Нашим отказом ЗХА!БРАТЬ! или переместить его и его возлюбленную Сабину, раструбил бы правду об Истинной Вселенной на весь земной мир (во весь голос читая вслух яблочно-зеленую записную книжку), это помогло бы ему лишь отчасти и ненадолго. Чтобы удалить из реальной истории

Земли и человеков обе эти возможности плохого развития ситуации, Истинная Вселенная просто вновь послала бы Нас к началу цепочки событий, первым звеном которой было то, что Мы обнаружили Манфреда в его прежней жалкой лачуге.

Единственно подлинным и правильным следствием реальных событий был бы выбран третий, а при необходимости четвертый или пятый вариант этой истории — во всяком случае, тот, что соответствовал бы возвышенным целям Истинной Вселенной. В данном человекам ограниченном мире — если рассматривать этот мир как гигантскую реторту или селекционную станцию для сырых, невызревших цивилизаций или как своего рода запущенную исправительную колонию грандиозных размеров, — в их хронологическом описании исторических событий, хотя и не иллюзорном, однако же крайне податливом, ни одну отдельную историю нельзя и не нужно рассматривать как раз и навсегда закрепленную и неизменную. В любой момент, когда прозвучал сигнал тревоги, агент вмешивается в дела человеков, и с этим вмешательством их дела теряют определенность и могут развиваться по-разному до конца его миссии. Возможно, у этой миссии будет один вариант, возможно, их будет сто или

тысяча — в конце концов Внешний совет выберет и зацементирует в истории тот единственный, который отвечает требованиям изоляции и универсальной цивилизационной гигиены.

И этот выбор человеки воспримут как естественную, неумолимую, неоспоримую участь, приуготовленную руками богов или детерминистской машиной мира, что, безусловно, благо для их наивной, нуждающейся в безопасности натуры. Однако время от времени того или иного гения, будь то молодой ульмский нахаленок, желавший догнать свет, или своенравная юная леди, склонившаяся над таблицей расчетов, может вдохновить и освободить озарение, что они находятся на одной из возможных боковых ветвей разветвленной истории, на ветви, которую Истинная Вселенная отпилит и бросит в огонь декогеренции, единственно верного толкования. Вместе с этим исчезнут, возможно, и самые разные события его или ее времени, войны, катастрофы, катаклизмы — Мы не станем здесь вдаваться в подробности.

В Нашей истории о злополучном Манфреде и опасно непоседливых, вызывающих тревогу элементах или личностях из его окружения не потребуется отдавать приказ о внедрении дру-

гих агентов, чтобы выработать пучок или меню гипотетических вариантов ее развития, достаточно богатый выбор реальных возможностей в духе Внешнего совета. Мы, Цорргх, выполнили миссию, к Нашему удовлетворению, сообразуясь с правилами Внешнего министерства и собственными, сугубо личными намерениями. Теперь, когда Мы полностью сняли с Нашей головы вентиляционный колпак, первым делом следует убедиться, что, кроме манфредовского тела, ничего Манфредова в Манфреде больше не осталось. Его оболочку, его одноразовый корпус, его живое тело Мы присвоили, сначала все же порядком улучшив. Как-никак в еще относительно молодые для человеков годы ему суждено послужить трогательно убогим средством передвижения и вспомогательным приспособлением в Нашем последнем существовании. Заимствуя жизнь Манфреда, спустя столетия, казалось бы, непреодолимых дистанцирования и отвращения Мы выражаем с трудом обретенную Нами под конец симпатию к хрупкой природе и причудливой культуре человеков, к их музыке, к их страху смерти, к упорству, с которым они приукрашивают стихами и песнями свой варварский способ размножения, к их порой поразительным мысли-

тельным способностям и моральному величию в миллионах отдельных случаев (большинство из них проявляют поразительную добрую волю и героизм), к их неустанному ковылянию вперед во мраке, который они, найдя, отчасти значительно усугубили, к их мятному ликеру, к их математике, которой не следует пренебрегать, к их драгоценным скрипкам Страдивари и стрегацотти.

С их берегов Мы начнем Нашу последнюю миссию, состоящую лишь в том, чтобы коротать свой век, как (почти) один из них, и наконец окончить среди них Наше последнее существование. Безвозвратное низвержение в пропасть бытия человеков можно сравнить с их легендами о божествах, объявлявшихся среди земной суеты, чтобы там бороться, ненавидеть, любить, и лечить, и зачастую ярким примером войти в историю. Только вот Наша миссия заключается теперь в том, чтобы закончить миссии. Мы еще здесь лишь для того, чтобы наслаждаться в покое и смирении. Если бы тебя, человеческое существо, приговорили к смерти, но ты еще раз получил бы шанс провести несколько годков на какой-нибудь мрачной планете с редкими радующими глаз цветами среди болот, в скромном доме со скромным садиком и видом на бледно

тлеющие огни фотообоев так называемого космоса, ты чувствовал бы то же самое. Почему бы Нам иногда не рассматривать неизбежную мрачную сторону этого ограниченного существования и как публичное покаяние за все те миссии, которые Нам удалось завершить, только прибегнув к *ultima ratio*, прискорбному устранению смутьянов (всех этих печальных гениев)?

Акселя и правда можно было бы спасти лишь ЗХА!БРАНИЕМ! если бы ему была предоставлена в распоряжение Наша древняя, почти уже распавшаяся МХУ!МА, чтобы на ее слабой телесной основе он мог еще два-три столетия познавать радости Истинной Вселенной, самым непостижимым образом им угаданные. Однако Мы сочли его разум слишком деструктивным и достойным презрения, чтобы навязать его Нашей родине. А значит, Мы ЯВИЛИСЬ ему в Нашем настоящем облике — как если бы расширили глазок до размеров большого окна и уже не обращали внимание на то, что клиент может оглянуться. Это зрелище не по силам именно таким, по меркам человеков высокоинтеллектуальным, яростным, невероятным умам, как плавающий в своей жидкой питательной среде мыслительный орган Акселя. Один лишь вид Нашей жуткой от семи- до семна-

дцатимерной сложности будоражит их хитрость, их свободомыслие, их логику, их комбинаторные способности, всю их ментальную восприимчивость, перевозбуждает, вынуждает карабкаться все выше по спирали панического анализа и фанатичного наблюдения, обжигаясь, распадаясь в прах, бесследно исчезая, как знаменитый земной мотылек под испепеляющим светом, по уничтожительному эффекту равным взгляду Медузы. Узри Мы себя ясно и четко в зеркале умирающего глаза, Нам стало бы, возможно, при виде Нас самих так же плохо, поскольку в этом мире Мы весьма приноровились к земным условиям и ослепление снабжает Нас лишь благостными домыслами о Нашем истинном облике.

Стоит ли Нам сочувствовать Акселю? Он был готов обречь Нас на пребывание на Земле и уничтожить Манфреда. Он оказался достаточно гениальным, чтобы додуматься до ПРАВИЛЬНОЙ МЫСЛИ, и опасно умелым, чтобы через мутную замочную скважину квантового компьютера заглянуть в Истинную Вселенную. Трое любовников Сабины (Мы не хотим больше замалчивать этот результат Наших расследований), заведенных с единственной целью дать Акселю новое, лучшее тело (она предпочитала театральных

красавчиков без родственников), наспех зарыты в саду виллы, как собаки. Теперь нужен еще лишь очень маленький горшок для церебральных останков Акселя.

Нашему же Манфреду, чьей пусть и посредственной, но все же значительно улучшенной Нами и состоятельной личностью Мы полностью завладели, суждено познать лучшую долю. Его субъективный разум, скромный квант картезианской самоэнергии, дающий ему ощущение, что он — это он и одновременно пуп земли, некоторое, вероятно, достаточное время сможет содержаться в хранилище в маленькой емкости для дальнейшей транспортировки, куда Мы заложили его незадолго до того, как полностью завладели его телом. Его обнаружит другой агент в ходе другой миссии, а одна из добрых традиций Нашего сословия состоит в том, чтобы при следующей физической поездке домой в комфортабельном сигарообразном объекте забирать с собой в Истинную Вселенную, уберегая от грозящего разложения (безумия или диссоциации вследствие длительного отсутствия опоры в виде тела), слабые флюиды разума человеков, то есть в данном случае эту ложечку Манфредовой природной смекалки, залитую коллегой в

транспортировочный фиал. Наша МХУ!МА, на которую, вероятно, рассчитывал Аксель, сможет послужить Манфреду еще два-три столетия, в течение коих он будет щедро вознагражден за скромную роль, сыгранную им в истории Нашего последнего дела на Земле. Возможность увидеть Истинную Вселенную, да еще во временном промежутке, в три раза превышающем обычную продолжительность человеческой жизни, сделает его одним из невероятных счастливчиков своего вида.

2

Итак, заложив Манфреда — исключительно путем специального медитативного упражнения — в одно из хранилищ, которые находятся в промежуточной области весьма грубо-вещественного мира человеков, незримые и неуловимые никакими их приборами, для Нашего же брата издалека различимые как красные буйки в фиолетово-синем море, Мы с наслаждением потянулись всем его телом, теперь полностью доставшимся Нам. Естественно, это просто убогий, неуклюжий, во многом ограниченный, неприятно упрощенный сенсорно вариант материальных форм проявления, какие Мы знавали в юности,

расцвете и зрелости Нашего бытия. Однако столь близко к Нашему концу это Манфредово живое тело представляется пусть и дурацким, но свежим, по-телячьи забавным, от природы слабым и неловким, но все же поразительно пластичным и тренируемым. Мы насладимся его биологической смачностью и доведем до цветения его семя, Мы отправим его в большое путешествие, как простодушного глупца, направляемого веселым богом. Пусть производит летающие машины или электрических воробьев! С Нами он добьется успехов, о которых не мог и мечтать, и предастся излишествам, о которых ему мечтать запрещалось. Еще несколько десятилетий, коли они Нам даны, Мы будем дрейфовать на его маленьком каноэ вниз по течению большой реки, пока и Нас не поглотит преисподняя, куда падают миры.

Именно сейчас Сабина из транса мультиперсонального подключения возвращается к грубой земной реальности, откуда она надеялась ускользнуть. Должно быть, она представляла себе зеленый Элизиум, где проснется рядом со своим возлюбленным Акселем. Теперь он наконец должен был обладать новым, поистине бесподобным, в высшей степени многообразным, равным ее собственному телом, которое ей не терпелось

обнаружить, так сказать, преображенным и с феноменальным потенциалом, чтобы испытывать новый вид удовлетворения. Первым делом ее пронзительный взгляд обращается к стеклянному резервуару, где над питательной средой больше не поднимаются пузырьки кислорода. Внезапно она понимает, что мозг там уже мертв. В лотке принтера, печатающего мысли, никакого листка с последним приветом. На осциллографах и энцефалографах больше не бегут пилообразные сигналы. Вместо этого нулевая линия смертной фрустрации. Даже в динамиках не потрескивает. И она по-прежнему в подвальной лаборатории виллы «Матильда».

Затем Сабина оглядывает собственное тело, по ее и Нашему (прежнему) мнению, трехмерный скрипичный ключ из плоти, а в глазах Манфреда, чей разум, однако, уже не должен воспринимать то, что они видят, чудо райской мягкости, соразмерной полноты и совершенной формы. Сабина чуть ли не вскрикивает от ужаса из-за того, что эксперимент трагически провалился! Портал в Истинную Вселенную остается закрытым! Возлюбленный, его последний орган, сияющий мозг в темном стручке, угас. Ее тело не изменилось — и сейчас она наедине с этим Манфредом,

нелепым, сентиментальным давним школьным приятелем, чьим ухаживаниям она уступала и кому многое позволяла по одной-единственной причине, к чьим назойливым прикосновениям ей пришлось привыкнуть, но его поразительно возросшее мастерство и потрясающая сексуальная энергия при их последних открытых, бурных встречах все же встретили неясный отклик в ее потайных областях. Со стыдом она вспоминает его неожиданную выносливость и судорожную гармонию синхронных плясок святого Витта, которые исполняла с ним в постели. Более чем жертва, даже более чем долг. Раз теперь ничего больше не остается, никого другого, только этот соучастник, усердный любовник и жаждущий любви покорный старый друг, — неужели это так уж плохо? В сравнении с тем бременем, каким в последние годы их брака сделался грубиян Рональд, Манфред представляется покладистым, вежливым, приемлемым, по меньшей мере на время, нужное ей, чтобы все переосмыслить и смириться с крахом последней безрассудной затеи Акселя.

Если бы Мы попытались выразить в понятных для человеков образах каскад ее мыслей под прекрасной маской мечтательности и смятения,

то сказали бы себе (за нее): это не Гималаи, но Альпы. Это не Гёте, но все же какой-никакой Шиллер. Это не золотая медаль — вы с Акселем в Красшгатхоре, — но добротное серебро, мощный разум Цорргха в теле прилежного любовника Манфреда (ведь спустя несколько секунд раздумий она уже едва ли верила, что Мы оставили скудный интеллект Манфреда в его оболочке). Она, убийца троих красавцев, в которых не смог прижиться разум Акселя, нашла в Нас самодостаточного коллегу из более высоких побуждений и могла, блаженствуя, провести с ним остаток жизни в преступной гармонии…

Продолжая молчать, Мы буквально видим, как эти или очень похожие мысли проносятся в ее светлой голове, пока она не успевает моргнуть и трех раз. А затем — великодушно и с немалой радостью предвкушая сюрприз, который для нее приготовили, — Мы дарим ей счастье неожиданного поворота ее истории. Сняв вентиляционный колпак и все датчики, Мы встаем с Нашей кушетки и подходим к кушетке Сабины, где она лежит в черных брюках и красной блузке. Внимательно, но не без дружелюбия, почти так, будто, видя Нас впервые, находит вполне приятным, хотя и слишком напористым, она наблюдает за Нами,

пока Мы не опускаемся рядом с ней на колени и не произносим ту единственную, заранее условленную фразу: «Дульсинея, Джульетта, Беатриче — за зеркалом они прекраснее прежнего!»

И без колебаний Мы целуем ее, долго и проникновенно, в губы, которые поначалу лишь изумленно податливы, а затем медленно оживают и сонно-сладострастно отвечают на поцелуй. Мы понимали, что она испытывает новое, на этот раз в высшей степени радостное потрясение. Ей выпал совсем иной, непредвиденный, но крайне приятный вариант удачного исхода ее эксперимента, решение, несомненно занимающее второе место! Это как рассчитывать на божественный бочонок стрегацотти, а затем опасаться, что придется потягивать одни безвкусные вина и выдохшееся пиво — и так до конца дней. Однако в этой низшей точке тебе вдруг выдают абонемент на роскошное ведерко мятного ликера в день! Значение этого нового варианта, его чудесные возможности Сабина может и должна взвесить и оценить. Она вгрызается в эту информацию своим быстрым умом, одновременно в задумчивости прикусывая крупными белыми зубами Нашу нижнюю губу и Наш (единственный) язык. Как же им проще всего опознать друг друга, задавались

вопросом Аксель с Сабиной, если трансформация преобразует их в совершенно новые тела, неузнаваемые, мало схожие или вовсе ничего общего не имеющие с их прежним обликом? Если они смогут говорить, найти общий язык, не важно какой, то именно задачей Акселя будет произнести кодовую фразу, в которой Дульсинея, Джульетта и Беатриче пересекли границу ложной Вселенной, чтобы возродиться, как бы объединившись в нездешней, невообразимой, возведенной в степень красоте.

Ласково, внятно и отчетливо произнеся эту фразу, Мы доказали Сабине, что разум Акселя покинул темный стручок в реторте — и попал в тело Манфреда. Вероятно, как раз в эту минуту, уже вовсю всасывая Нас, она взвешивает бесспорно разнообразные, оригинальные, причудливые возможности, каковые открываются, когда великий разум объединяется с посредственным телом, которое Мы, однако, наделили поразительными способностями. Мозг Эйнштейна в *love machine* Казановы, интеллект Архимеда в живом теле Дон Жуана (внешне довольно обычного, но чисто технически не мужчины, а настоящего «ферруччи»!), ее изолированный в стеклянной реторте гениальный возлюбленный, освобожденный и

помещенный в уже изученное и прирученное тело давнего школьного друга, чьими абсолютно новыми качествами неустанного любовника она теперь может наслаждаться с чистой совестью. Ничего удивительного, что сейчас она целует Нас в ответ все более страстно. Если Мы скажем себе (а Мы скажем!), что все изощренные, многомерные, мультипроницаемые, мягкоскладчатые, проникающие по спирали до самой глубины, полихромные и гиперизысканные, великолепные, как клокочущее лавовое поле с паром, брызгами и жаром, оргиастические фейерверки с принципиально безграничным количеством участников теперь утрачены для Нас не только в Нашем ослепленном воображении, но и в любой еще доступной Нам реальности, то почему бы смиренно и благоговейно не отдаться поцелуям Сабины, которые теперь своей порывистостью и судорожно-ненасытным, неистовым сладострастием не оставляют уже никаких сомнений: она от души приветствует своего Акселя в своем Манфреде!

3

И вот, слегка отстраняясь от нее, уже сильно раскрасневшейся в своем влечении, Мы первым делом ожидаем услышать от нее фразу, которой

она могла бы открыться Акселю. Не потому, что ее собственная безмерно прелестная внешность в каком-либо отношении изменилась, а потому что она, любительница театра с тонким пониманием драматургии и отточенных диалогов, могла отозваться на пароль Акселя только романтически. Едва ее мягкие губы с сожалением оторвались от Наших манфредовских, Нам чудится, что она произносит свою часть условленного пароля: «Интересно, есть ли еще в этом новом мире книги, в которых можно прочитать о Ромео и Джульетте, Дон Кихоте и Дульсинее, о Беатриче и Данте Алигьери».

Однако теперь она, раскрасневшаяся, с пленительно смущенным видом ошарашивает Нас еще более прекрасным, страстным и все же, кажется, продуманным заявлением: «You told me once we shared a time you found you could no longer live without me, your enchantress of numbers. I never thought that the Analytical Engine could weave time and space as it could weave algebraical patterns. But this, my dear New Babbage, is the happiest day of my life. For it is the first day of my life after death and the

first day of the rest of my life, with you»[95].

Возможно ли это? Уж не Мы ли этому поспособствовали?

Неужели, когда Мы окончательно покинули Аду Лавлейс, ее друга и учителя математики Чарльза Бэббиджа и его Аналитическую машину, чтобы не быть вынужденным свидетелем печального конца этих двух больших дарований, Внешнее министерство провело еще одну операцию?

Так же как Мы заложили в хранилище разум Манфреда (ту ложечку чуть теплой флюидной сущности), один из наших агентов, в принципе, мог на некоторое время заключить внушительный интеллект Ады Лавлейс в какой-нибудь фиал, снабдив его подтверждающей информацию этикеткой, чтобы этот интеллект можно было, если что, в условиях крайней необходимости вложить в аппаратную часть другого человеческого существа. Может, этим объясняются особенности и уловки Сабины, ее прорывающаяся наружу

---

[95] Примечания: 95

«Однажды, когда мы были вместе, ты сказал, что уже не можешь жить без меня, своей чародейки чисел. Я никогда не думала, что аналитическая машина умеет сплетать время и пространство так же, как она сплетает алгебраические комбинации. Но это, дорогой Новый Бэббидж, самый счастливый день в моей жизни. Ибо для меня это первый день жизни после смерти и первый день оставшейся жизни — с тобой» *(англ.)*.

чувственность или периодические проблески высшего разума? Когда мог произойти перенос? Возможно, все же лишь в ходе задуманного Акселем эксперимента, только что завершившегося совершенно не так, как планировал изобретатель.

Малая Лупа Времени, Короткая Петля — этими удобными специальными технологиями агентов на задании Мы больше не располагаем, поскольку, приняв решение совершить последнюю поездку верхом, отстыковались от Истинной Вселенной. Теперь, если Мы хотим добиться преимущества перед человеками, Нам нужно быстрее мыслить и умнее действовать исключительно собственными силами. Однако новая Ада/Сабина настроена, похоже, благосклонно и, вновь замолчав и с улыбкой, комфортно лежа в позе донора крови, разглядывает Нас еще несколько секунд, так что Мы успеваем фундаментально поразмышлять с помощью лихорадочно несущейся мыслительной программы на скромных биоплатах Манфреда. Как будет складываться совместная жизнь с Адой Лавлейс, если она помещена в весьма подходящее для этого тело ее близнеца Сабины? Поскольку она верит, что в Нашем облике перед ней новый Бэббидж, Мы

сумеем уверить ее и во многом другом, например, в том, что попали в это будущее и в эту чужую страну раньше ее и потому уже ориентируемся здесь и можем хорошо объяснить ей все изменения во времени и пространстве — автомобили, телевизоры, самолеты (о которых она всегда мечтала), умные телефоны, сверкающие белизной унитазы с водой, общую анестезию, свет и шум ночь напролет. Дюжину существенных отличий этого настоящего от ее времени паровых машин и ткацких станков она постигнет наверняка быстрее, чем большинство апатично плавающих в море этого будущего современников поймет программу, которую она написала для шестеренчатой вычислительной машины Бэббиджа.

Ведь ей, кажется, уже по душе, что родственный по духу гений, ее старший покровитель и друг-математик теперь в молодом теле пусть и посредственного, но тем не менее ласкового и жарко целующегося Манфреда. Во всяком случае, приведенный Нами в достойный вид Манфредий более красив и свеж, чем «лодочник» Бэббидж. Рядом с ней даже на этой дрянной терре благодаря комфорту превосходного альянса и страсти Мы сумеем возвысить и облагородить небольшой остаток Нашей долгой жизни до гармоничного

финального аккорда. И, пока человеки создают музыку, и своеобразные блюда, и стихи, пока они дистиллируют стрегацотти и рассказывают друг другу истории, пока при всех их невзгодах и смехотворных заботах они приближаются к соответствию тому или иному цивилизационному требованию, не обходясь при этом без известной доли *sense of humour*[96], жить среди них будет сносно.

Мы вновь целуем пухлые губы Ады, поскольку она, похоже, этого ждет, а Нам ведь известна некая отрадная ненасытность ее байроновского гена. Кажется, Мы заметили, что она целует более неистово, более невинно, более поспешно и жадно, чем прежняя обладательница ее тела, представляющая собой сейчас, возможно, лишь соблазнительную улыбку в небесах «Cleansmile» или еще одну ложечку природной смекалки, налитую каким-нибудь снисходительным агентом в парный фиал к огонечку Манфредова разума. После этого поцелуя, неподражаемую технику языка и губ которого, родом из раннего викторианского периода, следовало бы перенять при помощи надежного алгоритма и сохранить в

[96] Примечания: 96
Чувство юмора *(англ.).*

памяти для воспроизведения, чтобы навсегда уберечь от забвения, Ада Лавлейс, кажется, вновь хочет с Нами поговорить.

4

«Манфред», — нежно говорит она на языке человеков, но с разнообразными мелодичными звуками, в которых Наш внутренний слух, пока Мы живы и выполняем миссию, порой воспроизводит их слова и фразы, будто мелодию, прочириканную на блокфлейте, еще раз исполняют на великолепном органе. Итак, Мы слышим имя Нашего очаровательно посредственного клиента в утонченной форме и тональности, как если бы оно прозвучало из Нашего нутра, в отрадном варианте звучания, каковой немного подпитывает смутное и далекое воспоминание о Великом Языке, на котором Мы когда-то говорили ТХАМ!:

— Н!ФЦЫМТ!СИ!КСУ!РФ.

— ЦЫФЦЫ (Ада), — мечтательно бормочет она, чтобы затем выразить в чудесных звуках и Нас (Цорргха). — А!ВЛИ!КСИ!КС!СС!Т.

Означает ли это, что, проходя сквозь достаточно текучий для Наших земной дисконтинуум из неподатливых решеток пространства и носящихся вихрем по кругу отрезков времени, Ада Лавлейс

подсобрала звуки и слова Нашего языка и, при ее большом таланте усваивать другие языки, впитывать их и шутя переиначивать, прямо-таки мгновенно усвоила некоторые формальные правила? Мы зачарованно заглядываем ей в глаза, которые… которые… такое ощущение, будто Мы различаем все те или по крайней мере некоторые дополнительные измерения, необходимые, чтобы явить Наш истинный облик, легкими вуалями уложенные вокруг изогнутых форм Ады/Сабины, словно ее поддерживают не столько обивка и каркас кушетки, сколько ауратичные волны потаенной множественности. Сколько у нее глаз, сколько рук, сколько языков на самом деле, или когда-то было гораздо больше, поскольку так же, как Мы родили себя, опустившись на всех ступенях развития до простых параметров длины, ширины и высоты, принятых у манфредоподобных, так и многогранная Ада, несмотря на ее путешествие во времени, упростилась для Нас до Сабины. Мы (или, возможно, и остатки Манфреда в некоторых из его прежних извилин) подумываем вновь поцеловать ее, однако сдерживаемся, чтобы еще глубже, гипнотически глубоко заглянуть ей в глаза. В ее ответном взгляде, где-то на самом дне, кажется, слабо мерцает ирония, своего

рода удовлетворение от собственной правоты, даже тихое торжество.

Еще раз: откуда ей так хорошо известна Наша система звуков (приближение элементов земной речи к тональному многообразию Истинной Вселенной в духе утешительного шаржа, подобно тому, как такты какой-нибудь симфонии насвистывают себе под нос или наигрывают на расческе, обернутой папиросной бумагой)? Вдруг Нам чудится, что в омуте, бархатном омуте карих Адиных глаз Мы различаем новых персонажей или их фрагменты, странные отражения и отсветы идентичностей. Разве это не Кристина, вторая дочь шведского короля Густава Второго, обрекшая Картезия на занятия в чертовски ранние часы, смотрит на Нас беспомощным и в то же время высокомерно-бесчувственным взглядом? Не оживает ли здесь ироничным образом, сбивая с толку, заботливая распорядительность мадам Фаульхабер из Ульма? Не оборачивается ли она тут же чувственной назойливостью Элеоноры Альбертины Шевиньяр де Шавиньи, противостоять которой Нам приходилось шпагой Декарта у Старой ратуши во Франкфурте? Не вырастает ли эта бурная страсть до напора, с коим некая особа в тесной комнате мыслителя Картезия в

Ульме оттолкнула Нас в туннеле Нашего беспамятства? А теперь, словно на новой, мимолетно распахнутой ветром странице в игру, похоже, вступает и Зильке-Марина с ее непредсказуемо жестоким сладострастием, отправившая Рональда на тот свет, а точнее, в пропасть! Неужели ее вероломный разум спасли? Взять, к примеру, сокола, который сверху стремительно наскакивает на летящий вне дороги красный спортивный автомобиль! Неужели в бездонном омуте этого взгляда нет никакой последней инстанции?

И все же Мы могли бы догадаться уже несколько веков назад. С каждой из Наших странных встреч это становилось все яснее. Все больше вскрывалось коконов, снималось маскировочных одежд, спадало покровов. Последние обманные завесы вокруг нее рвутся сейчас. Она опять изо всех сил прижимает Нас к стене туннеля, но теперь лишь для того, чтобы показать, что Нам от нее больше не ускользнуть. Ты и правда думаешь, как бы хочет сказать она, что Аксель еще мог существовать на самом деле — разум в черном стручке, как птица в космосе? А потом она наконец смотрит своим истинным взглядом, говорит своим собственным гибким языком прямо в Наш манфредовский рот, совершенно в той

шипящей, задыхающейся, фырчащей манере, более-менее точно воспроизводящей в ушах, заимствованных Нами у одного из человеков, звучание Великого Языка, на котором Мы когда-то говорили: «КУ!РММ ФЕ ФРВС!Т АЕ ЦЫФЦЫ У!РИ!КСС!ТУ!РКСУ!РМ П!ВЛММФ!ЫГ!РХГФ!Ы ФРУ!Р ХГ!ВЛ ДРУ!Р!УО КСУ!РХГХГУ!РИ!КС КЦЫИ!КС ЦЫ!УОХГ ХГЦЫКСРМУ!Р ФЦЫММ ПЦЫММХГФ!Ы ФЕ ФРВС!Т АЕ Н!ФРИ!КС У!РИ!КСС!ТУ!РКСУ!РМ ФРУ!Р ХГ!ВЛ ДРУ!Р!УО КССУ!РХГХГУ!РИ!Х РХГФ!Ы ЦЫ!УОХГ ЦЫФЦЫ!»[97]

КОНЕЦ

(в этой Вселенной)

---

[97] Примечания: 97

«Если ты смог подняться до Ады, которая намного лучше Сабины, то сможешь подняться и до меня, которая намного лучше Ады!» — *Примечание автора.*